ЕН171
М63
Тульский Губ. Комитет РКП(б).
СФ
12091

Л. Троцкий

Мировое положение и Третий конгресс Коммунистического Интернационала.

Приложения:

1062849

1. ТАКТИКА КОМИНТЕРНА (резолюция Конгресса Коминтерна).
2. ТАКТИКА ПРОФИНТЕРНА (резолюция 1-го Конгресса Красных Профсоюзов).

Тульское Губернское Управление Издательским Делом.

Тула.— Октябрь 1921 г.

Тульский Губернский Комитет
Российской Коммунистической Партии
(БОЛЬШЕВИКОВ).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН 171
М 631

Л. ТРОЦКИЙ.

МИРОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ и ТРЕТИЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. ТАКТИКА КОМИНТЕРНА (резолюция Конгресса Коминтерна).
2. ТАКТИКА ПРОФИНТЕРНА (резолюция 1-го Конгресса Красных Профсоюзов).

Тульское Губернское Управление
Издательским Делом.

Тула.— Октябрь 1921 г.

ЕН171
М631

БИБЛИОТЕКА
НИИЭМ
им. Н.Ф.Гамалеи

12091

30/6
30 с1.

1062849

I.

Мировое экономическое положение.

1917—1921 г.г.

Товарищи, вопрос, которому будет посвящен мой доклад, очень сложен и поэтому я опасаюсь, что доклад будет продолжителен. Я должен заранее просить вашего напряженного внимания, тем более, что я не уверен—удалось ли мне привести имеющиеся в моем распоряжении данные в такое состояние, при котором доклад требовал бы наименьшего напряжения внимания со стороны слушателей, т.-е., я не уверен, насколько мне удастся придать своим соображениям по вопросу о международном положении необходимый порядок и необходимую ясность.

Мы вступили со времени империалистской войны в революционную эпоху, т.-е., в ту эпоху, когда расшатаны и обрушиваются самые основы капиталистического равновесия. Равновесие капитализма есть очень сложное явление: капитализм вырабатывает это равновесие, нарушает его, снова восстанавливает и снова нарушает, раздвигая вместе с тем рамки своего владычества. В области экономической такими постоянными нарушениями и восстановлениями равновесия являются кризисы и под'емы. В области отношений между классами нарушение равновесия принимает форму стачек, локаутов, революционной борьбы. В области отношений между государствами нарушения равновесия—это война—или в более слабой форме—таможенная экономическая война или блокада. Капитализм имеет таким образом равновесие подвижное, которое всегда либо нарушается, либо восстанавливается. Но в то же время это равновесие имеет большую силу сопротивления,—лучшим доказательством чего является тот факт, что капиталистический мир до настоящего времени не свалился.

Последняя империалистская война была тем событием, которое по праву оценивалось нами, как колоссальный, небывалый в истории удар по равновесию капиталистического мира. Действительно, из войны выросла эпоха величайших массовых движений и революционных боев. Россия, слабейшее звено капиталистической цепи, первой оказалась выбита из равновесия и первой вступила на путь революции в 17 году—в марте. Наша мартовская революция нашла широкий отклик в рабочих массах Англии. 1917 год в Англии—год величайших стачечных боев, в течение которых английскому пролетариату удалось приостановить вызванный войною процесс ухудшения условий существования трудящихся масс. В ноябре 17 года рабочий класс России берет власть. Стачечная борьба ширится во всем капиталистическом мире, начиная с нейтральных стран. Япония осенью 18-го года переживает полосу могущественных «рисовых беспорядков», которые вовлекают в свой круг по некоторым данным до 25% населения и вызывают жестокие преследования со стороны правительства микадо. В январе 1918 года массовая стачка в Германии. В конце 18 года, после крушения германского милитаризма, происходит революция в Германии и Австро-Венгрии. Революционное движение расширяется. Наступает наиболее критический для капитализма—по крайней мере европейского—1919 год. В марте 19 года возникает советская республика в Венгрии. В январе и марте 19 года происходят в Германии жестокие бои революционных

рабочих с буржуазной республикой. Во Франции атмосфера в период демобилизации стала напряженной, но иллюзии победы и надежды на ее золотые плоды еще слишком сильны; борьба не получает здесь и в отдаленной мере того размаха, как в побежденных странах. В Соединенных Штатах в конце 19 года стачки получают могущественный размах, захватывая железнодорожников, горнорабочих, металлистов и пр. Правительство Вильсона открывает бешеные преследования против рабочего класса. В 20 году, весной, в Германии попытка контр-революционного переворота Коппа мобилизовала и двинула в борьбу рабочий класс. Напряженное, но неоформленное движение немецких рабочих было и на этот раз беспощадно раздавлено республикой Эберта, которую они спасли. Во Франции наибольшей остроты политическое положение достигло в мае прошлого года, во время об'явления всеобщей забастовки, которая, впрочем, далеко не оказалась всеобщей, была плохо подготовлена и предана оппортунистическими вождями, которые ее не хотели, но не смели в этом сознаться. В августе движение Красной Армии на Варшаву— тоже часть международной революционной борьбы—терпит неудачу. В сентябре итальянские рабочие, приняв в серьез словесно-революционную агитацию социалистической партии, овладевают заводами и фабриками, но, позорно преданные партией, терпят поражения по всей линии и подвергаются в дальнейшем беспощадному контр-наступлению со стороны об'единенной реакции. В декабре протекает революционная массовая стачка в Чехо-Словакии. Наконец, в текущем году, в центральной Германии развертываются революционные бои с массовыми жертвами, в Англии возобновляется упорная стачка горнорабочих, не закончившаяся и по сей день.

Когда мы в первый послевоенный период наблюдали развертывающееся революционное движение, то многим из нас могло казаться—и с достаточным историческим основанием—что движение это, все повышаясь и усиливаясь, должно непосредственно закончиться завоеванием власти рабочим классом. Но вот прошло после войны почти три года. Во всем мире, кроме России, власть остается в руках буржуазии. За это время капиталистический мир не стоял, конечно, на одном месте. Он изменялся. Европа и весь мир пережили чрезвычайно острый и опасный для буржуазии период демобилизации после войны,—демобилизации людей и демобилизации вещей, т.-е., промышленности,—период бешеного после-военного торгового под'ема, затем кризиса, который еще не закончен. И вот перед нами встает во всем об'еме вопрос: идет ли, действительно, развитие и сейчас в сторону революции, или же приходится признать, что капитализм справился с теми затруднениями, которые выросли из войны, и если не восстановил, то восстанавливает и приближается к восстановлению капиталистического равновесия на новых после-военных основах.

Успокоение буржуазии.

Если, прежде чем рассмотреть этот вопрос в его экономических основаниях, мы подойдем к нему чисто политически, то придется констатировать, что есть целый ряд признаков, фактов, заявлений, свидетельствующих о том, что буржуазия, как правящий класс, стала сильнее и прочнее, или, по крайней мере, чувствует себя такой. В 1919 г. европейская буржуазия находилась в состоянии острейшей растерянности. Это было временем панического, по истине сумасшедшего страха перед большевизмом, который представлялся весьма смутной и тем более грозной фигурой и изображался на стенных афишах в Париже в виде чело-

века с ножем и пр. и пр. В сущности в этом призраке большевика с ножем европейская буржуазия воплощала свой страх за свои преступления эпохи войны. Она-то во всяком случае знала, как мало отвечают результаты войны тем обещаниям, которые она давала. Она знала точно размеры жертв людьми и достоянием. Она боялась расплаты. 19 год был, несомненно, самым критическим годом для буржуазии. В 20 и 21 годах наблюдается постепенный прилив ее самочувствия и вместе с тем, несомненно, укрепление ее государственного аппарата, который непосредственно после войны в некоторых странах—как, например, в Италии —достиг почти полного разложения. Восстановление самоуверенности буржуазии приняло особенно яркие формы в Италии после трусливого предательства социалистической партией в сентябре. Буржуазия считала, что перед ней грозные разбойники и убийцы; она убедилась, что перед нею трусы. Так как я по болезни не занимался последнее время активной работой, то имел возможность читать много иностранных газет и скопил целую папку вырезок, ярко характеризующих перемену в настроении буржуазии и ее новую оценку мирового политического положения. Все свидетельства сводятся к одному: самочувствие буржуазии сейчас, несомненно, прочнее, чем в 19-ом и даже в 20 ом годах. Так, например, очень интересны корреспонденции, печатавшиеся в толковой, чисто капиталистической швейцарской газете «Нейэ Цюрихе Цейтунг», относительно политического положения во Франции, Германии и Италии. Так как Швейцария зависит от этих стран, то у ней большой интерес к их внутреннему положению. Вот, например, что писала названная газета по поводу мартовских событий в Германии: «Германия 1921 года совсем не то, чем была Германия 1918. Государственное сознание повсеместно вновь окрепло настолько, что методы коммунистов наталкиваются сейчас на сопротивление во всех слоях населения, несмотря на то, что сила коммунистов, которые в дни революции представляли лишь небольшую силу решительных людей, возросла с тех пор больше, чем в десять раз». В апреле в связи с выборами в итальянский парламент та же газета следующими выражениями рисует внутреннее состояние Италии»: „1919 год—буржуазия растеряна, большевизм наступает сплошной стеной. 1921 год—большевизм разбит и раздроблен, буржуазия выступает сплошной стеной». Французская руководящая газета «Le Temps» по поводу 1-го мая этого года писала, что ныне не осталось и следа тех опасений революционного переворота, которые наполняли атмосферу Франции в мае прошлого года и т. д.

Таким образом совершенно несомненен под'ем классовой самоуверенности буржуазии, и несомненно фактическое укрепление полицейски-государственного аппарата после войны. Но сам по себе этот факт—как он ни важен—еще далеко не решает вопроса, и, во всяком случае, наши враги чрезвычайно торопятся делать отсюда вывод относительно банкротства нашей программы. Конечно, мы надеялись на то, что буржуазия свалится в 1919 году. Но мы, конечно, не были в этом уверены и, разумеется, не на этой дате была построена наша программа действий. Когда теоретики 2-го и 2½ Интернационала говорят, что мы обанкротились в наших пророчествах, то можно подумать будто дело шло о предсказывании астрономического явления: будто мы ошиблись в нашем математическом расчете, что такого-то числа будет солнечное затмение, и оказались, стало быть, плохими астрономами. Но, ведь, на самом деле дело обстоит вовсе не так. Мы предсказывали не солнечное затмение, т.-е. событие, находящееся вне нашей воли и независимое от наших действий. Дело шло об историческом событии, которое должно было совершиться и совершится при нашем участии. Когда мы говорили

о революции в результате мировой войны, то это означало, что мы стремились и стремимся использовать последствия мировой войны для всемерного ускорения революции. Если революция не произошла до сегодняшнего дня во всем мире или по крайней мере в Европе, то это никак не означает „банкротства коммунистического Интернационала“, ибо его программа не основана на астрономических датах. Это понятно каждому коммунисту, который сколько-нибудь продумал свою точку зрения. Но раз революция не пришла по горячим следам войны, то совершенно очевидно, что буржуазия полученную ею передышку использовала для того, чтобы наиболее ужасающие и грозные последствия войны, если не преодолеть и устранить, то замаскировать, залепить и пр. и пр. Успела ли она в этом? Отчасти успела. В какой мере? Здесь-то и начинается существо вопроса о восстановлении капиталистического равновесия.

Восстановлено-ли мировое равновесие?

Что означает капиталистическое равновесие, о котором ныне с полной уверенностью говорит международный меньшевизм? Это понятие равновесия со стороны социал-демократов не анализируется, не расчленяется, не выясняется точно. В равновесии капитализма заключается очень много факторов, явлений, фактов,— основных, второстепенных и третьестепенных. Капитализм есть явление мировое. Он успел охватить весь земной шар, и это особенно резко сказалось во время войны и блокады, когда одна страна производила излишки и не имела рынка, а другая, нуждающаяся в товарах, не имела доступа к ним. И сейчас эта взаимная зависимость раздробленного мирового рынка сказывается везде и всюду. Капитализм в достигнутой им до войны стадии основан на международном разделении труда и на международном обмене продуктов. Нужно, чтобы Америка производила известное количество хлеба для Европы. Нужно, чтобы Франция производило известное количество предметов роскоши для Америки. Нужно, чтобы Германия производила известное количество дешевых предметов потребления для Франции. Это разделение труда опять-таки не есть что-либо постоянное, раз навсегда данное. Оно вырабатывается исторически, всегда нарушается путем кризисов, конкуренции,—не говоря уже о таможенных войнах,—снова восстанавливается и снова нарушается. Но, в общем, мировое хозяйство держится на том, что между разными странами более или менее распределено производство соответственных благ. Вот это мировое разделение труда нарушено войной в корне. Восстановлено оно или нет? Это одна сторона вопроса.

В каждой отдельной стране сельское хозяйство производит для промышленности предметы личного потребления рабочих и предметы производственного потребления (сырые материалы) для промышленности, а промышленность производит для деревни предметы домашнего обихода личного потребления и средства сельскохозяйственного производства. Тут опять-таки вырабатываются известные взаимоотношения. Наконец, внутри самой промышленности имеется производство средств производства и производство предметов потребления, между которыми устанавливается некоторое соотношение, постоянно нарушаемое и снова возрождающееся на новых основах. Все эти соотношения и пропорции война нарушила коренным образом уже тем одним, что во время войны промышленность Европы, а в значительной мере и Америки и Японии, производила не столько предметов потребления и средств производства, сколько средства истребления. Поскольку же производились предметы личного потребления,—они потреблялись не столько рабо

чимя—производителями, сколько разрушителями—солдатами империалистских ар-ний. Вот это нарушенное соответствие между городом и деревней, между различными отраслями внутри промышленности отдельных стран—восстановлено или нет?

Далее следует равновесие классов, которое опирается на равновесие хозяйства. В период до войны не только в международных отношениях был, так называемый, вооруженный мир, но и между буржуазией и пролетариатом в значительной мере господствовал вооруженный мир при помощи системы коллективных тарифных договоров, которые заключались централизованными союзами и все более и более централизованным промышленным капиталом. Это равновесие также было нарушено войной целиком,—что и привело к колоссальному стачечному движению во всем мире. Относительное равновесие классов буржуазного общества, без которого немыслимо производство, восстановлено или нет? и на какой основе?

Равновесие классов тесно связано с равновесием в политике. Буржуазия во время войны, да и до войны—хотя мы тогда это меньше замечали—держала в равновесии свою механику через посредство социал-демократов, социал-патриотов, которые были ее важнейшей агентурой и держали рабочий класс в рамках буржуазного равновесия. Только благодаря этому буржуазия получила возможность провести войну. Восстановила ли она теперь снова равновесие своей политической системы и в какой мере социал-демократы сохранили или утратили свое влияние на массы и способны играть свою роль охранителей буржуазии?

Далее стоит вопрос о международном равновесии, т.-е. о „мировом сосуществовании" капиталистических государств, без чего, разумеется, невозможно восстановление капиталистического хозяйства. Достигнуто ли равновесие в этой области или нет?

Все эти стороны вопроса должны быть оценены для того, чтобы можно было дать ответ насчет того, продолжает ли мировая ситуация оставаться революционной или же, наоборот, правы те, которые считают наши революционные перспективы утопическими. Рассмотрение каждой из сторон вопроса требует иллюстрации многими фактами и цифрами, которые трудно докладывать большому собранию и которые трудно запоминаются. Я постараюсь поэтому дать только основные данные в ориентировке в этом вопросе.

Установилось ли новое международное разделение труда? В этой области решающим фактом является перенесение центра тяжести капиталистического хозяйства и буржуазного могущества из Европы в Америку. Это—основной факт, который каждому из вас, товарищи, нужно запомнить самым твердым и отчетливым образом, чтобы понимать те события, которые развертываются перед нами и которые будут развертываться в ближайшие годы. До войны капиталистической сердцевиной мира была Европа, она была главной лавкой земного шара, главной фабрикой его и главным его банком. Европейский промышленник—в первую голову английский, а затем немецкий, европейский купец—прежде всего английский, европейский ростовщик—прежде всего английский, а затем французский,—были фактическими руководителями мирового хозяйства и, стало быть, и политиками всего земного шара. Сейчас этого нет. Европа отброшена назад.

Хозяйственный упадок Европы в цифрах.

Попытаемся факт перенесения хозяйственного центра тяжести и размеров хозяйственного упадка Европы определить в цифрах, хотя бы и очень приблизительных. До войны национальная собственность, т.-е. совокупность достояния

всех граждан и государств, участвовавших в последней войне стран, исчисл лась приблизительно в 2400 миллиардов золотых марок. Годовой доход все стран, т.-е. то количество продуктов, которые добывались ими в течение года исчислялось в 340 миллиардов марок. Сколько же израсходовала и уничтожил война? Не больше и не меньше, как 1200 миллиардов золотых марок, т.-е. рови половину того, что накопили все воевавшие страны в течение всего своего существования. Разумеется, расходы войны покрывались прежде всего из текущих доходов. Но если мы примем, что национальный доход каждой страны в время войны уменьшился хотя бы на одну треть вследствие огромного отвлечения рабочих рук и, стало быть, стал равен 225 миллиардам марок, если мы далее примем, что все невоенные расходы поглощали 55%, то мы придем к выводу, что из новых национальных доходов можно было бы покрывать военны расходы не больше, как на 100 миллиардов золотых марок в год. За четыр года войны это составит 400 миллиардов марок. Следовательно, недостающи 800 миллиардов марок должны были быть покрыты за счет основного капитал воевавших наций, главным образом путем невосстановления их производственно аппарата. Отсюда вытекает, что общее достояние всевавших стран после войн уже составляло не 2400 миллиардов золотых марок, а всего лишь 1600, т.-е на одну треть меньше.

Но не все участвовавшие в войне страны обеднели одинаково. Наоборот есть среди воевавших—как мы еще увидим—разбогатевшие страны, именно Соединенные Штаты и Япония. Это значит, что европейские страны, участвовавшие в войне, потеряли более третьей части своего национального достояния, некоторые—как Германия, Австро-Венгрия, Россия, Балканы—значительно боле половины.

Вы знаете, что капитализм, как хозяйственная организация, полон противоречий. Эти противоречия за годы войны достигли чудовищного размера. Чтобы добыть средства на ведение войны, государство прибегало преимущественно к двум мерам: во-первых, выпускало бумажные деньги, во-вторых, заключало займы Таким путем в оборот входило все более и более, так называемых, ценных бумаг при помощи которых государство извлекало из страны действительные материальные ценности и уничтожало их на войну. Чем больше расходовало государство т.-е. чем больше оно уничтожало действительных ценностей, тем больше накоплялось в стране мнимых, фиктивных ценностей. Бумаг государственного займа накопились горы. Казалось, будто страна чрезвычайно разбогатела, а на самом деле хозяйственная основа под ногами все более и более ослабевала, расшатывалась, обрушивалась. Государственные долги достигли приблизительно 1000 миллиардов золотых марок, что составляет 62% нынешнего национального достояния воевавших стран. Бумажных денег и кредитных знаков имелось до войны, примерно, на 28 миллиардов золотых марок, теперь их 220—280 миллиардов, т.-е в 10 раз больше,—и это, разумеется, не считая России, ибо мы говорим только о капиталистическом мире. Все это относится главным образом, если не исключительно, к европейским странам, преимущественно к континенту и особенно центральной Европе. В общем, по мере того, как Европа становилась и сейчас еще продолжает становиться беднее, она покрывалась и покрывается все более и более толстым слоем бумажных ценностей или того, что называется фиктивным капиталом. Этот фиктивный капитал—кредитки, казначейские знаки, заемные документы, банкноты и проч.—представляет собою либо воспоминания о покойном капитале, либо надежду на новый капитал. Но в настоящее время ему ника

не отвечает реальный действительный капитал. Когда государство заключало заем на производительные задачи, скажем, на Суэцкий канал, то соответственным государственным бумагам отвечает реальная ценность, Суэцкий канал, который пропускает пароходы, взимает с них плату, дает доход, вообще участвует в хозяйстве. Но когда государство занимало на войну, то мобилизованные при помощи займа ценности уничтожали и разрушали при этом новые ценности. Между тем заемные бумаги остались в карманах и портфелях у граждан: государство должно сотни миллиардов. Эти сотни миллиардов существуют в виде бумажного богатства в кармане у тех, кто давал государству заем. Но где эти реальные миллиарды? Их нет. Они сожжены, они уничтожены. На что надеется держатель этих бумаг? Если это француз, то он надеется на то, что Франция вырвет миллиарды с мясом у немца и ему заплатит.

Разрушение основ капиталистических наций, разрушение их производственного аппарата зашло на самом деле во многих отношениях гораздо дальше, чем это можно установить статистически. Это особенно ясно видно на квартирном вопросе. Все силы капитала—в виду бешеных военных и после-военных барышей—были направлены на производство новых предметов личного или военного потребления. Восстановление же основного производственного аппарата запускалось все более и более. Это относится целиком к городскому домостроительству. Старые дома плохо ремонтировались, а новые строились в ничтожном числе. Отсюда—чудовищный квартирный голод во всем капиталистическом мире. Если в настоящее время вследствие кризиса, при котором основные капиталистические страны используют не более половины или одной трети своих производственных возможностей, разрушение производственного аппарата не так заметно, то в квартирной области, вследствие непрекращающегося размножения населения, расстройство хозяйственного аппарата сказывается со всей силой. В Америке, Англии, Германии, Франции нужны сотни, тысячи и даже миллионы квартир. Но соответственные работы упираются в непреодолимые трудности, вызываемые общим обеднением. Капиталистической Европе приходится и придется сжаться, сузить свой размах, понизить свой уровень на многие годы.

Как я уже сказал, в рамках общего оскудения Европы разные страны оскудели в разной степени. Возьмем Германию, как наиболее пострадавшую из могущественнейших капиталистических стран. Я приведу основные цифры, характеризующие экономическое положение Германии до войны и теперь. Эти цифры не очень точны. Статистические исчисления национального богатства и национального дохода—вещь очень трудная при капиталистической анархии. Настоящий учет дохода и имущества будет возможен только при социализме, учет, выраженный в единицах человеческого труда, разумеется, при настоящем, хорошо организованном и правильно действующем социализме, до которого нам еще очень и очень далеко. Но и неточные цифры будут нам полезны, потому что дадут нам все же хотя бы приблизительное представление о переменах, происшедших в хозяйственном положении Германии и других стран за последние 6—7 лет.

Национальное богатство оценивалась накануне войны в 225 миллиардов золотых марок, а наивысший национальный доход—в 40 миллиардов марок. До войны Германия, как известно, очень быстро богатела. В 1896 году доход ее представлял 22 миллиарда. В течение 18 лет (1896—1913) он увеличился на 18 миллиардов, т. е. возрастал, примерно, на один миллиард в год. Эти 18 лет были вообще временем могущественного капиталистического под'ема во всем мире и особенно в Германии. В настоящее время национальное достояние исчисляется

в 100 миллиардов марок, а национальный доход—в 16 миллиардов марок, т.-е. в 40% до-военного дохода. Правда, Германия потеряла часть своих территорий, но главные потери связаны с расходами войны и после-военного разграбления Германии. Немецкий экономист Рихард Калвер считает, что в области промышленности, так и в области сельского хозяйства сейчас и Германии добывается гораздо менее половины тех ценностей, какие добывались до войны. Исчисления Калвера таким образом вполне подтверждают приведенные мною цифры. В то же время государственный долг Германии вырос до 250 миллиардов марок, т.-е. в 2½ раза превышает нынешнее богатство Германии. Кроме того, на Германию возложена контрибуция в 132 миллиарда марок. Если бы англичане и французы решили эти суммы получить немедленно и полностью,—они должны были бы положить себе в карман всю Германию, начиная с шахт Стиннеса и кончая запонками президента Эберта. Денежных знаков в Германии сейчас имеется на 81 миллиард марок. Из них обеспечено золотом всего не более 5 миллиардов. Стало быть, внутренняя ценность немецкой марки сейчас менее 7 пфеннигов.

Правда, Германия выступала за время после войны очень победоносно на мировом рынке, вывозя туда свои товары по очень дешевой цене. Если эта дешевизна доставляла крупные прибыли немецким купцам и экспортерам, то в последнем счете она означала разрушение для немецкого населения в целом, ибо дешевые цены на международном рынке обусловливались низкой заработной платой и недоеданием рабочих, приплатой государства к хлебу, регулировкой квартирной платы, что в свою очередь сопровождалось полным прекращением строительства и крайним сокращением ремонта и проч и проч. Таким образом, каждый немецкий продукт, выброшенный на мировой рынок, уносит с собой некоторую часть немецкого национального достояния, за которую Германия не получает никакого эквивалента.

Для того, чтобы «оздоровить» немецкое хозяйство, нужно упрочить валюту, т. е. нужно приостановить выпуск новых бумажных ценностей и сократить число существующих. А для этого нужно отказаться от уплаты долгов, т.-е. объявить государственное банкротство. Но эта мера сама по себе означает страшное потрясение равновесия, ибо связана с передвижкой собственности из одних рук в другие и потому должна вызвать ожесточенную борьбу классов за новое распределение национального дохода. Пока же Германия продолжает беднеть и падать.

Возьмем победоносную страну—Францию. Если мы сравним положение Франции с тем положением, какое было в 1918—19 годах, то мы скажем: да, здесь есть некоторые улучшения. Я приведу сейчас цифры, которыми щеголяет французская буржуазная экономика, стремясь доказать факт восстановления капиталистического хозяйства. Возьмем область земледелия. Пшеницы до войны Франция давала ежегодно 86 миллионов квинталей (квинталь 100 кгр., немногим более 6 пудов), овса—52 миллиона, картофеля—132. 1919-й год дал пшеницы 50 миллионов, последний урожай (1920 год)—63 миллиона. В 1919 году картофеля—77 миллионов, в прошлом году—103 миллиона. Теперь возьмем скотоводство: овец в 1913 году было 16 миллионов, теперь—9 миллионов, свиней—7 миллионов, теперь 4 миллиона,—уменьшение огромное. Возьмем уголь, этот важнейший продукт и важнейший фактор промышленности. В 1913 году Франция добыла 41 миллион тонн угля, 1919—22 миллиона, в 20 году—25, а если считать Эльзас-Лотарингию и Саарский угольный бассейн, то добыча 1920 года выразится цифрой 35,6 миллиона тонн. Стало быть, повышение есть. Но это повышение далеко еще не достигает до-военного уровня. Но каким образом, однако

достигнуты эти, к тому же очень скромные, успехи? В области земледелия они достигнуты главным образом упорным и кропотливым трудом французского крестьянина. Но в чисто-капиталистической области успехи эти достигнуты преимущественно путем грабежа Германии, у которой забирали коров, семена, машины, паровозы, золото и особенно уголь.

С точки зрения обще-хозяйственной тут нет плюса, ибо нет создания новых ценностей, а есть, главным образом, перемещение старых ценностей. К этому еще нужно добавить, что Германия теряла в полтора или два раза больше, чем получала от нее Франция.

Итак, мы видим, в частности, что, отняв у Германии важнейшие области металлургии и угля, Франция далеко еще не достигла своего собственного до-военного уровня. Возьмем французскую внешнюю торговлю. Торговый баланс характеризует экономическое международное равновесие между разными странами. Капиталистическая страна считает себя в хорошем положении, если она вывозит за-границу больше, чем ввозит из-за границы. Разницу ей уплачивают золотом. Такой баланс называется активным. Если страна вынуждена больше ввозить, чем она может вывозить, то баланс будет пассивный, и эта страна вынуждена к ввозимым ею товарам прибавлять еще часть своего золотого запаса. Этот последний тает, и под денежной и кредитной системой постепенно разрушается фундамент. Если мы возьмем Францию последних двух лет—1919 и 20 года, т.-е. двух лет «восстановительной» работы французской буржуазии, то увидим, что в 19 году торговый пассив составлял 24 миллиарда, в 1920 году—13 миллиардов. Таких цифр французский буржуа и в страшных кошмарных снах не видал до войны. Торговая нехватка за два года составляет 27 миллиардов. Правда, за первую треть этого года Франция свела свой торговый баланс без пассива, т.-е. ввоз равнялся вывозу. По этому поводу некоторые буржуазные экономисты ударили в литавры: Франция восстанавливает, мол, свое торговое равновесие. Но руководящий орган буржуазии „Le Temps" («Время») писал 18 мая по этому поводу: «Вы ошибаетесь. Мы потому только не должны доплачивать золотом за эти три месяца, что мы мало ввозили сырых материалов. Но это означает только то, что во вторую половину года мы будем мало вывозить продуктов, которые мы изготовляем вообще благодаря заграничному, главным образом американскому, сырью. Следовательно, если мы свели благополучно наш торговый баланс за три месяца, то в дальнейшем торговый пассив неизбежно будет возрастать».

Денежных знаков до войны было менее шести миллиардов франков, теперь — более 38-ми. Относительно покупной силы франка та же газета указывает, что к концу марта, когда уже наступил кризис во всем мире, в Америке цены были выше довоенных на 23%, т.-е. меньше, чем на четвертую часть, тогда как во Франции—на 260%, т.-е. выше в три с половиною раза, чем до войны. Это значит, что покупательная сила франка понизилась в несколько раз. Возьмем теперь французский бюджет. Он делится на две части: на нормальный и чрезвычайный. Нормальный бюджет исчисляется в 23 миллиарда франков—цифра, которой довоенное время не знало! Куда уходят эти чудовищные суммы? 15 миллиардов—это уплата процентов по долгам, 5 миллиардов—содержание армии; итого 20 миллиардов. Это все, что французское государство собралось выжать из плательщика налогов. На самом деле выжать удалось лишь около 17½ миллиардов. Стало быть, «нормального» дохода государства далеко не хватает даже на уплату процентов и на содержание армии. Но далее идут чрезвычайные расходы: свыше 5 миллиардов на оккупационные войска, 23 миллиарда на всякие

военные возмещения и восстановления. Эти расходы записываются на германский счет. Но совершенно очевидно, что Германия чем дальше, тем меньше в состоянии будет их выплачивать. Пока же французское государство продолжает жить или путем новых займов или путем нового выпуска бумажных денег. Один из виднейших финансовых журналистов Франции, руководитель важнейшей экономической газеты „L'Information" Leon Chavenon отстаивает дальнейшее печатание бумажных денег, заявляя: «мы не избавимся от этой необходимости иначе, как открытым банкротством». Стало быть, имеются только две возможности: замаскированные банкротство путем дальнейшего выпуска ценных бумажек, или банкротство открытое. Вот как обстоит дело с Францией, страной - победительницей, которая поставлена в разоряющейся Европе в благоприятные условия в том смысле, что могла и может восстанавливать свое равновесие на счет Германии. Положение в Италии и Бельгии во всяком случае не лучше положения Франции.

Перейдем теперь к самой богатой, самой могущественной стране Европы, — Великобритании. Мы привыкли во время войны говорить, что Англия наживается на войне, что британская буржуазия вогнала Европу в войну и греет теперь руки. Это было верно только до известного предела. Англия наживалась в первый период войны и стала проживаться во второй. Обеднение Европы, в особенности центральной, нарушило торговые взаимоотношения между Англией и остальной частью Европы. Это дожно было в конце концов ударить и ударило по промышленности и финансам Англии. А кроме того Англия оказалась вынужденной нести чудовищные расходы по самой войне. Ныне Англия находится в состоянии упадка и упадка, все более возрастающего. Этот факт может быть иллюстрирован цифрами промышленности и торговли, которые я далее приведу, но самый факт бесспорен и находит свое выражение в ряде открытых и вполне оффициальных заявлений виднейших английских банкиров и промышленников. В течение марта, апреля и мая соответствующих английских изданиях печатались отчеты годовых собраний акционерных компаний, банков и пр. Эти отчетные собрания, где руководители предприятий делают доклады, характеризуя общее положение дел страны или в своей отрасли промышленности, представляют материал исключительной поучительности. Я подобрал целую папку таких отчетов. Все они свидетельствуют об одном и том же: национальный доход Англии, т.-е. совокупность дохода всех ее граждан и самого государства, стал гораздо меньше, чем до войны.

Англия обеднела. Производительность труда пала. Международная торговля за 20 г. понизилась по сравнению с последним довоенным годом, по крайней мере, на одну треть, а в некоторых важнейших отраслях еще гораздо больше. Особенно резка перемена в угольной промышленности, которая была главной отраслью английского хозяйства, вернее сказать, на которой держалась вся мировая хозяйственная система Англии, ибо угольная монополия составляла основу могущества, силы и процветания всех остальных отраслей английской промышленности. Теперь от этой монополии не осталось и следа. Вот основные фактические данные о состоянии английского хозяйства. В 1913 г. угольная промышленность Англии доставляла 287 миллионов тонн угля. В 20 г. 233 миллиона тонн, т. е. на 20% меньше. Чугуна в 13 году было выделано 10,4 миллиона тонн, в 20-м немногим более восьми миллионов тонн, т.-е. опять-таки на 20% меньше. Вывоз угля в 13 году составлял 73 миллиона тонн, в 20-м—всего лишь 25 миллионов тонн, т.-е. одна треть. Но падение угольной промышленности и угольного

вывоза в текущем 21 г. является уже совершенно чудовищным. В январе добыча угля—19 милл. тонн, в феврале—17, в марте 16. Дальше разразилась всеобщая стачка, и добыча угля приблизилась к нулю. Вывоз за первые пять месяцев 1921 г. в шесть раз меньше вывоза за тот же период в 1913 г. Весь вывоз за май текущего года, выраженный в ценах, в 3 раза меньше вывоза за май прошлого года. Государственный долг Англии 1 августа 1914 г. составлял 71 миллион фунт. стерл., 4 июня текущего года—7709 миллионов фунт. стерл., т. е. увеличился в 11 раз. Бюджет вырос в 3 раза.

Падение английского хозяйства нашло свое яркое выражение в курсе английского фунта стерлингов. На мировом денежном рынке фунт стерлингов занимал искони господствующее положение. Валюта всех других стран равнялась по фунту стерлингов, который называется по-английски «bovereign», т.-е. властителем. В настоящее время фунт стерлингов утерял свою руководящую роль. Его место занял доллар, нынешний владыка финансового рынка. Фунт стерлингов в настоящее время по сравнению с долларом утратил 24% своей номинальной цены. Вот как обстоит дело в Англии, самой богатой стране Европы, наименее пострадавшей от военных действий и наиболее пажившейся на войне в первый ее период.

Приведенные нами данные достаточно характеризуют положение всей Европы. Из участвовавших в войне стран на одном полюсе находится Австрия, как наиболее пострадавшая (если не говорить о России), на другом—Англия. Между ними размещаются Германия, Италия, Бельгия, Франция. Балканские страны совершенно разорены и отброшены в состояние хозяйственного и культурного варварства. Что касается нейтральных стран, то они в первый период, несомненно, наживались, но так как они самостоятельной хозяйственной роли играть не могут, а живут в порах между большими странами и целиком зависят в хозяйственном смысле от этих последних, то упадок главных стран Европы привел к величайшим хозяйственным затруднениям для нейтральных стран, которые теперь также чрезвычайно опустились по сравнению с тем уровнем, которого они достигли в первый период войны. Таким образом доход Европы, т. е. количество добываемых всем европейским населением материальных ценностей упало по крайней мере на одну треть по сравнению с довоенным временем. Но гораздо существеннее, как я уже сказал, тот упадок, который произошел в основном аппарате хозяйства. Крестьянин не находил искусственного удобрения, сельскохозяйственных орудий и машин, шахтовладелец в погоне за высокими ценами на уголь не обновлял оборудования шахт, паровозный парк изнашивался, железнодорожные пути в достаточной мере не обновлялись и пр. и пр. Все это привело к тому, что основная ткань хозяйства стала слабой, более расшатанной, менее надежной. Как это все измерить и учесть? До этого капиталистическая статистика не дошла. Такого рода инвентаризация, т.-е. ценностный учет состояния инвентаря не отдельного хозяйства, а всей страны и всей Европы, несомненно, показал бы, что не только военный, но и послевоенный режим поддерживался и поддерживается за счет основного производственного капитала Европы. Это значит, например, что Германия, вместо того, чтобы направить 50 тысяч рабочих на улучшение шахт, направляет лишних 50 тысяч рабочих на добычу угля, который нужно отдавать Франции. С другой стороны, Франция, стремясь вывезти как можно больше продуктов за границу, чтобы уменьшить свой торговый дефицит, опять-таки не восстановляет своего оборудования в необходимых размерах. И это касается всех

стран Европы, ибо Европа в целом имеет дефицитный, т.-е. пассивный торговый баланс. Ослабление основ европейского хозяйства скажется завтра еще сильнее, чем сказалось вчера и сегодня. Большой червь истории подкапывается под самый фундамент европейской экономики.

Экономический расцвет Америки.

Совершенно другая картина открывается, если, мы перешагнем на другое полушарие. Америка проделала развитие прямо противоположного характера. Она бешено обогатилась в это время. В войне она участвовала главным образом, как поставщик. Правда, она и сама несла расходы по ведению войны, но эти расходы оказались ничтожны, если их сравнивать не просто с ее военной прибылью, а со всеми теми выгодами, которые война открыла экономическому развитию Америки. Соединенные Штаты не только получили в лице воевавшей Европы почти беспредельный рынок, который все покупал и притом по повышенным ценам,—они освободились на ряд лет от главных своих конкурентов на мировом рынке—от Германии и от Англии, которые главным образом обслуживали войну. Почти до самой войны Соединенные Штаты вывозили главным образом, именно на две трети, продукты земледелия и сырья. За время войны вывоз Соединенных Штатов непрерывно и прямо-таки лихорадочно возрастал. Достаточно сказать, что избыток вывоза над ввозом за 6 лет (1915—1920 г.) составлял 18 миллиардов долларов. При этом характер вывоза радикально изменился Соединенные Штаты вывозят теперь на 60% продукты промышленности и только 40% продукгов земледелия и скотоводства и сырые материалы—хлопок и пр.

Чтобы очертить нынешнюю роль Соединенных Штатов в мировом хозяйстве я приведу следующие основные цифры: в пределах Соединенных Штатов живет 6% мирового населения. 7% поверхности земли приходится на долю Соединенных Штатов; из мирового производства золота Соединенные Штаты доставляют 20%; на долю Соединенных Штатов приходится 30% тоннажа мирового торгового флота, тогда как до войны они имели не более 5%. Соединенные Штаты производят стали и железа 40%, олова—40%, серебра—40%, цинка—50%, угля—45%, аллюминия—60%, столько же меди и хлопка, нефти—от 66 до 70%, маиса—75% и автомобилей 85%. На всем свете имеется сейчас около 10 миллионов автомобилей. Из них на долю Америки приходится $8^1/_2$ миллионов, на весь остальной мир 1 миллион 400 тысяч. На 12 человек американцев приходится 1 автомобиль.

Таким образом господство на угольном рынке, утерянное Англией, окончательно перешло к Соединенным Штатам. Не менее важно подавляющее превосходство Соедин. Штатов в области нефти, которая играет все большую и большую роль в промышленности и военном деле. Но не только в области промышленности и мировой торговли, на денежном рынке произошла та же перемена. Главным до-военным мировым ростовщиком была Англия, за ней шла Франция. Им должен был весь мир, в том числе и Америка. Теперь же единственная страна, которая никому не должна и которой должны все, это—Соед Штаты. Европа, т.-е. европейские государства, города и предприятия должны Соед. Штатам 18 миллиардов золотых долларов. Но это только начало. Каждый день этот долг увеличивается на 10 миллионов долларов вследствие неуплаты процентов и путем получения новых кредитов. В соответствии с этим, как я уже упоминал, доллар стал «сувереном» мирового финансового рынка. Раньше доллар, рекомендуясь,

говорил: я являюсь, примерно, одной пятой фунта стерлингов. Что касается последнего, то он не нуждался ни в какой рекомендации: он жил, как фунт стерлингов—и только. Теперь дело изменилось радикально. Ныне фунт стерлингов проживает по паспорту, как и все прочие денежные единицы, и в этом паспорте сказано, что фунт стерлингов в сущности—не фунт стерлингов, а столько-то долларов (почти на четверть меньше, чем значится в старых до-военных справочниках). Около половины мирового золота, которое служит основой всей денежной системы, теперь сосредоточено в Соед. Штатах—около половины мирового запаса.

Таково положение Северной Америки после войны. Как оно создалось? Оно выросло на военном рынке Европы, который был безграничен и платил любую цену. В английских колониях, в Азии, в Африке, а также в Южной Америке конкурентов не было, они почти совершенно исчезли, и Соединенные Штаты развернулись во всю. Мы имели такии образом в течение 7-ми лет полный переворот в области мирового разделения труда. Европа на 4 слишком года превратилась в костер, на котором сжигала не только свой доход, но и основной капитал, а американская буржуазия у этого костра грела руки. Производственная способность Америки чрезвычайно выросла, но рынок исчез, т. к. Европа обеднела и не может дальше покупать американские товары. Получилось такое положение, как если бы Европа сперва изо всех сил помогала Америке подняться на самую высокую ступеньку, а потом выдернула доску из под ее ног.

Остальные страны.—Кризис.

Япония также воспользовалась эпохой войны, и капитализм ее сделал большие успехи, которые однако не идут, разумеется, ни в какое сравнение с развитием Соед. Штатов. Некоторые отрасли японской промышленности развернулись оранжерейным темпом. Однако, если Япония и оказалась способной быстро поднять отдельные отрасли промышленности за отсутствием конкурентов, то теперь, когда многие конкуренты вернулись, она не всегда способна отстоять завоеванные позиции. Общее число японских рабочих и работниц (в Японии чрезвычайно широко применяется женский труд) составляет 2 миллиона 370 тысяч, из них 270 тысяч (около 12%) организованы в профессиональные союзы.

В колониальных и полуколониальных странах, в Ост-Индии, в Китае, капитализм сделал за последние 7 лет крупнейшие завоевания. До войны Азия давала 56 миллионов тонн угля. В 1920 г. она дала 76 милл. тонн, т.-е. на 36% больше.

Ныне весь мир переживает жесточайший кризис, который начался весною прошлого года в Японии и Америке, т.-е. в тех именно странах, которые развивались, а не падали за последний период.

Солиднейшее английское экономическое издание „Экономист“ довольно любопытным образом рассказывает, как начался кризис. Это очень интересный эпизод. Американский рабочий, видите-ли, разбогател и стал покупать шелковые рубахи, производство которых составляет важнейшую отрасль японской текстильной промышленности. Японская шелковая промышленность в короткий срок сильно поднялась, но так как все-таки покупательная способность рабочих весьма ограничена и сразу понизилась, как только американская промышленность стала перегруппировываться ввиду заключения мира, то в японской шелковой промышленности сразу открылся острый кризис, который перебросился на другие отрасли,

охватил Америку, перенесся через океан и ныне во всем мире достиг еще небывалой в истории капитализма глубины. Таким образом все началось с малого—с шелковой рубашонки, а закончилось большим:—цены полетели вниз и полетели бешено, заводы стали закрываться, рабочие выбрасываются на улицу. *В Америке есть теперь не менее 5-ти, а некоторые говорят и 6-ти миллионов безработных.*

Эпизод с шелковыми рубахами имеет такое же, примерно, значение в истории кризиса, как взмах крыла птицы, которая обрушивает снежную лавину. Очевидно, лавина была уже готова к падению. Но этот эпизод интересен еще тем, что характеризует несомненное улучшение материального положения, по крайней мере, известных категорий рабочих за последние годы. Из $8^1/_2$ миллионов автомобилей очень значительная часть принадлежит квалифицированным американским рабочим, но теперь, и особенно в ближайшее время, американским рабочим будет не до автомобилей и не до шелковых рубах.

Итак—кризис в Европе и—кризис в Америке. Но это кризисы разного порядка. Европа обеднела, а Америка разбогатела. Производственный аппарат Америки сравнительно в порядке. Заводы—первоклассные. Инвентарь на-лицо. Правда, качество продуктов за военное время понизилось, железные дороги расстряслись, так как капиталисты заботились главным образом о том, чтобы транспортировать товары к восточным пристаням,—но в общем Америка свой хозяйственный аппарат не только сохранила, но и увеличила.

Покупательная способность Европы пала. Ей нечего давать в обмен на американские товары. Центр тяжести мирового хозяйства резко передвинулся в Америку, отчасти в Японию. Если Европа страдает от худосочия, то Соединенные Штаты сейчас не меньше страдают от полнокровия. Это чудовищное несоответствие между состоянием хозяйства Европы и Америки,—несоответствие, гибельное для обоих сторон,—находит наиболее яркое свое выражение в области средств морского транспорта. В этой области,—как и во многих других, господствующее положение до войны принадлежало Англии. В ее руках было до 50% мирового тоннажа. Стремясь обеспечить за собою господство во всех отношениях, Соединенные Штаты строили торговый флот тем же темпом, каким развивалась их торговля за военное время. Свой тоннаж они подняли с 3—4 миллионов до 15-ти и сейчас почти сравнялись с Англией.

Мировой тоннаж за эти годы увеличился абсолютно, примерно, на $^1/_5$. Между тем промышленность и мировая торговля упали. Вывозить нечего. Худосочие Европы и полнокровие Америки одинаково парализуют транспортную работу на Атлантическом океане.

Под'ем и кризис.

Буржуазные и реформистские экономисты, идейно заинтересованные в том, чтобы прикрашивать состояние капитализма, говорят:—«нынешний кризис сам по себе еще ровно ничего не доказывает. Наоборот, это явление нормальное. Мы наблюдали после войны промышленный под'ем, а теперь—кризис,—стало быть капитализм жив и развивается". Действительно, капитализм живет путем кризисов и под'емов,—как живет человек, вдыхая и выдыхая. Сперва под'ем промышленности, потом заминка, кризис, потом заминка в кризисе, улучшение, под'ем, заминка и проч.

Сочетание кризиса и под'ема со всеми переходными моментами составляет цикл или большой круг промышленного развития. Каждый цикл охватывает 8—9—10—11 лет. Если взять последние 138 лет, то на этот срок придется 16 циклов. На каждый цикл падает, следовательно, менее 9 лет—$8^5/_8$. В силу своих внутренних противоречий капитализм развивается, стало быть, не по ровной линии, а зигзагами, под'емами и понижениями. Это-то и дает теперь апологетам капитализма основание говорить: раз после войны мы наблюдаем чередование под'ема и кризиса, стало быть все к лучшему в капиталистическом мире. Но на самом деле это не так. Тот факт, что капитализм продолжает циклические колебания после войны, означает только то, что капитализм не мертв, что перед нами не труп. До тех пор, пока капитализм не будет сокрушен пролетарской революцией, он будет жить циклами—вверх и вниз. Кризисы и под'емы были свойственны капитализму уже при его рождении,—они будут сопровождать его и в могилу. Но для того, чтобы определить возраст капитализма и его общее состояние: развивается ли он, достиг ли зрелости, идет ли к упадку,—нужно проанализировать характер циклов, как и о состоянии человеческого организма можно судить по тому, как он дышит: ровно или прерывисто, сильно или поверхностно и проч. Сущность этого, товарищи, может быть представлена следующим образом: возьмем развитие капитализма—рост добычи угля, производство тканей, железа, чугуна, внешнюю торговлю и проч. за последние 138 лет и выразим это развитие в виде кривой линии. Если мы в изгибах этой кривой выразим действительный ход экономического развития, то окажется, что эта кривая *поднимается вверх*, но не сплошной линией, а зигзагообразной—вверх, вниз, вверх, вниз, в соответствии с под'емами и кризисами. Таким образом, в кривой экономического развития есть два движения: одно—основное, которое выражает ее общий под'ем, другое движение—второго порядка: это постоянные периодические колебания, соответствующие 16 циклам на протяжении 138 лет. В течение этого периода капитализм жил, вдыхал и выдыхал, но в разные эпохи по разному.

С точки зрения основного движения, т.-е. с точки зрения развития или застоя и упадка капитализма всю эпоху в 138 лет можно разбить на 5 периодов: 1783 по 1851 годы—капиталистическое развитие шло очень медленно, кривая крайне лениво поднималась вверх. После революции 48 года, раздвинувшей рамки европейского рынка, наступает поворот. С 51 года по 1873-й кривая развития резко поднимается вверх. В 73 году разросшиеся производительные силы упираются в рамки рынка. Происходит крах. Затем начинается эпоха депрессии, которая длится до 1894 года. Циклические колебания происходят и в это время, но основная кривая остается приблизительно на одном уровне. С 1894 года открывается новая эпоха капиталистического расцвета и кривая, почти до войны, бешено поднимается вверх. Наконец, в 5-й период разрушение капиталистического хозяйства начинается с 1914 года.

Как же сочетается основное движение кривой с ее циклическими колебаниями? Очень просто. В периоды быстрого развития капитализма кризисы имеют короткий и поверхностный характер, под'емы длятся долго и захватывают глубоко. В периоды упадка капитализма кризисы имеют длительный характер, под'емы мимолетны, поверхностны и спекулятивны. В периоды застоя колебания совершаются вокруг одного и того же уровня.

Вот это и значит, что нужно по особому характеру дыхания или пульса определить общее состояние капиталистического организма.

Под'ем после войны.

Сейчас после войны создалось неопределенное экономическое положение. Но с весны 1919 года начался под'ем: в бирже заиграли, цены поднялись вверх, как ртутный столбик в кипятке, спекуляция развернулась бешеным водоворотом. А промышленность? В средней, восточной и юго-восточной Европе продолжался упадок, о чем свидетельствуют, как мы видели цифры. Во Франции—некоторое улучшение, главным образом вследствие грабежа Германии. В Англии—отчасти застой, отчасти упадок,—за вычетом торгового флота, тоннаж которого увеличился в той же мере, в какой пала фактическая торговля. Таким образом, в общем под'ем в Европе получил полу-фиктивный, спекулятивный характер и означал не развитие, а дальнейший упадок хозяйства.

В Соединенных Штатах после войны происходило сокращение военной промышленности, ее перестройка на мирный лад. Под'ем наблюдается в угольной, нефтяной, автомобильной и судостроительной промышленности.

	Уголь	Нефть в милл.	Автомобили	Кораблестроение
1918.	615 т. тонн	356 бочек	1.153.000 шт.	3.033 тыс. тонн
1919	494 „ „	378 „	1.974.000 „	4.075 „ „
1920	580 „ „	442 „	2.350.000 „	2 746 „ „

Тов. Варга в своей ценной брошюре совершенно правильно говорит: „То факт, что после-военный под'ем имел спекулятивный характер, ярче всего обнаруживается на примере Германии. В то время, как цены в течение полутора лет увеличились в 7 раз, промышленность Германии шла назад... Кон'юнктура ее была кон'юнктурой распродажи: остатки имевшихся на внутреннем рынке товарных запасов по баснословно-дешевым ценам вывозились за-границу».

Больше всего цены поднялись в Германии, где промышленность продолжала падать. Меньше всего цены поднялись в Соединенных Штатах, где промышленность продолжает подниматься. Между Германией и Соединенными Штатами стоят Франция и Англия.

Чем об'ясняются эти факты, и чем об'ясняется самый под'ем? Во-первых экономическими причинами: после войны возобновились,—хотя и в очень урезанной степени, международные связи, и всюду обнаружился спрос на товары самого разнообразного рода. Во-вторых, причинами политически-финансовыми: европейские правительства боялись того кризиса, который должен был наступить после войны и приняли все меры к тому, чтобы на время демобилизации удержать тот искусственный под'ем, который был создан войной. Правительства продолжали пускать в оборот много бумажных денег, заключали новые займы, регулировали прибыль, заработную плату и цены на хлеб, доплачивая таким образом из основного народного достояния к заработку демобилизованных рабочих и создавая искусственное хозяйственное оживление в стране. Таким образом, за это время фиктивный капитал продолжает расти, особенно в тех странах, в которых промышленность продолжает падать.

Фиктивный под'ем после войны имел, однако, большие политические последствия: с известным основанием можно сказать, что он спас буржуазию. Если бы демобилизованные рабочие с самого начала столкнулись бы с безработицей, понижением жизненного уровня даже по сравнению с довоенным, то это могло иметь для буржуазии фатальные последствия. Английский профессор Edwin Cannan писал по этому поводу в новогоднем обзоре в «Manchester Guardian»: «Нетерпение

людей, вернувшихся с поля битвы, очень опасно», и совершенно правильно об-
яснял благополучное прохождение самого острого после военного периода 1919 г.
тем фактом, что правительство и буржуазия общими усилиями отодвинули, от-
срочили кризис, создавши искусственное процветание при помощи дальнейшего
разрушения основного капитала Европы. «Если бы,—говорит Саннан,—экономи-
ческое положение в январе 1919 года было таким, как в январе 1921 года, то
хаос мог бы овладеть Западной Европой». Горячечная лихорадка войны была про-
длена еще на полтора года и кризис наступил лишь тогда, когда демобилизован-
ные массы рабочих и крестьян уже более или менее распределились по своим
клеточкам.

Нынешний кризис.

Справившись с демобилизацией и устоявши под первым напором рабочих
масс, буржуазия от состояния растерянности, тревоги и даже паники вернулась
к самоуверенности. Ей стало казаться, что теперь только и началась эпоха ве-
ликого процветания, которому не будет конца. Видные английские политические
и финансовые деятели предлагали заключить международный заем на восстанови-
тельные работы в 2 миллиарда фунтов стерлингов. Казалось, что золотой дождь
посыплется на Европу и создаст общее благополучие. Таким образом разрушение
Европы, разорение ее городов и деревень в этой фантастической цифре займа
превращалось в богатство, хотя на деле это была лишь гигантская тень нищеты.
Действительность, однако, скоро выбила буржуазию из этого мира фантазий. Я уже
говорил, как начался кризис в Японии (в марте), в Соединенных Штатах (в ап-
реле), перешел затем на Англию, Францию, Италию и во второй половине года
распространился по всему миру. Из всего того, что мною изложено до сих пор,
совершенно очевидно, что мы имеем перед собою не простое колебание очередного
промышленного цикла, а расплату за разрушения и расходы всей военной и после
военной эпохи.

В 1913 году чистый ввоз всех государств составляли 65—70 миллиардов
золотых марок. Из этой суммы на Россию приходилось $2^1/_2$ миллиарда, на Австро-
Венгрию—3 миллиарда, на Балканы—миллиард, на Германию—11 миллиардов
золотых марок. Таким образом на долю средней и восточной Европы приходилось
больше четвертой части мирового ввоза товара. В настоящее время все эти страны
ввозят менее одной пятой прежнего своего ввоза. Эта одна цифра достаточно
характеризует нынешнюю покупательную способность Европы.

Каковы же ближайшие экономические перспективы?

Совершенно очевидно, что Америке придется сжаться, так как военного
европейского рынка ей не вернуть. С другой стороны, Европе придется тоже вы-
равниваться по наиболее отсталым, т.-е. наиболее разоренным областям и отраслям
промышленности. Это будет экономическое равнение назад, стало быть, длитель-
ный кризис, в отдельных отраслях и странах—застой, в других—слабое развитие.
Циклические колебания будут продолжаться, но в общем кривая капиталистиче-
ского развития будет клониться не вверх, а вниз.

Кризис, под'ем и революция.

Взаимоотношение между экономическими под'емом, кризисом и развитием рево-
люции имеет для нас большой не только теоретический, но прежде всего практи-
ческий интерес. Многие из нас помнят, что Маркс и Энгельс в 1851 году,—

когда под'ем сказался во всей своей силе,—писали, что ныне нужно признать революцию 48 года законченной, или по крайней мере прерванной до нового кризиса. Энгельс писал, что кризис 47 года был матерью революции, а под'ем 49-51 годов был матерью победоносной контр-революции. Было бы однако очень односторонне и в корне неправильно истолковывать эти суждения в том смысле, будто кризис всегда производит революционное действие, а под'ем наоборот, успокаивает рабочий класс. Революция 48 года родилась не из кризиса. Он был только последним толчком. По существу революция возникла из противоречий между потребностями капиталистического развития и оковами полуфеодального общественного и государственного строя. Революция 48 года, нерешительная и половинчатая, смела, однако, остатки цехового и крепостного режима и тем раздвинула рамки капиталистического развития. В этих условиях, и только в этих, под'ем 51 года явился началом целой эпохи капиталистического расцвета, который продолжался до 1873 года.

Можно ли ждать такого же действия со стороны под'ема 1919-20 годов? Ни в каком случае. Тут не было и в помине расширения рамок капиталистического развития. Значит ли это, что в дальнейшем, и даже более или менее близком будущем, исключен новый торгово-промышленный под'ем? Ни в каком случае. Я уже говорил, что пока капитализм живет, он вдыхает и выдыхает. Но в ту эпоху, в какую мы вступили,—в эпоху расплаты за истощение и истребление войны, в эпоху равнения *назад*,—под'емы могут иметь лишь поверхностный, преимущественно спекулятивный характер, кризисы же—более длительный и глубокий.

Возможно ли в таком случае восстановление капиталистического равновесия на новых основаниях? Если допустить,—сделаем это на время,—что рабочий класс не поднимается на революционную борьбу, а даст возможность буржуазии в течение долгого ряда лет,—скажем, двух-трех десятилетий,—править судьбами мира, то несомненно, что установится некоторое новое равновесие. Европа сильно осадит назад. Миллионы европейских рабочих вымрут от безработицы и недоедания. Соединенным Штатам придется заново ориентироваться на мировом рынке, перегруппировывать свою промышленность, *осаживать назад на продолжительный срок*. После того, как таким болезненным путем в течение 15-20-25 лет установилось бы новое мировое разделение труда, могла бы, может быть, начаться новая эпоха капиталистического под'ема.

Но все это рассуждение очень отвлеченно и одностороннее. Мы представляем себе тут дело так, как если бы пролетариат прекратил борьбу. *Между тем об этом не может быть и речи уже по тому одному, что классовые противоречия достигли именно за последние годы чрезвычайной остроты.*

Обострение социальных противоречий.

Экономическое развитие не есть автоматический процесс. Я говорил до сих пор о производственных основах, но, ведь, дело ими не ограничивается. На этих основах живут и работают люди, и через этих людей совершается развитие. Что же произошло в области отношений между людьми, или точнее между классами? Мы видели, что Германия, да и другие страны Европы, отброшены на 20-30 лет назад в смысле своего хозяйственного уровня. Но отброшены ли они назад одновременно в социальном, классовом смысле? Ничего подобного. Классы

Германии, число рабочих и их концентрированность, концентрация капитала, его организованность,—все это складывалось до войны, особенно в результате последнего двадцатилетнего расцета (1894-1913),—а затем еще более обострилось—во время войны при содействии государственного вмешательства, после войны—в эпоху спекулятивной горячки и концентрации капитала. Мы имеем таким образом 2 процесса развития. Национальное богатство и национальный доход падают, *но развитие классов идет при этом не назад, а вперед*. Число пролетаризованных увеличивается, капиталы концентрируются во все меньшем числе рук, банки сливаются во-едино, промышленные предприятия сосредоточиваются в трестах. Вследствие этого борьба классов на основе уменьшающегося национального дохода неизбежно обостряется. В этом вся суть. Чем меньше становится под ногами материальный фундамент, тем больше должны бороться классы и группы за свою долю в этом национальном доходе. Этого обстоятельства нельзя ни на минуту упускать из виду. Если Европа по национальному богатству отброшена на 30 лет назад, то это вовсе не значит, что она стала на 30 лет моложе. Нет, она стала на 30 лет беднее, а в классовом смысле она стала на 300 лет старше. Так обстоит дело со взаимоотношением пролетариата и буржуазии.

Крестьянство.

В первый период войны говорили и писали, что крестьянство наживается на войне во всей Европе. И действительно, хлеб и мясо нужны были государству для армии до зарезу. За все это платили бешеные цены, которые все поднимались,—и крестьяне набивали свои карманы кредитками. Этими, все более обесценивавшимися, кредитками крестьяне заплатили долги, которые они раньше сделали по полновесной валюте. Это была для них, конечно, очень выгодная операция.

Буржуазные экономисты считали, что процветание крестьянского хозяйства обезпечит после войны устойчивость капитализма. Но они просчитались. Крестьяне заплатили ипотеки, но сельское хозяйство вовсе не состоит в одной только уплате долгов в банк. Оно состоит в обработке земли, в удобрении, в инвентаре, в хороших семенах, в улучшении техники и т. д. Этого либо не было вовсе, либо стоило бешеных денег. К тому же рабочих рук не хватало, сельское хозяйство падало, и крестьяне после первого полу-фиктивного под'ема стали разоряться Этот процесс наблюдается в разной степени во всей Европе. Но особенно резко он сказался в Америке. Чрезвычайно пострадали американские, канадские, австралийские и южно-американские фермеры, когда обнаружилось, что разоренная Европа не способна более покупать их хлеба. Цена на хлеб пала. Среди фермеров идет брожение и недовольство во всем мире. *Крестьянство перестает таким образом быть устоем порядка. Перед рабочим классом открывается возможность увлечь за собою на борьбу, по крайней мере, часть крестьянства (низы), нейтрализовать другую часть (средняки), изолировать и парализовать верхи (кулаки).*

Новое среднее сословие.

Реформисты возлагали на так называемое среднее сословие большие надежды Инженеры, техники, врачи, адвокаты, бухгалтеры, конторщики, чиновники, государственные и частные, и проч.,—все это полу-консервативный слой, который

стоит между капиталом и трудом и должен был, по мысли реформистов, примирять обе стороны, направлять и в тоже время поддерживать демократический режим. Этот класс за время войны и после войны пострадал даже больше, чем рабочий класс, т.-е. уровень его жизни ухудшился в большей степени, чем уровень жизни рабочего класса. Основная причина этого—падение покупательной силы денег, обесценение кредиток. Во всех странах Европы резкое недовольство на этой почве охватило низшее и даже среднее чиновничество и техническую интеллигенцию. Конечно, государственные и частные чиновники, служащие банков и проч. и проч. не стали пролетарским классом, но они утеряли свой прежний консервативный характер. Они не столько поддерживают государство, сколько расшатывают и потрясают его аппарат своим недовольством и протестом.

Недовольство буржуазной интеллигенции усугубляется еще ее тесной связью с торгово-промышленной мелкой и средней буржуазией. Эта последняя чувствует себя обойденной и обездоленной. Трестированная буржуазия продолжает богатеть несмотря на разорение страны. Она захватывает все большую и большую долю в уменьшающемся национальном доходе. Нетрестированная буржуазия и новое среднее сословие падает и абсолютно и относительно.

Что касается пролетариата, то весьма вероятно, что, несмотря на ухудшение уровня его существования, общая его доля в уменьшающемся национальном доходе теперь больше, чем до войны. Трестированный капитал стремится уменьшить долю рабочего, сведя ее к до военным размерам. Рабочий же исходит не из статистических выкладок, а из понижения своего жизненного уровня и стремится увеличить свою долю в национальном доходе. *Итак - крестьяне недовольны упадком хозяйства, интеллигенция беднеет, опускается; мелкая и средняя буржуазия разорена и недовольна. Классовая борьба обостряется.*

Международные отношения.

Международные отношения играют, разумеется, огромную роль в жизни капиталистического мира. Последний это слишком ясно почувствовал во время мировой войны. И сейчас, когда мы ставим вопрос о возможности или невозможности для капитала восстановить свое мировое равновесие, необходимо посмотреть, в каких международных условиях происходит эта восстановительная работа. Нетрудно убедиться, что международные отношения стали гораздо более напряженными, гораздо менее совместимыми с „мирным» развитием капитала, чем это было до войны.

Почему произошла война? Потому что производительным силам стало тесно в рамках наиболее могущественных капиталистических государств. Стремление империалистического капитала состояло в том, чтобы упразднить государственные границы и весь земной шар захватать себе, устранить таможни, перегородки, стесняющие развитие производительных сил. В этом экономическая основа империализма и причины войны. А результат? Европа сейчас богата границами и таможнями более, чем когда бы то ни было. Образовался ряд мелких государств. На место бывшей Австро-Венгрии теперь проложен десяток таможенных линий Англичанин Пенс назвал Европу сумасшедшим домом, и действительно, с точки зрения экономического развития вес этот партикуляризм мелких государств со своей замкнутостью, таможенной системой и проч. представляется чудовищным анахронизмом, сумасшедшим внедрением средневековья в двацатое столетие. В то время, как Балканский полуостров варваризируется, Европа балканизируется.

Отношения Германии и Франции по прежнему исключают возможность какого бы то ни было европейского равновесия. Франция вынуждена грабить и насиловать Германию для того, чтобы поддерживать свое классовое равновесие, которому не отвечает истощенный фундамент французского хозяйства. Германия не может и не сможет оставаться об'ектом этого грабежа. Сейчас, правда, достигнуто соглашение. Германия обязалась уплачивать ежегодно 2 миллиарда марок золотом и, кроме того, 26% со своего вывоза. Эта сделка представляет собою победу английской политики, которая стремится помешать французской оккупации Рура. Сейчас главная масса европейской железной руды находится в руках Франции, главная масса угля в руках Германии. Первейшим условием возрождения европейского хозяйства является производственное сочетание французской руды с немецким углем, а такое сочетание, безусловно необходимое для хозяйственного развития, смертельно опасно для английского капитализма. Все усилия Лондона направлены поэтому на то, чтобы помешать как наступательному, так и мирному сочетанию французской руды с немецким углем.

Франция временно приняла компромисс, тем более, что при своем расстроенном производственном аппарате она неспособна переварить и тот уголь, который ей принудительно доставляет теперь Германия. Но это вовсе не значит, что вопрос о Руре решен окончательно. Первая же неустойка со стороны Германии в деле ее контрибуционных обязательств неизбежно снова поставить вопрос о судьбе Рура

Рост европейского, а отчасти и мирового влияния Франции за последние годы определяется не усилением Франции, а явным и прогрессирующим ослаблением Англии.

Великобритания победила Германию. Это был главный вопрос который разрешился последней войной. И война по существу была не мировой, а европейской, хотя борьба двух могущественнейших европейских государств—Англии и Германии—и разрешилась при участии сил и средств всего мира. Англия победила Германию Но сейчас Англия на мировом рынке и вообще в мировой обстановке гораздо слабее, чем была до войны. Соединенные Штаты выросли за счет Англии гораздо больше, чем Англия за счет Германии.

Америка бьет Англию, прежде всего более рациональным, более прогрессивным характером своей промышленности. Производительность труда американского рабочего на 150% выше производительности труда английского рабочего. Другими словами, два американских рабочих, благодаря более совершенно поставленной промышленности, производят столько, сколько пять английских. Один этот факт, засвидетельствованный английским статистическим исследованием, свидетельствует, что Англия в борьбе с Америкой обречена и этого одного достаточно, чтобы толкнуть Англию на путь войны с Америкой, пока английский флот сохраняет перевес на океанах.

Американский уголь вытесняет английский во всем мире и даже в самой Европе. А между тем, мировая торговля Англии опиралась, прежде всего, на вывоз угля. Кроме того нефть получает теперь решающее значение для промышленности и обороны: она не только питает автомобили, тракторы, подводные лодки, аэропланы, но имеет огромные преимущества по сравнению с углем также для больших океанских кораблей. до 70% мировой добычи нефти добывается в пределах Соединенных Штатов. Стало быть, в случае войны вся эта нефть оказывается в руках Вашингтонского правительства. Кроме того Америка держит в своих руках Мексиканскую нефть, которая дает до 12% мировой добычи. Правда, американцы

обвиняют Англию в том, что за пределами Соединенных Штатов Англия скопила до 90% мировых источников нефти и не допускает к ним американцев, тогда как американские источники будут-де в ближайшие годы исчерпаны. Но все эти диалого-статистические вычисления довольно сомнительны и произвольны. Они сделаны по заказу для того, чтобы оправдать претензии Америки на нефть в Мексике, Месопотамии и т. д. Но если бы действительно опасность истощения Американских источников оказалась реальной, то это было бы еще одной причиной, способной ускорить войну между Соединенными Штатами и Англией.

Острым вопросом является задолженность Европы Америке. Долг составляет в общем 18 миллиардов долларов. Соединенные Штаты всегда имеют возможность создать величайшие затруднения на английском денежном рынке пред'явлением требований об уплате. Как известно, Англия даже предлагала Америке отказаться от английского долга, обещая в свою очередь отказаться от европейского долга Англии. Так как Англия должна Америке значительно больше, чем ей самой должны континентальные страны Антанты, то Англия при этой операции должна была остаться в барышах. Америка отказалась. Не трудно понять что капиталистические янки не оказались склонны финансировать на собственные средства подготовку Великобритании к войне с Соединенными Штатами.

Союз Англии с Японией, которая борется с Америкой за преобладание на Азиатском материке, также чрезвычайно обостряет отношения Америки и Англии.

Но самый острый характер, в виду всех указанных условий приобретает вопрос о военном флоте. Правительство Вильсона, натолкнувшись на сопротивление Англии в мировом вопросе, создало гигантскую программу мирного строительства. Правительство Гардинга приняло эту программу от своего предшественника и программа выполняется полным ходом. В 1924 г. флот Соединенных Штатов будет не только несравненно более могущественным, чем английский флот, но будет—если не по тоннажу, то по боевой силе,—превосходить английский флот вместе с японским.

Что это означает с английской точки зрения?—Либо Англия должна до 24 года принять вызов и попытаться разрушить военное, морское и экономическое могущество Соединенных Штатов, пользуясь своим нынешним превосходством, либо же Англия должна пассивно превратиться в державу второго или третьего порядка, окончательно сделав Соединенные Штаты господствующими на океанах и морях. Таким образом последняя бойня народов, „разрешившая" по-своему европейский вопрос, тем самым поставила во всем об'еме мировой вопрос,—т. е. вопрос о том, господствовать ли Англии или Соединенным Штатам? Подготовка к новой мировой войне идет полным ходом. Расходы на армию и флот чрезвычайно выросли по сравнению с до-военным временем. Английский военный бюджет вырос въ три раза, американский в три с половиной раза.

1 января 1914 года, т.-е. в момент наивысшего напряжения „вооруженного мира", во всем мире стояло под штыками около 7 миллионов солдат. В начале нынешнего года под штыками стояло около 11 миллионов солдат. Главная масса этих армий ложится, разумеется, на истощенную Европу.

Острый кризис, выросший из сужения мирового рынка, чрезвычайно обостряет борьбу капиталистических государств, лишая мировые отношения всякой устойчивости. Не только Европа, но и весь мир становится сумасшедшим домом. В этих условиях не приходится говорить о восстановлении капиталистического равновесия.

Рабочий класс после войны.

Сейчас же после войны буржуазия была растеряна и напугана до последней степени—рабочие, особенно те, которые возвращались из армии, были настроены требовательно. Но рабочий класс в целом был дезориентированным, не знал точно, как сложится жизнь после войны, чего и как требовать, по какому пути итти. Движение, как мы видели в самом начале доклада, приняло чрезвычайно бурный характер, но твердого руководства у рабочего класса не было. С другой стороны, буржуазия шла на очень большие уступки. Она продолжала военный, финансовый и экономический режим (займы, выпуски кредитов, хлебная монополия, обеспечение безработных рабочих масс и проч. и проч.). Другими словами, правительствующая буржуазия продолжала расстраивать хозяйственный фундамент и все больше разрушать равновесие—производственное и финансовое,—для того, чтобы поддержать на самый острый период равновесие классов. До сих пор ей это более или менее удавалось.

Теперь она переходит к решению вопроса о восстановлении хозяйственного равновесия. Здесь дело идет не о временных уступках и подачках рабочему классу, но о мерах основного характера. Нужно восстановить расстроенный производственный аппарат. Нужно восстановить валюту, ибо всеобщий мировой эквивалент немыслим без мирового рынка, а, стало быть, и немыслима „уравновешенная“ национальная промышленность, связанная с мировым рынком.

Восстановить производственный аппарат—значит урезать работу на предметы употребления и увеличить работу на средства производства. Нужно усилить напоминание, т. е. повысить интенсивность труда и понизить заработную плату.

Чтобы восстановить валюту, нужно, помимо отказа от уплаты непосильных долгов, улучшить торговый баланс, т.-е. меньше ввозить и больше вывозить. А для этого нужно меньше потреблять и больше производить, т.-е. опять-таки понизить заработную плату и повысить напряженность труда.

Всякий шаг, направленный на восстановление капиталистического хозяйства, связан с повышением нормы эксплоатации и, стало быть, будет вызывать неизбежное сопротивление со стороны рабочего класса. Другими словами, каждое усилие буржуазии восстановить равновесие в производстве, в распределении, в государственных финансах неизбежно нарушает неустойчивое равновесие рабочего класса. Если в течение двух лет после войны буржуазия в своей хозяйственной политике руководствовалась, прежде всего, стремлением утихомирить пролетариат, хотя бы и ценою дальнейшего разрушения хозяйства, то теперь, в эпоху небывалого кризиса, она стала поправлять хозяйственное положение путем всевозрастающего нажима на рабочий класс.

А отпор рабочего класса нарушает устойчивость хозяйства и превращает в пустой звук все речи о восстановлении равновесия.

Бесспорно, борьба пролетариата за власть затянулась. Она не оказалась сплошным штурмом. Она не дала картины непрерывного ряда все повышающихся волн, из которых последняя смывает капиталистический строй.

В этой борьбе мы наблюдаем и повышение, и понижение, и оборону, и защиту. Словом, классовое маневрирование с нашей стороны далеко не всегда было искусно. Причина тут двоякого рода. Во-первых, слабость коммунистических партий, возникших только после войны без необходимого опыта, без необходимого аппарата, без достаточного влияния и без,—а это главное,—без достаточного внимания к рабочим массам. В этой области за последние годы мы, во всяком случае,

сделали большой шаг вперед. Коммунистические партии окрепли и развернулись. Второй причиной затяжного и неравного характера борьбы является разнородный состав самого рабочего класса, каким он вышел из войны.

Меньше всего война потрясла рабочую бюрократию, профессиональную, партийную и парламентарную. Капиталистические государства во всех странах отнеслись чрезвычайно внимательно и бережно к этой надстройке, прекрасно понимая, что без нее не удалось бы удержать в повиновении рабочий класс в течение кровавых лет. Рабочая бюрократия получала всякие привеллегии и вышла из войны с теми навыками тупоумного консерватизма, с какими вошла в войну, только более скомпрометтированная, более тесно связанная с капиталистическими государствами. Квалифицированные рабочие старшего поколения, привыкшие к своей профессиональной и партийной организации, особенно в Германии, остаются в значительной мере и сейчас опорой рабочей бюрократии, но устойчивость их вовсе не абсолютная. Рабочие, которые прошли через школу войны, внесли в пролетариат,—а это сердцевина рабочего класса,—новую психологию, новые навыки и новые отношения к вопросам борьбы, жизни и смерти. Они готовы разрешать вопросы силой, но на войне они усвоили, что успешное применение силы предполагает правильную тактику и стратегию. Эти элементы пойдут в бой, но они хотят твердого руководства и серьезной подготовки. Многие отсталые категории рабочих, в том числе женщины—работницы, число которых чрезвычайно возросло за время войны, стали теперь в силу резкого поворота своего сознания наиболее боевою, хотя и не всегда более опытною частью рабочего класса. Наконец, на крайне-левом фланге мы видим рабочую молодежь, которая выросла за время войны под грохот боев и революционных потрясений и которой предстоит занять большое место в предстоящей борьбе.

Вся эта чрезвычайно возросшая пролетарская масса,—старых рабочих и рабочих новобранцев, рабочих, оставшихся в тылу, и рабочих, проведших несколько лет под огнем,—вся эта многомиллионная масса неодинакова и неодновременно проходит свою революционную школу.

Мы это видели снова на примере мартовских событий в Германии, где рабочие средней Германии, которые до войны были самым отсталым элементом, в марте рвались в бой, не задаваясь вопросом о том, обещает ли он победу,—тогда как берлинские рабочие или саксонские успели за время революционных боев накопить опыт и стали осторожными. Несомненно, что общий ход последней борьбы и особенно нынешний поход капитала об'единяет все слои рабочего класса за исключением слоев, более привиллегированных, верхов. Коммунистическая партия получает все больше и больше возможности установить действительное единство фронта рабочего класса.

Ближайшие перспективы и задачи.

Революция имеет перед собой три источника, которые связаны между собой.

Первым источником революции является упадок Европы. Классовое равновесие в Европе держалось на господствующем положении, прежде всего, Англии на мировом рынке. Ныне это господствующее положение ею окончательно утеряно и не вернется. Отсюда неизбежны могучие революционные потрясения, которые могут закончиться либо победой пролетариата,—либо полным упадком Европы.

Вторым источником революционной борьбы явятся резкие сотрясения всего экономического организма Соединенных Штатов. Небывалый под'ем, вызванный европейской войною, и жестокий кризис, порожденный длительными последствиями этой

войны. Революционное движение американского пролетариата может в этих условиях принять такой же небывалый в истории темп, какой приняло экономическое развитие Соединенных Штатов за последние годы.

Третьим источником революционной борьбы является индустриализация колоний и прежде всего Индии. Основой борьбы колоний за освобождение является крестьянская масса. Но борьба этой последней нуждается в руководстве. Такое руководство давала туземная буржуазия. Борьба этой последней противочужестранного империалистического владычества не может, однако, быть ни последовательной, ни энергичной, так как сама туземная буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, является в значительной мере его агентурой. Только возникновение довольно многочисленного туземного пролетариата, способного к борьбе создает действительный стержень для революции. В сравнении со всем населением пролетариата на Востоке мало, но кто понял смысл и развитие революции в России, тот отдаст себе отчет в том, что революционная роль пролетариата в странах Востока будет гораздо выше, чем его численность. Это относится не только к чисто колониальным странам, как Индия, к полуколониальным, как Китай, но и к Японии, где капиталистический гнет сочетается с феодально-кастовым бюрократическим абсолютизмом.

Таким образом мировая обстановка и дальнейшие перспективы имеют глубоко революционный характер.

Когда буржуазия после войны прибегла к подачкам рабочему классу, соглашатели услужливо превратили эти подачки в реформы (8-ми часовой рабочий день, страхование безработных и проч.) и открыли—на развалинах эру реформизма. Теперь буржуазия перешла в контр наступление по всей линии и даже английский «Таймс»—архикапиталистический орган, со страхом говорит о капиталистических большевиках. Нынешняя эпоха есть эпоха контр-реформизма. Английский пацифист Норман Энджел называет войну ложным расчетом. Опыт последней войны действительно показал, что расчет с точки зрения бухгалтерии был ложный. После войны могло казаться, что наступает торжество пацифизма и что лиг: наций является его выражением. Теперь мы видим, что расчет пацифизма был ложным расчетом. Никогда еще капиталистическое человечество не готовилось с таким остервенением к новой войне, как теперь. Иллюзии демократии разоблачаются даже перед консервативнейшими слоями рабочего класса. Еще недавно демократии противопоставлялась только диктатура пролетариата с ее терроризмом, ЧК и проч. и проч. Теперь демократия все больше противопоставляется всяким и всем формам классовой борьбы. Ллойд Джордж предложил углекопам обратиться со своим ходатайством в парламент и об'явил их стачку насилием над национальной волей.

Немецкие рабочие при гогенцоллерновском режиме имели известную устойчивость, известные границы. Рабочие в общем знали, что можно, чего нельзя делать. В республике Эберта рабочий-стачечник всегда рискует быть зарезанным на улице или в полицейском застенке без всяких дальнейших последствий. Эбертовская демократия дает немецким рабочим то же, что высокая заработная плата в обесцененных бумажках.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы охватить создавшуюся обстановку в целом и активно вмешаться в борьбу рабочего класса для того, чтобы на основе этой борьбы завоевать большинство рабочего класса. *Если обстановка в той или другой стране крайне обостряется, мы должны поставить основные вопросы ребром и должны драться в том виде, в каком нас застанут события.* Если же развитие событий пойдет более плано-

мерно, мы должны использовать все возможности для того, *чтобы до решающих событий иметь за собой большинство рабочего класса.*

Сейчас в оборонительной экономической борьбе на почве кризиса коммунисты должны принять самое активное участие во всех профсоюзах, во всех стачках и выступлениях, во всяких движениях, в работе всегда сохраняя внутреннюю связь между собой и всегда выступая, как наиболее решительное и дисциплинированное крыло рабочего класса. В зависимости от хода кризиса и политической обстановки оборонительная экономическая борьба может раздвигаться, охватывая все новые слои рабочего класса, населения и армии безработных и, превратившись на известной стадии в революционную наступательную борьбу, завершится победой. **Наши усилия должны быть направлены именно сюда.**

Но если на смену кризису придет улучшение мировой экономической конъюнктуры? Будет ли это значить, что революционная борьба приостановлена на неопределенное время?

Из всего моего доклада, товарищи, вытекает, что новый под'ем, который не сможет быть ни длительным, ни глубоким, отнюдь не будет приостановкой революционного развития. Промышленный под'ем 49—51 года ударил по революции только потому, что революция 48 года расширила рамки капиталистического развития. Что касается событий 1914—21 года, то они не расширили, а крайне сузили рамки мирового рынка и потому кривая капиталистического развития в целом будет в ближайший период склонна направляться вниз. В этих условиях временный под'ем сможет только укрепить классовое самочувствие рабочих, сплотить их ряды не только на заводах но и в борьбе, и даст толчок не только их экономическому контр-наступлению, но и их революционной борьбе за власть.

Обстановка становится для нас все более благоприятной, но и крайне сложной. Победа не дастся нам автоматически. Почва под врагом подкопана, но враг силен, зорко видит наши слабые места, лавирует, маневрирует, всегда руководясь холодным расчетом. Из опыта наших боев за эти три года, особенно из опыта наших ошибок и неудач, нам,—всему Коммунистическому Интернационалу,—нужно многому научиться. Гражданская война требует политического, тактического и стратегического маневрирования, учета особенности каждой данной обстановки, сильных и слабых сторон врага, сочетания энтузиазма с холодным расчетом, способности не только наступать, но и готовности временно отступать для сбережения сил и нанесения тем более верного удара.

Повторяю, мировая обстановка и дальнейшие перспективы глубоко революционны. Это создает необходимую предпосылку нашей победы, но полную гарантию может дать нам только наша умелая тактика, наша крепкая организация. Поднять Коммунистический Интернационал на более высокую ступень, сделать его тактически более сильным—такова основная задача 3-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

II.

Итоги III-го Конгресса Коммунистического Интернационала.

Материальные предпосылки революции.

Товарищи! Теория марксизма впервые установила внутреннюю обусловленность и закономерность исторического развития. В отношении к революциям теория Маркса, пером самого Маркса в предисловии к его труду «К критике политической экономии», установила, примерно, следующее положение: ни один общественный строй не сходит со сцены до тех пор, пока не разовьет производительных сил до максимума допустимого данным общественным строем, и никакой новый общественный строй не появляется на сцене, если уже в старом общественном строе не заложены были для него необходимые хозяйственные предпосылки. Эта основная для революционной политики истина совершенно неоспоримо сохраняет для нас все свое руководящее значение и сейчас. Но марксизм не раз понимался механически, прямолинейно и потому ошибочно. Неправильные выводы можно сделать и из приведенного положения. Маркс говорит, что общественный строй должен сойти со сцены тогда, когда в его рамках производительные силы, техника, власть человека над природой—не могут более развиваться. С точки зрения марксизма историческое общество, как таковое, есть организация коллективного, множественного человека с целью увеличения его власти над природой. Эта цель, конечно, не кем нибудь поставлена людям, но они сами в своем развитии борятся за нее, приспособляясь к об'ективным условиям среды и все более и более повышая свою власть над стихийными силами природы. То положение, что для революции—для социальной, глубокой революции, а не для поверхностных политических переворотов, хотя бы и кровавых—для социальной революции, которая один экономический строй сменяет другим хозяйственным строем, условия создаются только с того момента, когда старый социальный строй не дает больше простора развитию производительных сил—это положение вовсе не означает, что старый общественный строй сам собой неизбежно рушится с того момента, с которого он становится реакционным в хозяйственном смысле, т.-е. с того момента, когда он задерживает развитие технического могущества человека. Вовсе нет, ибо, если производительные силы являются основной движущей силой исторического развития, то это развитие, однако, совершается не помимо людей, а через них. Производительные силы—могущество общественного человека над природой—складываются, правда, независимо от воли каждого отдельного человека и лишь в небольшой зависимости от общей воли людей, сегодня живущих, ибо техника представляет собой накопленный капитал, который мы получили от прошлого и который толкает нас вперед, а в известных условиях и задерживает нас,—но, когда производительным силам, технике становится слишком тесно в старых рамках, скажем, рабского крепостного или буржуазного общества, и когда для даль-

нейшего развития человеческого могущества необходима перемена общественны форм, тогда это совершается не само собой, как солнце всходит и заходит, должно совершаться через людей, через борьбу людей, об'единенных в классы На смену общественному классу, управляющему старым обществом, которое ста реакционным, должен притти новый общественный класс, который имеет програм нового общественного строя, отвечающего потребностям развития производительны сил и готовность эту программу осуществить. Но вовсе не всегда так бывае что когда данный общественный строй себя переживет, т.-е. когда он становит реакционным, то появляется новый класс, достаточно сознательный, организова ный и сильный для того, чтобы сбросить старых хозяев жизни и проложить до рогу новым общественным отношениям. Это вовсе не всегда так бывает. Наоборо в истории бывало не раз, что старое общество себя исчерпало, например, римско рабское общество, а до него древние азиатские цивилизации, где рабский фунда мент не открывал места развитию производительных сил,—но в этом пережив шем себя обществе не было нового класса; достаточно сильного, чтобы сброси рабовладельцев и установить новый крепостной строй, ибо крепостной строй по сравнению с рабским был уже шагом вперед. В свою очередь в крепостном об ществе не всегда находился в нужный час новый класс, буржуазия, чтобы сбро сить крепостников и открыть дорогу историческому развитию. Не раз бывало истории, что известное общество, нация, народ, племя, несколько племен и наций живших в однородных исторических условиях, упирались в невозможность дал нейшего развития на данной хозяйственной основе, рабской, крепостной, но та как не было нового класса, который мог бы их вывести на большую дорогу, то они распадались, данная цивилизация, данное государство, данное общество раз лагалось. Таким образом, человечество не всегда двигалось снизу вверх по вос ходящей линии. Нет, бывали длительные периоды в застоях и бывали рецидивы варварства. Общества поднимались вверх, достигали известного уровня, но на такой высоте не могли удержаться. Человечество не стоит на месте, его равно весие, вследствие классовой и национальной борьбы, неустойчиво; если нельзя двигаться вверх, общество падает вниз; если нет класса, который поднял бы е выше, оно распадается и открывает дорогу варварству.

Чтобы ясно представить себе этот крайне сложный вопрос, товарищи, н достаточно общих отвлеченных соображений, которые я сейчас развиваю. Моло дым товарищам, мало искушенным в этих вопросах, необходимо почитать исто рические произведения, чтобы овладеть фактическим материалом по истории раз ных стран и народов, в частности, и в особенности, по экономической истори Только тогда возможно более конкретно и отчетливо представить себе внутренно механику общества. Эту механику нужно ясно понимать, чтобы правильно при менять марксизм к тактике, т.-е. на практике классовой борьбы.

Вопросы революционной тактики.

Некоторые товарищи представляют себе дело слишком просто, поскольк речь идет о победе пролетариата. Мы имеем сейчас не только в Европе, но в мировом масштабе такое положение, когда мы, с точки зрения марксизма, мо жем сказать с абсолютной уверенностью, что буржуазный строй себя исчерпал до дна. Производительные силы в рамках буржуазного общества развиваться дальш не могут. Наоборот, то, что мы видим в течение последнего 10-ти летия, это рас пад, это разложение хозяйственных основ капиталистического человечества и ме

нческое разрушение накопленных богатств. Мы живем теперь в условиях ужа-
ющего, небывалого в мировой истории кризиса, который является не простым
вредным, «нормальным» кризисом, неизбежным в процессе развития производи-
льных сил при капитализме, а означает распад и разложение производительных
ля буржуазного общества. Тут могут быть и будут колебания вверх и вниз, но
общем, как я излагал товарищам в этом самом зале месяца полтора тому назад,
ива экономического развития идет через все колебания не вверх, а вниз. Оз-
чает ли это, однако, что гибель буржуазии автоматически и механически пред-
ределена? Нет. Буржуазия есть живой класс, который вырос на определенных
зяйственных производственных основах. Этот класс есть не пассивный продукт
кономического развития, а живая действующая активная историческая сила. Этот
асс себя пережил, т.-е. стал самым страшным тормазом исторического разви-
ия. Но это вовсе не значит, что этот класс склонен к историческому самоубий-
ству, что он готов сказать: „так как научная теория исторического развития
признала меня реакционным, то я схожу со сцены». Об этом, конечно, не может
ыть и речи. С другой стороны, опять-таки вовсе недостаточно, чтобы коммуни-
ческая партия признала буржуазный класс осужденным и подлежащим устране-
ию, чтобы этим самым победа пролетариата была уже обеспечена. Нет, буржуазию
ужно еще победить и повалить.

Если бы в рамках буржуазного общества мыслимо было в дальнейшем раз-
вать производительные силы, то революция была бы вообще невозможной. Так
к дальнейшее развитие производительных сил в рамках буржуазного общества
мыслимо, стало быть, основное условие для революции налицо. Но революция
ма по себе означает живую борьбу классов. Буржуазия, хотя бы и пришедшая
полное противоречие с потребностями исторического развития, все еще остается
амым могущественным классом. Больше того, можно сказать, что политически
уржуазия достигает наибольшего могущества, наибольшего сосредоточения сил и
едств, политических и военных средств, обмана, насилия, провокации, т.-е. рас-
вета своей классовой стратегии в тот момент, когда ей ближе всего грозит со-
иальная гибель. Война и ее страшные последствия, а война возникла именно из
ого, что производительным силам некуда было больше развиваться в рамках
уржуазного общества — война и последствия войны, говорю, открыли перед буржуа-
ией грозную опасность гибели. Это изощрило до последней степени инстинкт
ассового самосохранения. Чем больше опасность, тем больше класс, как и от-
льный человек, изощряет свои жизненные силы для борьбы за самосохранение. Не
абудем далее, что буржуазия оказалась лицом к лицу со смертельной опасностью
ле того, как она приобрела колоссальнейший политический опыт. Буржуазия
здавала и разрушала всякие режимы. Она развивалась при чистом абсолютизме,
при конституционной монархии, при парламентарной монархии, при демократической
еспублике, при бонапартистской диктатуре, при государстве, связанном с католи-
ческой церковью, при государстве, связанном с реформацией, при государстве,
свободном от церкви, при государстве — гонителе церкви и пр. пр.: весь этот раз-
нообразнейший и богатейший опыт, который вошел в плоть и кровь правящих
ругов буржуазии, ныне мобилизован ею для того, чтобы удержаться у власти
о что бы то ни стало. И она действует с тем большею находчивостью, изощ-
енностью, беспощадностью, чем яснее ее руководители сознают угрожающую им
опасность.

С поверхностной точки зрения здесь как бы есть какое-то противоречие: мы
уржуазию осудили судом марксизма, т.-е. судом научного познания историче-

ского процесса, признали ее пережившей себя, а в то же время она обнаружива колоссальную живучесть. На самом деле тут никакого противоречия нет. Это и ест то, что в марксизме называется диалектикой. Суть дела состоит в том, что ра ные стороны исторического процесса,—экономика, политика, государство, р рабочего класса не развиваются одновременно параллельными ниточками. Рабоч класс не развивается параллельно, точка в точку, по мере того, как раст производительные силы, а буржуазия вовсе не чахнет и не хиреет параллель с тем, как растет и крепнет пролетариат. Нет, история идет иначе. Производ тельные силы развиваются прыжками, временами мчатся вперед, иногда дают с бой назад. Буржуазия, в свою очередь, развивалась толчками; точно так же рабочий класс. В тот период, когда производительные силы капитализма достиг глухой стены, и дальше им некуда итти,—мы видим, как буржуазия собирает своих руках армию, полицию, науку, школу, церковь, парламент, прессу, бел банды, натягивает крепко возжи и мысленно говорит рабочему классу: „Да, м положение опасно. Я вижу, что под моими ногами разверзается пропасть. Но посмотрим еще, кто в эту пропасть первый свалится. Может быть, перед мое гибелью, если даже она мне суждена, мне удастся свалить в бездну тебя, раб чий класс». Что это означало бы? Крушение европейской цивилизации в целом Если бы буржуазия, исторически обреченная на гибель, нашла в себе достаточ сил, энергии, могущества, чтобы победить рабочий класс в страшной схватк которая надвинулась, то это значило бы, что Европа обречена на экономическо и культурное разложение, как это произошло в прошлом со многими странам нациями, цивилизациями. Другими словами, история привела дело к тому, что д спасения Европы и всего мира пролетарская революция стала безусловно необхо дима. История заложила основную предпосылку успеха этой революции—в т смысле, что общество не может дольше на буржуазных основах развивать сво производительные силы. Но этим история вовсе не берет на себя—за рабочи класс, за политиков рабочего класса, за коммунистов,—разрешение всей задачи Нет, она как бы говорит рабочему авангарду (представим себе на минуту исто рию в виде лица, над нами стоящего), она говорит рабочему классу: Ты должен знать, что если ты буржуазию не повалишь, то погибнешь под обломками цива лизации. Попробуй, разреши эту задачу». Таково сейчас положение вещей.

Мы видим, как в Европе, после войны, рабочий класс пытается полустихийно полусознательно разрешить поставленную ему историей задачу. И тот практичес ский вывод, к которому все мыслящие элементы рабочего класса в Европе и в всем мире должны были притти за эти 3 года после окончания мировой войны гласит: низвергнуть буржуазию, хотя бы и осужденную историей, не так легк и просто, как могло казаться.

Тот период, в котором находится Европа и весь мир, является, с одно стороны, эпохой распада производительных сил буржуазного общества, а с друго стороны, эпохой высшего расцвета контр-революционной стратегии буржуазии Это надо ясно и отчетливо понять. Никогда контр-революционная стратегия, т. е искусство комбинированной борьбы против пролетариата всеми методами, от слад чайшей профессорско-поповской проповеди и до пулеметного расстрела стачечни ков, не достигала такой высоты, как сейчас.

Бывший американский статс-секретарь Лансинг в своей книге о Версаль ском мире рассказывает, что Ллойд Джордж не знает географии, не знает эконо мики и проч. и проч. Мы склонны ему охотно в этом поверить. Но что тот ж Ллойд Джордж скопил в своей голове все навыки обмана и насилия над трудя

щимися, от самых изощренных и тонких и до самых кровожадных, усвоил себе весь опыт, который в этом отношении дала прошлая английская история, и все это развил и изощрил на опыте, который дали последние тревожные годы, это для нас совершенно несомненно. Ллойд Джордж является в своем роде превосходным стратегом буржуазии, которой угрожает историческая гибель. И мы должны сказать, отнюдь не уменьшая этим ни настоящего, ни тем более будущего английской коммунистической партии, еще очень молодой, мы должны сказать, что у английского пролетариата пока таких стратегов нет. Во Франции президент республики Мильеран, который когда-то принадлежал к партии рабочего класса, и Бриан, глава правительства, который когда-то распространял идею всеобщей стачки среди рабочих, они весь богатый политический опыт французской буржуазии и тот опыт, который они сами почерпнули в лагере пролетариата, поставили на службу делу буржуазии, как ее квалифицированные контр-революционные стратеги. В Италии, Германии мы видим, с какой тщательностью буржуазия выдвигает из своей среды отдельных лиц и группы лиц, в которых сосредоточен весь опыт классовой борьбы буржуазии за ее развитие, обогащение, утверждение и самосохранение.

Школа революционной стратегии.

Задача рабочего класса, как европейского, так и мирового, состоит в том, чтобы продуманной до конца контр-революционной стратегии буржуазии противопоставить свою революционную стратегию, также продуманную до конца. Для этого нужно прежде всего ясно понять, что низвергнуть буржуазию автоматически, механически только потому, что она осуждена историей, не удастся. На сложном поле политической борьбы есть, с одной стороны, буржуазия со своими силами и средствами, а с другой стороны, рабочий класс с разными своими слоями, настроениями, уровнями развития, со своей коммунистической партией, которая борется с другими партиями и организациями за влияние на рабочие массы. Коммунистическая партия, фактически все более становящаяся во главе рабочего класса Европы, должна в борьбе маневрировать, наступая, отступая, укрепляя свое влияние, завоевывая новые позиции, пока представится благоприятный момент, чтобы опрокинуть буржуазию. Повторяю: это сложная стратегическая задача, и последний Конгресс поставил эту задачу во весь рост. С этой точки зрения, можно сказать, что III Конгресс Коммунистического Интернационала был высокой школой революционной стратегии.

Первый Конгресс происходил в то время, когда после войны коммунизм только рождался, как европейское движение, и когда можно было с известным основанием считать и надеяться, что полустихийный напор рабочего класса опрокинет буржуазию, которая не успеет еще найти свою новую ориентировку и новые пункты опоры после войны. Такое настроение и ожидание в значительной мере оправдывалось бы тогдашним об'ективным положением вещей. Буржуазия была страшно запугана последствиями своей собственной военной политики, которая в свою очередь была ей навязана ее об'ективным положением Несомненно, во всяком случае, что в эпоху I-го Конгресса (1919 год) у всех у нас, у одних больше, у других меньше, был расчет на то, что стихийный напор рабочих и отчасти крестьянских масс в самом близком будущем свалит буржуазию И действительно напор был колоссальный. Число жертв было очень велико. Но буржуазия выдержала этот первый напор и именно снова укрепилась в своей классовой самоуверенности.

II Конгресс в 1920 году собирался на переломе; уже чувствовалось, что тут одним напором в несколько недель, в один—два—три месяца буржуазию не свалишь, что нужна более серьезная политическая и организационная подготовка. Но в то же время положение было очень острое. Как вы помните, Красная Армия подступала к Варшаве и можно было расчитывать на то, что ввиду революционного положения в Германии, Италии и других странах военный толчек, который, конечно, не может иметь самостоятельного значения, но как дополнительная сила, введенная в борьбу европейских *сил*, сдвинет лавину революции с временной мертвой точки. Этого не случилось. Мы были отбиты.

После второго Конгресса Коммунистического Интернационала все больше и больше выяснялась необходимость более сложной революционной стратегии рабочего класса. Мы видим, как рабочая масса, приобревшая уже серьезный после-военный опыт, сама толкается в этом направлении, и результатом этого является прежде всего тот факт, что коммунистические партии всюду растут. В первый период миллионы рабочих в Германии бросались штурмом на старое общество, почти не обращая внимания на союз спартаковцев. Что это значило? Рабочей массе казалось после войны, что теперь нужно потребовать, напереть, ударить и многое, если не все, изменится. Вот почему миллионам рабочих представлялось, что незачем тратить свою энергию на построение коммунистической партии. Между тем в течение последнего года коммунистические партии в Германии и Франции—двух важнейших странах важнейшего европейского континента, из кружков стали организациями, охватывающими сотни тысяч рабочих. В Германии,—около четырехсот тысяч, во Франции—120—130000, что для французских условий очень высокая цифра. Это обстоятельство показывает, насколько рабочая масса за этот период почувствовала, что без особой организации, где рабочий класс обдумывает свой опыт и делает из него выводы, словом, без централизованного партийного руководства победить нельзя. В этом состоит огромное завоевание истекшего периода, в создании массовых коммунистических партий, к которым нужно причислить чехо-словацкую партию, насчитывающую 350000 членов (после об'единения с немецкой коммунистической организацией, чехо-словацкая партия будет насчитывать до 400.000 при населении 12.000.000.)

Было бы, однако, ошибочно ожидать, что бы эти молодые коммунистические партии, едва возникнув, усвоили себе искусство революционной стратегии Нет! Об этом слишком ярко свидетельствует тактический опыт последнего года. И третий с'езд с этим вопросом столкнулся вплотную.

Последний Конгресс, если говорить в самых общих чертах, имел перед собой две задачи. Одна состояла и состоит в том, чтобы очищать рабочий класс и в том числе наши собственные коммунистические ряды от таких элементов, которые *не хотят* борьбы, которые боятся борьбы и свое нежелание борьбы, свою внутреннюю склонность к соглашению с буржуазным обществом прикрывают теми или иными теориями Очищение рабочего движения в целом, а тем более коммунистических рядов от реформистских, центристских, полуцентристских элементов и настроений имеет двоякий характер: если дело касается сознательных центристов, законченных соглашателей и полусоглашателей—прямое изгнание их из рядов коммунистической партии и рабочего движения,—поскольку же дело касается неопределенных полуцентристских настроений—твердое руководящее воздействие на них и вовлечение таких элементов в революционную борьбу. Это первая задача Коммунистического Интернационала—очищение партии рабочего класса от элементов, которые не желают борьбы и тем самым парализуют борьбу пролетариата. Но есть вторая задача.

которая не менее важна: *научиться искусству борьбы*, искусству, которое вовсе не сваливается на рабочий класс или на его коммунистическую партию, как дар с небес. Искусству тактики и стратегии, искусству революционной борьбы можно научиться только на опыте, путем критики и самокритики. Мы говорили молодым коммунистам на третьем Конгрессе: «Товарищи, мы хотим не только героической борьбы, мы хотим прежде всего *победы*.“ Мы видели не мало героической борьбы в Европе за последние годы, особенно в Германии. Мы видели в Италии широкую революционную борьбу, гражданскую войну с ее неизбежными жертвами. Конечно, не каждая борьба приводит к победе, поражения неизбежны. Но эти поражения не должны происходить по вине партии. Между тем мы видели много явлений и приемов борьбы, которые не ведут к победе и не могут к ней вести, ибо они сплошь да рядом продиктованы революционным нетерпением, а не политической мыслью. Этим и определялась идейная борьба, которая была на III Конгрессе Интернационала. Должен, товарищи, сказаться, что эта борьба отнюдь не имела какого-либо ожесточенного, «фракционного» характера. Наоборот, на Конгрессе господствовала глубокая товарищеская, серьезная, деловая атмосфера и идейная борьба имела характер строго принципиального и в то же время делового обмена мнениями.

Конгресс был большим революционно-политическим советом рабочего класса и тут, на этом совете, мы, представители разных стран, на опыте этих стран, с одной стороны, проверяли и практически снова подтвердили и уточнили наши тезисы о необходимости очищения рабочего класса от элементов, которые не хотят борьбы и неспособны к борьбе, с другой стороны, мы впервые ребром и во всем объеме поставили вопрос о том, что революционная борьба за власть имеет свои законы, свои приемы, свою тактику, свою стратегию, и кто этим искусством не овладеет, тот не будет знать победы.

Центристские тенденции в итальянском социализме.

Задачи борьбы с элементами центристскими или полуцентристскими яснее всего встали на вопросе об итальянской социалистической партии. Вы знаете историю этого вопроса. Итальянская социалистическая партия проделала значительную внутреннюю борьбу и раскол еще до империалистической войны. Это очистило его от худших шовинистов. Кроме того, Италия вступила в войну 9-ю месяцами позже, чем другие страны. Это облегчило итальянской социалистической партии ее анти-военную политику. Партия не удалилась в патриотизм, а сохранила критическую позицию по отношению к войне и правительству. Это толкнуло ее на участие в антимилитаристской конференции в Циммервальде, хотя ее интернационализм имел довольно бесформенный вид. В дальнейшем авангард итальянского рабочего класса толкнул руководящие круги партии еще далее влево, и партия оказалась в третьем Интернационале вместе с Туратти, который доказывает в своих речах и в своих статьях, что третий Интернационал есть не что иное, как дипломатическое оружие в руках Советской власти, которая под видом интернационализма ведет борьбу за «национальные» интересы русского народа. Разве не чудовищно слышать такие суждения из уст, с позволения сказать «товарища» по третьему Интернационалу. Ненормальность вхождения итальянской социалистической партии в ее старом виде в Коммунистический Интернационал обнаружилась ярче всего в большом массовом действии в сентябре прошлого года. Приходится сказать, что партия *предала* в этом движении рабочий класс. Если спросить—как и почему партия отступила и

капитулировала осенью прошлого года во время массовой стачки, во время захвата рабочими заводов фабрик и поместий и т. д., если спросить, чего в этом предательстве было больше: злостного реформизма, нерешительности, политического легкомыслия или чего другого, то было бы трудно дать точный ответ. Итальянская социалистическая партия после войны находилась под влиянием Коммунистического Интернационала, давая своему левому крылу возможность проявлять себя более громко, чем правому крылу, что вполне соответствовало настроению рабочих масс, но организационный аппарат был главным образом в руках центра и правого крыла. Агитация шла за диктатуру пролетариата, за власть советов, за серп и молот, за Советскую Россию и т. д. Итальянский рабочий класс в массе своей все это брал в серьез и вступил на путь открытой революционной борьбы. В сентябре прошлого года дело дошло до захвата заводов и фабрик, шахт, латифундий и т. д. Но именно в этот момент, когда партия должна была сделать все политические и организационные, все практические выводы из своей агитации, она испугалась ответственности, отшатнулась назад, обнажила тыл пролетариата и рабочие массы были отданы под удары фашистских банд Рабочий класс думал и надеялся, что партия, которая призывала его к борьбе, закрепит успех его натиска. А закрепить этот успех можно было надежда на это была вполне обоснована, так как буржуазная власть была в это время деморализована и парализована, она не полагалась ни на армию, ни на полицейский аппарат. Естественно, повторяю, если рабочий класс думал, что стоящая во главе его партия доведет начатую борьбу до конца. Но в самый критический момент партия, наоборот, отходит назад, обезглавливая, обессиливая рабочий класс. Тогда стало совершенно и окончательно ясно, что в рядах Коммунистического Интернационала такого рода политики не должны иметь места. Исполнительный комитет Интернационала поступил вполне правильно, когда после происшедшего вскоре раскола в итальянской партии признал, что только левое коммунистическое крыло является секцией Коммунистического Интернационала. Тем самым партия Сератти, то есть руководящая часть старой итальянской социалистической партии, была поставлена вне Коммунистического Интернационала. К сожалению, это объясняется особыми неблагоприятными условиями, но может быть и ошибками с нашей стороны. К сожалению, коммунистическая партия Италии в период своего образования получила в свои ряды менее 50.000, в то время, как партия Сератти сохранила около 100.000 членов, из них тысяч 14 определенных реформистов, составляющих организованную фракцию (они имели свою конференцию в Реджио-Эмилио). Разумеется, 100.000 рабочих входящих в социалистическую партию, ни в коем случае не являются нашими противниками. Если мы не сумели до сих пор вовлечь их целиком в наши ряды, то тут не без нашей вины.

Правильность этой мысли доказывается тем, что исключенная из Интернационала социалистическая партия Италии послала на наш Конгресс трех своих представителей. Что это значит? Правящие круги партии своей политикой поставили себя вне Интернационала, а рабочая масса заставляет их снова и снова стучаться у дверей Интернационала.

Рабочие-социалисты этим самым показали, что они революционно настроены и хотят быть с нами. Но они послали людей, которые своим поведением показали, что они не усвоили себе идей и методов коммунизма. Этим итальянские рабочие, входящие в состав партии Сератти, показали, что, будучи в своем большинстве революционными по настроению, они не достигли необходимой политической ясности. Был у нас на Конгрессе старик *Лаццари*. Это в личном смысле очень

привлекательная фигура. Безусловно честный старый борец, человек безупречный, но ни в каком случае не коммунист. Он весь во власти демократических, гуманитарных, пацифистских воззрений. Он отвечал на Конгрессе: «Вы преувеличиваете значение Турати. Вы преувеличиваете значение наших реформистов вообще. Вы требуете от нас, чтобы мы их исключили. Но как же мы можем исключить их, раз они подчиняются партийной дисциплине? Если бы они дали нам, говорил Лаццари, какой-нибудь «факт» открытого противодействия партии, если бы они выступили в правительство против нашего решения, если бы голосовали за военный бюджет против нашего постановления, тогда мы могли бы их исключить. Но не иначе». Мы приводили эти статьи Турати, которые целиком направлены против азбуки революционного социализма. Лаццари возражал, что эти статьи не дают «фактов», что у них есть-де свобода мнений в партии и проч. и проч. На это мы опять-таки ему отвечали: позвольте, если вам для исключения Турати нужно, чтобы он совершил «факт», то-есть взял портфель у Джиолитти, то нет никакого сомнения в том, что Турати, который является умным политиком, никогда такого шага не сделает, потому что Турати вовсе не является ловкопробным карьеристом, который только и стремится получить портфель. Турати—закаленный соглашатель, непримиримый враг революции, но в своем роде это идейный политик. Он хочет во что бы то ни стало спасти буржуазно-демократическую «цивилизацию» и победить для этого революционное течение в рабочем классе. Когда Джиолитти ему предлагает портфель,—а это, вероятно, происходило не раз в укромных местах, Турати ему отвечает, примерно, так: «Если бы я взял портфель, то это был бы тот самый «факт», о котором говорил Лаццари. Как только я бы взял портфель, меня поймали бы на этом «факте» и выгнали бы из партии. И как только меня выгонят из партии, я тебе, кум Джиолитти, тоже не понадоблюсь, ибо я тебе нужен лишь до тех пор, пока связан с большой рабочей партией. Стало быть, после изгнания из партии ты меня выгонишь из министерства. Поэтому я не возьму в руки портфеля, не дам Лаццари «факта» и останусь фактическим руководителем социалистической партии». Вот примерное рассуждение Турати, и он прав. Он гораздо дальновиднее, чем идеалист и пацифист Лаццари. «Вы переоцениваете группу Турати, говорил Лаццари. Это небольшая группа, по французскому выражению «величина, которой можно пренебречь». На это мы ему отвечали»: «а вы знаете, что в то самое время, когда вы тут, на трибуне Московского Интернационала, выступаете с требованиями, чтобы вас допустили в наши ряды, Джиолитти по телефону спрашивает Турати: знаешь ли ты, друг, что Лаццари поехал в Москву и что он там может быть даст от имени твоей партии какие-нибудь опасные обязательства русским большевикам?» Знаете, что отвечает на это Турати? Он, наверно, отвечает: «Не беспокойся, дружище Джиолитти, это quantité négligeable,» величина, которой можно пренебречь». И он несравненно более прав, нежели Лаццари.

Таков был наш диалог с представителями значительной части итальянских рабочих. В конце концов было решено пред'явить итальянским социалистам ультиматум: созвать в три месяца партийный с'езд, на этом с'езде исключить всех реформистов, (которые сами себе произвели перекличку тем, что собрались на конференции в Реджио Эмилиано), и об'единиться с коммунистами на основе решений третьего Конгресса. Каковы будут непосредственные практические результаты этого решения, с точностью предсказать нельзя. Все ли серратти анцы придут к нам? Сомневаюсь. Но этого и не требуется. Среди них есть такие, которые нам не нужны. Но шаг, сделанный Конгрессом, был правильным. Он имеет своей задачей отвоевать рабочих, внеся в ряды колеблющихся вождей раскол.

Итальянский коммунизм—его затруднения, его задачи.

В среде делегатов итальянской коммунистической партии, а также представ-телей молодежи нашлись, однако, очень ожесточенные критики этого шага. Больше всего итальянские коммунисты, преимущественно с левым уклоном, критиковали Конгресс за то, что он «открыл двери», сераттианцам, оппортунистам и центристам. Это выражение «вы открыли двери Коммунистического Интернационала» повторялось десятки раз. Мы указывали им: «товарищи, у вас пока около 50-ти тысяч рабочих, а у сераттианцев—около ста тысяч, нельзя же на этом результате успокаиваться». Они несколько оспаривали цифры, указывая, что были массовые выходы из социалистической партии, что вполне возможно,—но главный довод был такой: «вся масса социалистической партии—не только вожди ее—является реформистской, оппортунистической». Мы спрашивали: каким же образом, зачем и почему они послали сюда, в Москву, Лаццари, Маффи и Рибольди? Молодые итальянские коммунисты дали мне на это весьма неопределенный ответ: дело, видите ли, в том, что итальянский рабочий класс в *целом* тяготеет к Москве и толкает туда оппортунистическую партию Сератти. Тут явная натяжка. Если бы дело обстояло так, что итальянский рабочий класс в целом стремится в Москву, то, ведь, двери в Москву ему раскрыты—это итальянская коммунистическая партия, входящая в Интернационал. Почему же итальянский рабочий класс выбирает такой кружный путь в Москву, толкая туда партию Сератти, вместо того, чтобы попросту войти в коммунистическую партию Италии? Совершенно очевидно, что все эти возражения левых коммунистов были ошибочны и вытекали из недостаточно глубокого понимания основной задачи—необходимости овладеть авангардом рабочего класса, прежде всего теми рабочими, вовсе не худшими, которые остаются в рядах социалистической партии Италии. Именно эти рабочие привели Лаццари в Москву. Ошибка «левых» вытекает из особого революционного нетерпения, которое мешает видеть важнейшие подготовительные и предварительные задачи и сплошь и рядом глубочайшим образом вредит интересам дела. Некоторым «левым» кажется, что раз непосредственная задача состоит в том, чтобы опрокинуть буржуазию, то стоит ли останавливаться в пути, вести переговоры с сераттианцами, открывать двери рабочим, которые идут за Сератти и пр. и пр.? А между тем—это сейчас главная задача. И это вовсе не простая задача. Тут нужны и переговоры и борьба и увещания новые об'единения и, вероятно, новые расколы. А некоторые нетерпеливые товарищи хотели бы просто повернуться к этой задаче, а, следовательно, и к рабочим-социалистам спиной. Кто, мол, за 3-ий Интернационал, пусть прямо вступает в нашу коммунистическую партию. Это на вид самое простое разрешение вопроса, но по существу—это обход вопроса, ибо вопрос состоит именно в том, *как, какими методами* привлечь рабочих-социалистов в коммунистическую партию. Эта задача не решается автоматическим «закрытием дверей» Интернационала. Ведь, итальянские рабочие знают, что социалистическая партия тоже была в Коммунистическом Интернационале. Ее вожди говорили революционные речи, звали к борьбе, к Советской власти и довели до сентябрьской стачки, до захвата фабрик и заводов. Потом капитулировали, не приняв боя в то время, как рабочие боролись.

Ныне авангард итальянского пролетариата перерабатывает этот факт в своем сознании. Рабочие видят, что из социалистической партии выделилось коммунистическое меньшинство, которое обращается к ним с такими же или почти с такими же речами, с коими вчера обращалась с ним партия Серати. Рабочие го-

ят себе: «надо подождать, надо посмотреть, что это означает, надо «проверить». Другими словами, они требуют, может быть, не вполне оформленно и сознательно, но по существу очень настойчиво, чтобы новая коммунистическая партия на деле себя обнаружила, чтобы вожди ее на опыте показали, что они сделаны из другого теста, чем вожди старой партии, что они неразрывно связаны с массами в их борьбе, как бы тяжки ни были условия этой борьбы. Нужно делом и словом, словом и делом завоевать доверие десятков тысяч рабочих социалистов, которые пока еще находятся на перепутьи, но которые хотят быть в наших рядах. Если к ним повернуться спиной, будто бы во имя немедленного свержения буржуазии, то этим можно причинить не мало вреда революции, а между тем, именно в Италии условия очень благоприятны для победоносной революции пролетариата уже в близком будущем.

Представьте себе на минуту—только для примера—что итальянские коммунисты, скажем, в мае этого года призвали бы итальянский рабочий класс к новой всеобщей стачке и восстанию. Если бы они сказали: так как социалистическая партия, из которой мы вышли, обанкротилась в сентябре, то мы, коммунисты, должны теперь во что бы то ни стало смыть это пятно и повести рабочий класс немедленно на решающий бой. На поверхностный взгляд могло бы показаться, что именно таков долг коммунистов, но на деле это не так. Элементарная революционная стратегия говорит, что такой призыв был бы в данных условиях безумием и преступлением потому, что рабочий класс, который в сентябре жестоко обжегся под руководством социалистической партии, не поверил бы, что можно с успехом повторить этот опыт в мае под руководством коммунистической партии, с которой он не успел еще, как следует, познакомиться. Основная вина социалистической партии состояла в том, что она «призывала» к революции, не делая из этого надлежащих выводов, то есть, не подготовляясь на деле к революции, не разъясняя передовым рабочим вопросов, связанных с завоеванием власти, не очищая своих рядов от тех, которые не хотят завоевания власти, не подбирая и не воспитывая надежные кадры боевиков, не создавая ударные ячейки, способные владеть оружием и захватить его в нужную минуту... Словом, *социалистическая партия призывала к революции, но не готовилась к ней.* Если бы итальянские коммунисты призвали сейчас к революции, они повторили бы ошибку социалистов—только в несравненно более трудных условиях. Задача нашей братской партии в Италии—*подготовить* революцию, то есть, прежде всего завоевать большинство рабочего класса и организовать надлежащим образом его авангард. Тот, кто нетерпеливую часть итальянских коммунистов одергивал бы назад и говорил: прежде чем призывать к восстанию, отвоюйте рабочих социалистов, произведите чистку в профессиональных союзах, выдвиньте там коммунистов вместо оппортунистов на ответственные посты, завоюйте массы—кто так говорил бы, тот внешним образом как бы тянул коммунистов назад, но на самом деле он этим самым указывал бы действительный путь к победе революции. Все сказанное, товарищи, азбучно с точки зрения серьезного революционного опыта. Но некоторые «левые» элементы Конгресса видели в такой тактике передвижку «вправо», а у иных молодых революционных товарищей без опыта, но полных энергии и готовности к борьбе и самопожертвованию, буквально волосы стали дыбом на голове, когда они услышали первые критические и предостерегающие речи со стороны русских товарищей. Из этих молодых революционеров некоторые, как рассказывали, целовали советскую землю, когда переступали границу. И хотя мы пока еще слишком плохо обрабатываем нашу землю, чтобы сделать ее достойной таких по-

целуев (аплод.), но мы понимаем революционный энтузиазм наших молодых иностранных друзей. Им кажется, что это стыд и позор, что они так запоздали и до сих пор не совершили своей революции. Они являются с этими чувствами в зал Николаевского дворца — и что же?—там выступают русские коммунисты, которые не только не требуют немедленного призыва к восстанию, но наоборот, всячески предостерегают против авантюр и настаивают на привлечении рабочих-социалистов на завоевание большинства трудящихся, на тщательной подготовке.

Некоторые крайне левые даже решили, что тут дело не спроста. Полувражебные элементы — как делегаты, так наз. Рабочей Коммунистической Партии Германии (эта группа входит в Интернационал с совещательным голосом), стали рассуждать в том смысле, что в недавнее время Российская Советская власть действительно надеялась на революцию в Европе и на этом строила свою политику, а потом терпение ее вышло, она стала заключать торговые договоры и развернула через свой Наркомвнешторг широкую мировую торговлю. Торговля же дело серьезное и требует спокойных и мирных отношений. Давно известно, что революционные потрясения вредят торговле и, с точки зрения комиссариата тов. Красина, мы, видите ли, заинтересованы в том, чтобы по возможности отсрочить и отдалить революцию (Общий смех). Товарищи, я очень жалею, что ваш дружный смех не может быть по радио передан некоторым крайне левым товарищам в Германию и Италию. Гипотеза о нашей наркомвнешторговской оппозиции против революционных потрясений тем более курьезна, что не далее, как в марте этого года, когда в Германии разыгрались трагические бои, к которым я сейчас перейду, бои, которые закончились тяжелым поражением части немецкого рабочего класса—немецкие буржуазные и социал-демократические газеты, а за ними печать всего мира вопили, что мартовское восстание вызвано приказом из Москвы, что Советская власть, переживавшая в то время трудные дни (крестьянские волнения, Кронштадт и проч.) отдала, видите ли, для своего спасения приказ устраивать восстания независимо от обстановки в каждой данной стране. Глупее этого ничего выдумать нельзя! Но не успели товарищи делегаты доехать из Рима, Берлина, Парижа до Москвы, как возникла новая теория, но уже на другом крайне левом крыле—теория о том, что мы не только не «приказываем» устраивать восстания немедленно и независимо от внешней обстановки, но наоборот, заинтересованные великолепным оборотом нашей торговли, заботимся об отсрочке революции. Какая из этих двух противоположных глупостей глупее—решить нелегко. Если мы виноваты в мартовских ошибках, поскольку тут можно говорить о вине, то только в том смысле, что Интернационал в целом, и в том числе наша партия, до сих пор совершили недостаточную воспитательную задачу в области революционной тактики и потому не устранили возможности ошибочных действий и методов. Да мечтать о полном устранении ошибок было бы вообще наивностью...

Мартовские события в Германии.

Вопрос о мартовских событиях занимал на с'езде в известном смысле центральное место и не случайно из всех коммунистических партий германская является одной из наиболее мощных и подготовленных теоретически, а в отношении революционной очереди — если можно так выразиться—Германия стоит, во всяком случае, в первом ряду... Внутренние условия Германии, как побежденной страны, наиболее благоприятны для революции. Численность и хозяйственная роль германского пролетариата вполне способны обеспечить победу этой революции.

ственно поэтому, если методы борьбы германской коммунистической партии обретают международное значение. На почве Германии перед нами прошли с 918 г. самые крупные события революционной борьбы, и тут плюсы и минусы но проанализировать на живом опыте.

В чем состояли мартовские события? Средне-германские пролетарии, рабочие но-промышленного района, представляли собой до недавнего времени и еще во ия войны одну из наиболее отсталых частей германского рабочего класса; они в большинстве не за социал-демократами, а за буржуазно-патриотическими и рковными кликами, были верны императору и проч. Условия их жизни и труда ли исключительно тяжкие. По отношению рабочих Берлина они занимали такое место, какое у нас занимали, скажем, отсталые уральские округа по сравнению питерскими рабочими. В революционную эпоху нередко случается так, что наолее придавленная и отсталая часть рабочего класса, впервые пробужденная гроом событий, вносит в борьбу величайшую энергию и проявляет готовность драться при всяких условиях, далеко не всегда считаясь при этом с обстановкой и возможностью победы, т.-е с требованиями революционной стратегии. В то время как, например, берлинские или саксонские рабочие, после опыта 1919—1920 года, стали гораздо более осторожны, в чем есть минусы, есть и плюсы, средне-германские рабочие продолжают вести линию бурных выступлений, стачек и демонстраций, вывозят на тачках мастеров, устраивают в рабочее время митинги и т. п. Разумеется, это несовместимо со священными задачами республики Эберта. Немудрено, если эта консервативно-полицейская республика в лице своего полицейского агента социал-демократа Герзинга решила произвести там некоторую «чистку», т.-е. гнать наиболее революционные элементы, арестовать кое-кого из коммунистов проч.

Центральный комитет германской коммунистической партии как раз в этот период (середина марта) подошел вплотную к мысли, что необходимо проводить более активную революционную политику. Германская партия, как вы помните, незадолго до этого сложилась из старого союза спартаковцев и большинства партии независимых и тем самым практически подошла к вопросам массовых действий. Мысль о том, что необходимо переходить к более активной политике, была безусловно правильна Но какое выражение она получила на деле? В тот момент, когда появился приказ полицейского социал-демократа Герзинга, который требовал от рабочих того, чего не раз тщетно требовало у нас правительство Керенского: чтобы не устраивали митингов в рабочее время, чтобы относились к заводскому имуществу, как к священному достоянию и проч.—центральный комитет коммунистической партии выпускает призыв ко всеобщей забастовке на помощь рабочим средней Германии. Всеобщая забастовка не такое дело, на которое рабочий класс поднимается легко по первому призыву партии, особенно если у него в прошлом ряд поражений тем более в стране, где на ряду с коммунистической имеются две массовые социал-демократические партии, и где аппарат профсоюзов против нас. Между тем, если мы проследим центральный орган коммунистической партии «Роте Фане» за весь этот период изо дня в день, то увидим, что призыв ко всеобщей стачке был совершенно не подготовлен. В Германии было за время революции не мало кровопусканий и полицейский поход на среднюю Германию не мог сам по себе сразу поставить на ноги весь германский рабочий класс. Серьезному массовому выступлению должна была бы, очевидно. предшествовать широкая энергичная агитация с определенными лозунгами, бьющая в одну точку, и эта агитация лишь в том случае могла привести к более решительным призывам к действию, если бы она позволила

прощупать, что масса уже захвачена за живое и готова итти вперед по п
революционного действия. Это азбука революционной стратегии, но именно
азбука была нарушена во время мартовских событий целиком.
Полицейские баталионы не успели дойти до заводов в средней Германии и
шахт, как там действительно последовала общая стачка. Я уже сказал, что
средней Германии готовность к немедленной борьбе была на лицо и призыв Ц.
был немедленно подхвачен. Совсем не то оказалось по всей остальной стране:
внешнее, ни внутренее положение Германии вовсе не обусловливало такого внез
ного перехода к активности. Масса просто *не поняла* призыва.

Между тем некоторые очень влиятельные теоретики коммунистической парт
Германии вместо того, чтобы признать ошибочность призыва, в об'яснение е
выдвинули такую теорию, что мы должны в революционную эпоху вести искл
чительно политику оффензивы, т. е. политики революционного наступлени
Таким образом мартовское выступление преподносится массе в качестве наст
ления. Оцените теперь всю обстановку в целом. Наступление открывает на само
деле полицейский социал-демократ Герзинг. Этим нужно воспользоваться, чтоб
об'единить всех рабочих в защите, в обороне, в отпоре, хотя бы сначала и
скромном отпоре. Если почва благоприятна, агитация встречает благоприятн
отклик—перейти ко всеобщей стачке. Если события развертываются далее, масс
встает, связь рабочих крепнет, настроение поднимается, в лагере противников н
решительность или расслоение—дать лозунг перехода в наступление. Если ж
почва оказывается неблагоприятной, условия и настроение масс не отвечают бол
решительным лозунгам—дать отбой, по возможности организованно, отступить н
прежние позиции,—сделав при этом то завоевание, что мы прощупали рабочу
массу, усилили ее внутреннюю связь и, что самое важное, увеличили авторит
партии, как мудрого вождя при всякой обстановке. Что же делает руководящ
центр немецкой партии? Он как бы придирается к первому поводу и, прежде чем
этот повод становится известен рабочим и усваивается ими, Ц. К. бросае
лозунг всеобщей стачки. И прежде чем партии удалось поднять рабочих Бер
лина, Дрездена, Мюнхена на поддержку рабочих средней Германии, а этом
можно было, может быть, достигнуть в течение нескольких дней, если бы, н
перепрыгивая через события, планомерно и твердо вести массу вперед, прежд
чем партия эту работу выполнила, провозглашается, что наше выступление есть
оффензива... Это уже значило срывать все дело и заранее парализовать движени
Совершенно очевидно, что в этой стадии оффензива шла целиком со стороны вра
Нужно было использовать моральный элемент *обороны*, нужно было призыва
пролетариат всей страны, спешить на помощь рабочим средней Германии. Форм
поддержки могла быть различной на первых порах, прежде чем партия смогл
бы дать обобщающий действенный лозунг. Задача агитации состояла в том, чтоб
поднимать массу, концентрировать ее внимание на средне-германских событиях
политически сломить сопротивление рабочей бюрократии и тем обеспечит
действительно *всеобщий* характер стачки, как возможной основы дальнейшег
развития революционной борьбы. А что получилось вместо этого? Революционне
и активное меньшинство пролетариата оказалось противопоставлено в действи
большинству, прежде чем это большинство успело отдать себе отчет в смысл
событий. Когда партия столкнулась с пассивностью и выжидательностью рабо
чего класса, нетерпеливые элементы сделали кое-где попытку и уже не путем
агитации, а путем механических мер выгнать на улицу большинство рабочих
Конечно, если большинство рабочих за стачку—оно всегда может принудит

ней меньшинство, насильственно закрывая заводы и осуществляя всеобщую стачку на деле. Это бывало не раз и будет всегда и только дурачки могут против этого возражать. Но когда подавляющее большинство рабочего класса не отдает себе ясного отчета в движении или не сочувствует ему или не верит в его успех, а меньшинство рвется вперед и пытается механическими средствами выгнать рабочих на стачку, тогда это нетерпеливое меньшинство может в лице партии враждебно столкнуться с рабочим классом и расшибить себе голову.*)

Стратегия германской контр-революции и авантюристские элементы слева.

Возьмите под этим углом зрения всю историю германской революции. В ноябре 1918 года происходит низвержение монархии и в порядок дня становится революция пролетариата. В январе 1919 года происходят кровавые революционные бои пролетарского авангарда против режима буржуазной демократии; эти бои повторяются в марте 19 года. Буржуазия быстро ориентируется и вырабатывает свою стратегию: она громит пролетариат по частям. При этом гибнут лучшие вожди рабочего класса Роза Люксембург и Карл Либкнехт. В марте 20 года после попытки Каповского контр-революционного переворота, сметенного всеобщей стачкой, происходит новое частичное восстание, вооруженная борьба рабочих рурской каменноугольной области. Движение заканчивается новым поражением и новыми неисчислимыми жертвами. Наконец, в марте 21 года новая гражданская война, опять частичная—и новое поражение.

Когда в январе и марте 19 года немецкие рабочие частично восстали, были разбиты и потеряли лучших вождей, мы, памятуя, о нашем собственном опыте, говорили:—это июльские дни немецкой коммунистической партии. Вы все помните июльские дни в Петрограде в 17 году... Питер обогнал тогда страну, рванулся один вперед, провинция его недостаточно поддержала, а в армии у Керенского нашлись еще отсталые полки, чтобы задавить движение. Но в самом Питере подавляющее большинство пролетариата было уже с нами. Июльские дни в Петрограде стали предпосылкой Октября. Правда, и мы в июле делали кое-какие глупости. Но мы их не возводили в систему. На январьские и мартовские бои в 1919 году мы смотрели, как на немецкий «июль». Но затем последовал в Германии не октябрь, а март 1920 года—новое поражение, не говоря уже о более мелких частичных поражениях и о систематическом истреблении лучших местных вождей немецкого рабочего класса. Когда мы, говорю, наблюдали мартовское движение 20 года, затем мартовское движение 21 года, мы не могли не сказать: нет, слишком много в Германии июльских дней, мы хотим Октября. Да, нужно подготовить германский Октябрь, победу немецкого рабочего класса. И вот здесь вопросы революционной стратегии и встают перед нами в полном об'еме. Совершенно ясно и очевидно, что немецкая буржуазия, т.-е. ее руководящая клика, развернула свою контр-революционную стратегию до конца, она провоцирует отдельные части рабочего класса на выступления, она изолирует их в отдельных областях, она подстерегает их со взведенным курком и всегда метит в голову лучших представителей рабочего класса. На улице или в застенке, в открытом бою или при мнимой попытке побегу от руки военного суда или нелегальной банды гибнут единицы, десятки

*) Бывший председатель ЦК коммунистической партии Пауль Леви выступил с критикой тактики партии в Мартовских событиях. Но своей критике он придал совершенно недопустимый дезорганизаторский характер и принес делу не пользу, а вред. Внутренняя борьба привела к исключению Леви из партии и подтверждению этого исключения со стороны Конгресса Интернационала.

сотни, тысячи коммунистов, воплощающих лучший опыт пролетариата. Это стратегия, строго расчитанная, хладнокровно проводимая, опирающаяся на весь округ господствующего класса.

И вот в этих условиях, когда немецкий рабочий класс в целом инстинктивно чувствует, что голыми руками такого врага не возьмешь, что тут нужен не только энтузиазм, но и холодный расчет, ясная оценка, серьезная подготовка, и он ждет этого от своей партии—ему преподносят сверху: наш долг вести только стратегию оффензивы, т.-е наступать во всех случаях, ибо, видите-ли, мы вступили в революционную эпоху. Это, примерно, то же самое, как если бы командующий армией сказал: так как мы вступили в войну, то наш долг везде и всегда наступать. Такой командующий был бы неизбежно разбит, даже при превосходстве своих сил... Более того, находятся «теоретики», подобные немецкому коммунисту Маслову, которые по поводу Мартовских событий договариваются до прямо таки чудовищных вещей: «наши противники—говорит т. Маслов—ставят нашим Мартовским действиям в вину то, что мы ставим себе в заслугу, а именно, что партия, выступая на борьбу, не спрашивала себя о том, пойдет или не пойдет за ней рабочий класс». Это почти буквальная цитата. С точки зрения субъективного революционизма или левой эсеровщины - это превосходно, но с точки зрения марксизма—это чудовищно.

Авантюристские тенденции и четвертый Интернационал.

«Революционный долг требует от нас оффензивы против немцев» провозглашали левые эс-эры в июле 1919 года. Нас разобьют? Но наш долг итти вперед. Рабочая масса не хочет? Что же—можно бросить бомбу в Мирбаха, чтобы заставить русских рабочих вести ту работу, в которой они неизбежно должны погибнуть. Такого рода настроения очень сильны в, так называемой, коммунистической рабочей партии Германии (КАРД). Это небольшая группа *пролетарской лево-эсеровщины.* Наша левая эс-эровщина имеет, вернее имела, главным образом интеллигентски крестьянские корни; в этом ее социальное отличие. Но политические методы одни—это истерический революционизм, готовность в любой момент применять самые крайние средства и методы, не считаясь с массой и общей обстановкой, нетерпение вместо расчета, опьянение революционной фразой. Все это вполне характеризует «коммунистическую рабочую партию» Германии На Конгрессе один из ораторов, говоривший от лица этой партии, сказал, примерно, следующее: „Чего вы хотите? Рабочий класс Германии пропитан (он сказал даже, versenicht, зачумлен) филистерством, мещанством, мелко-буржуазностью. Как же с ним быть? Без экономического саботажа вы их на улицу не выведите“. А когда его спросили, что это значит, он разъяснил: «чуть рабочие начинают жить получше, они успокаиваются и не хотят революции, если же нарушать механический ход производства, взрывать фабрики заводы жел. дороги и т. д., это ухудшает положение рабочего класса, а, следовательно, делает его более способным к революции.» Не забудьте, что это говорит представитель „рабочей“ партии. Ведь это же абсолютный скептицизм! Выходит так: если сделать соответствующий вывод для деревни, то передовым крестьянам Германии нужно поджигать села, пустить по всей стране «красного петуха» и таким образом революционизировать сельское население. Тут нельзя не вспомнить, что в самый первый период революционного движения в России в 60-тые года, когда интеллигенты-революционеры были совершенно бессильны проявить себя в действии, задавленные кружковщиной и постоянно сталкиваясь с пассивностью крестьянских

асс, именно тогда некоторые группы (так называемые, нечаевцы) пришли к ысли, что пожар и поджоги—это настоящий революционный фактор русского олитического развития.

Совершенно очевидно, что такого рода саботаж, направленный по существу отив большинства рабочего класса, есть антиреволюционное средство, которое алкивает враждебно с рабочим классом «рабочую партию», число членов которой удно определить, но во всяком случае не более трех—четырех десятков тысяч то время, как об,единенная коммунистическая партия, как вы знаете, имеет коло 400 000 членов. Конгресс поставил вопрос о КАРД. ребром, пред'явив этой ганизации требование собрать в течение ближайших трех месяцев свой с'езд и иться в единую коммунистическую партию или окончательно стать вне Коммуни- тического Интернационала.

Многое говорит за то, что КАРД в лице своих нынешних анархо-авантю- стских верхов не подчинится решению Интернационала и, оказавшись таким разом вне его, сделает, вероятно, попытку совместно с другими «крайними левыми» ементами образовать четвертый Интернационал. Неминуемо в ту же трубочку трубила на Конгрессе наша Коллонтай. Ни для кого не секрет, что наша партия ляется, пока что, стержнем коммунистического Интернационала. Между тем тов. оллонтай изобразила положение дела у нас в партии так, что выходило, будто ме- цем раньше или позже рабочим массам, во главе с тов. Коллонтай придется для тановления «настоящего» советского строя устраивать «III революцию», почему, однако, етью, а не четвертую. Ведь третья резолюция во имя «настоящего» совет ского роя произошла в феврале в Кронштадте. Есть еще архи-левые в Голландии, жет быть и в других странах. Не знаю, все ли они взяты на учет. Но во всяком учае количество их не чрезмерно и 4-му Интернационалу, если бы он возник, ньше всего грозила бы опасность стать очень многочисленным. Разумеется, было бы лько потерять и маленькую группу, так как в ее среде есть, несомненно, хорошие бочие бойцы. Но если этому сектантскому расколу суждено совершиться, мы будем еть на ближайший период не только справа от себя Интернационал номер 2½, и слева Интернационал номер 4, где суб'ективизм, истеричность, авантюризм и волюционная фраза будут представлены уже в вполне законченном виде. Мы по- чим таким образом «левое» чучело, на котором будем учить стратегии рабочий асс. У каждой вещи, как видите, есть две стороны: положительная и отрицательная

Левые ошибки и русский опыт.

Но и внутри об'единенной коммунистической партии были анти-марк стские тенденции, довольно ярко себя проявившие в марте и после рта. Я уже цитировал поразительную статью *Маслова*. Но Маслов одинок. В вене издается журнал «Коммунизмус»—орган коммунистического Интер- ционала на немецком языке. В июньской книжке журнала в статье, посвященной ложению в Интернационале, говорится, примерно, следующее: «Главной характе- стикой нынешнего периода революции является то, что мы теперь должны част е, в том числе экономические, бои, т. е. стачки, проводить средствами окончатель- го боя, т.-е. с оружием в руках». Вот, товарищи, стратегия, опрокинутая вниз овой. В то время, как буржуазия нас провоцирует на *частичные* кровавые и, некоторые наши стратеги хотят такого рода бои возвести в правило. Разве не чудовищно? Об'ективное положение в Европе, глубоко революционно. Рабочий асс это чувствует и в течение всего послевоенного периода он рвался вперед

на борьбу с буржуазией. Но победы он не получил нигде, кроме России. Тогда он стал понимать, что перед ним трудная задача, и начал создавать себе аппарат для победы—коммунистическую партию. Он сделал на этом пути в Европе семимильные шаги за последний год. Мы имеем теперь подлинно массовые коммунистические партии в Германии, во Франции, в Чехо Словакии, в Юго-Славии, в Болгарии.. Рост огромный. В чем ближайшая задача? В том, чтобы эти партии завоевали в кратчайший срок большинство промышленных рабочих и значительную часть сельских рабочих и даже крестьянскую бедноту, как мы их завоевали перед октябрем,—иначе мы не имели бы октября. Вместо этого некоторые горе-стратеги говорят, что так как эпоха теперь революционная, то наш долг при всякой возможности вести борьбу хотя бы и частичную, методами вооруженного восстания. Ничего лучшего буржуазии и не нужно! В тот период, когда коммунистическая партия растет с превосходной быстротой и все более и более распростирает свои крылья над всем рабочим классом, буржуазия провоцирует наиболее нетерпеливую и боевую часть рабочих вступить в преждевременный бой—без поддержки основной рабочей массы, дабы, разбивая пролетариат по частям, подкопать в нем веру в его способность победить буржуазию. В этих условиях теория постоянной оффензивы и частичных боев методами вооруженного восстания есть вода на мельницу контр-революции. Вот почему на 3е-м конгрессе русская партия, поддержанная всеми наиболее зрелыми элементами, твердым голосом сказала товарищам левого крыла: Вы—превосходнейшие революционеры и будете драться и погибать за дело коммунизма, но этого нам недостаточно. Мало драться, надо победить. А для этого надо лучше овладеть искусством революционной стратегии.

Я думаю, товарищи, что одной из важных причин недооценки трудностей революционной борьбы и победы в Европе явился фактический ход пролетарской революции в России и отчасти в Венгрии. Мы имели у себя в России буржуазию исторически запаздалую, политически слабую,—с большой зависимостью от европейского капитала и со слабыми политическими корнями в русском народе. С другой стороны, мы имели революционную партию с большим прошлым подпольной работы, с боевым воспитанием и закалом, сознательно использовавшую весь опыт европейской и мировой революционной борьбы. Положение русского крестьянства—в отношении к буржуазии и в отношении к пролетариату—характер и настроение русской армии после военного разгрома царизма,— все это сделало неизбежной октябрьскую революцию и чрезвычайно облегчило революционную победу (хотя вовсе не избавило от трудностей в дальнейшем, а наоборот, подготовило их в гигантских размерах). Вследствие относительной легкости октябрьской революции победа русского пролетариата не предстала в достаточной мере перед руководящими кругами европейских рабочих, как политико-стратегическая задача, и не была с этой стороны достаточно усвоена ими.

Следующий опыт завоевания пролетариатом власти произошел в меньшем масштабе, но ближе к Европе—в Венгрии. Там условия сложились так, что власть досталась коммунистам почти без революционной борьбы; этим самым вопросы революционной стретегии в эпоху *борьбы за власть* естественно свелись к минимуму.

Из опыта России и Венгрии не только рабочие массы, но и коммунистические партии других стран усваивали прежде всего неизбежность победы пролетариата и затем непосредственно переходили к усвоению тех трудностей, которые вытекают из победы рабочего класса. Что же касается *стратегии революционной борьбы во имя завоевания власти*, то она представлялась при этом крайне простой и как бы сама собой разумеющейся. Совсем не случайно некоторые

ыдающиеся венгерские товарищи с большими заслугами перед Интернационалом наруживают тенденцию к крайнему упрощению вопросов тактики пролетариата революционную эпоху, заменяя эту тактику лозунгом оффензивы.

3 й конгресс сказал коммунистам всех стран: ход русской революции есть жный исторический *пример*, но вовсе не политическое *правило* И еще: только *редатель* может отрицать необходимость революционной оффензивы, но только *простак* может к оффензиве сводить всю революционную стратегию.

Плюсы и минусы французской коммунистической партии.

По поводу политики французской коммунистической партии у нас были менее урные прения, чем по поводу немецкой политики, по крайней мере, на самом конгрессе; но на заседании Исполкома у нас развернулись однажды довольно напряженные рения при обсуждении вопросов французского рабочего движения. Французская оммунистическая партия сложилась без таких внешних и внутренних потрясений, к немецкая.

В связи с этим во французской партии, несомненно, еще сильны центристские настроения и старые приемы парламентарного социализма. Революционной рьбы в ближайшем прошлом у французского пролетариата не было,—борьбы, которая кивила бы его старые революционные традиции. Французская буржуазия вышла обедоносной из войны; это давало им возможность до последнего времени за счет грабления Германии, давать отдельные подачки привиллегированным частям рабочего асса. Революционная классовая борьба во Франции только теперь намечается. о начала первых серьезных боев французская коммунистическая партия получила озможность использовать и усвоить себе революционный опыт России и Германии. остаточно напомнить, что в Германии гражданская война была в полном разгаре, огда коммунисты представляли еще кучку спартаковцев, во Франции же, наоборот, крытой революционной борьбы после войны еще не было, а коммунистическая артия уже сосредоточила в своих рядах 120 000 рабочих: если принять во внимание аличность во Франции революционных синдикалистов, которые «не признают» артии, хотя поддерживать должны за диктатуру пролетариата; если принять во нимание, что во Франции организация не была так крепка, как в Германии, то танет ясно, что эти 120.000 организованных коммунистов означают для Франции е меньше, а, пожалуй, больше, чем 400.000 для Германии; ярче всего это видно з того, что в Германии справа от этих 400.000 находятся партии независимых социал-демократов, у которых вместе гораздо больше членов и сторонников, чем коммунистов, тогда как во Франции справа от коммунистов имеется только ничтожная группа отколовшихся сторонников Лонге и Реноделя. И в профессиональном движении Франции соотношение сил в общем, несомненно, более благоприятно для левого крыла. Зато общее соотношение классовых сил в Германии, несомненно, благоприятнее для победоносной революции. Другими словами: во Франции буржуазия опирается еще в значительной мере на свой собственный аппарат: армию, полицию и проч.; в Германии она опирается преимущественно на социал-демократию и бюрократию профессиональных союзов.

Французская коммунистическая партия имеет возможность целиком и безраздельно овладеть руководством в рабочем движении прежде, чем наступят решающие события. Но для этого французскому коммунизму необходимо окончательно стряхнуть с себя старую скорлупу политических условностей и недоговоренностей, которая была во Франции плотнее, чем

где бы то ни было. Французской партии нужны более решительный подход к событиям, более энергичный и непримиримый характер и самый тон агитации, более суровое отношение ко всем и всяческим проявлениям демократически-парламентарной идеологии, интеллигентского индивидуализма, адвокатского карьеризма. Во время обсуждения политики французской партии в Исполкоме Коминтерна указывалось, что партия делала такие-то и такие то ошибки, что в парламенте депутаты-коммунисты нередко черезчур „разговаривают" со своими буржуазными врагами, вместо того, чтобы через их голову обращаться к массам; что газеты партии должны говорить гораздо более отчетливым, более революционно резким языком, чтобы самые угнетенные и придавленные французские рабочие почувствовали здесь отклик своих страданий, требований и нужд. Во время этих прений выступил молодой французский товарищ и в страстной речи, встретившей одобрение части собрания перенес критику партийной политики в совершенно другую плоскость «Когда французское правительство—говорил этот представитель молодежи—намеревалось захватить Рурскую область у немцев в начале того года и об'явило мобилизацию 19-ти летних, партия не призвала мобилизуемых к сопротивлению и тем обнаружила свою полную несостоятельность». Какому сопротивлению? спрашиваем мы. «Партия не призвала девятнадцатилетних не подчиняться приказу о мобилизации». Что вы понимаете под этим неподчинением? спрашиваем мы. Не подчиниться—значит ли не явиться добровольно, дожидаться, пока не придет на квартиру жандарм или полицейский, или же это означает активное сопротивление с оружием в руках против жандарма и полицейского. Этот, молодой товарищ, который на нас всех произвел очень хорошее впечатление, немедленно воскликнул: «Конечно: итти до конца и сопротивляться с оружием в руках». Тут то и обнаружилось, насколько темны и смутны еще представления о революционной тактике в сознании некоторых элементов. Мы стали тогда рассуждать с нашим молодым оппонентом: у вас во Франции под трехцветным знаменем империалистской армии находится сейчас несколько «классов» по французскому выражению, т. е. возрастов. Правительство вашего считает, что нужно призвать еще один класс—девятнадцатилетних. Этот «класс» (возраст) насчитывает в стране, скажем, 200 000 юношей, среди них коммунистов, допустим, 3—5000; они рассеяны, неорганизованы, кто в деревне, кто в городе. Допустим, на минуту, что партия действительно призывает их сопротивляться с оружием в руках. Сколько при этом агентов буржуазии будет убито, я не знаю, но зато несомненно, что все коммунисты будут изъяты из класса 19 летних и истреблены. Почему же вы не призываете те возрасты, которые уже находятся в армии, устроить восстание. Они, ведь, имеют ружья и об'единены в рядах армии. Потому что вы понимаете, очевидно, что армия не будет стрелять по контр-революции до тех пор, пока рабочий класс в большинстве своем не проявит на деле готовность бороться за власть, иначе говоря, пока не начнется пролетарская революция. Как же вы требуете, чтобы революцию сделал не рабочий класс в целом, а «класс» 19? Если бы коммунистическая партия, на минутку предположим это, отдала такой приказ, это было бы лучшим подарком для Мильерана, для Бриана, для Барту, для всех кандидатов в усмирители пролетарского восстания. Ибо совершенно очевидно, что если бы наиболее пылкая часть молодежи была истреблена, более отсталая часть рабочего класса, оказалась бы запуганной, партия была бы изолирована и ее влияние было бы подорвано на месяцы, если бы не на годы. Такими методами, т. е. нетерпеливым применением самых острых форм революционной борьбы, в условиях, не созревших для решающего столкновения, можно

ться лишь отрицательных результатов и даже довести дело до революционного кидыша, вместо могучих революционных родов.

Классическим образцом совершенно неподготовленного призыва к массовому выступлению является попытка всеобщей стачки в мае 1920 года. Как известно, сю этой стачки предательски «поддержали» синдикалисты-реформисты.

Их стремление состояло в том, чтобы не выпускать движения из рук и тем тче сорвать его при первой возможности. Они вполне преуспели. Но действуя едательски, эти люди оставались верны своей природе. Ничего другого от них льзя было ждать. Между тем другая сторона, революционные синдикалисты коммунисты, совершенно не подготовили движения. Инициатива его исходила от юза железнодорожников, которым тогда впервые овладели левые с Монмуссо во аве. Прежде чем они успели сколько нибудь укрепиться и обеспечить необходиейшие позиции, прежде чем они успели хотя бы оглядеться, как следует, вокруг бя, они поспешили призвать массы к решающему действию под путанными неопределенными лозунгами, при предательской «поддержке» справа. Это было всех отношениях неподготовленное наступление. Результаты известны: выступло лишь небольшое меньшинство, соглашатели сорвали дальнейшее развитие тачки, контр революция использовала обнаружившуюся слабость левых во всю чрезвычайно укрепила свои позиции.

Такого рода легкомысленные импровизации в движении недопустимы. Нужно раздо серьезнее оценивать обстановку. Нужно настойчиво, энергично, согласонно во всех областях подготовлять движение, чтобы затем твердо и решительно ов дить его, когда подан сигнал. Но для этого нужно иметь коммунистическую ртию, об'единяющую опыт пролетариата во всех областях его борьбы. Разумеется, на наличность партии еще не избавляет от ошибок. Но отсутствие партии, как ководящего авангарда, делает неизбежными ошибки, превращая всю борьбу в ряд импровизаций, экспериментов и авантюр.

Коммунизм и синдикализм во Франции.

Отношение коммунистической партии к рабочему классу во Франции, как уже сказал благоприятней, чем в Германии Но политическое влияние партии рабочий класс, чрезвычайно возросшее, благодаря полевению партии, остается Франции недостаточно оформленным, особенно в организационном отношении. о яснее всего видно на вопросе о профессиональных союзах

Во Франции синдикаты (профсоюзы) являются в меньшей степени, чем Германии и англосаксонских странах, организацией миллионных масс. Но и во ранции численный состав синдикатов чрезвычайно вырос за последние годы. тношение партии к классу принимает прежде всего форму отношения партии профессиональным союзам. Уже отсюда, из этой простой формулировки вопроса дно как неправильна, антиреволюционна и опасна теория, так называемого, атрализма, полной «независимости» профессиональных союзов от партии и проч. сли профессиональные союзы являются по своей тенденции организацией всего бочего класса в целом, то как же этот рабочий класс может быть нейтрален по тношению к партии или «независим» от нее? Ведь, это означало бы его нейтральсть, т.-е. полное безразличие по отношению к самой революции Между тем этом основном вопросе во французском рабочем движении до сих пор еще нет лежащей ясности и прежде всего этой ясности нет в самой партии.

Теория полного и безусловного разделения труда меду партией и профессиональными союзами и их абсолютно взаимного невмешательства является в таком своем крайнем выражении продуктом именно французского политического развития. Основа этой теории—чистейший оппортунизм. До тех пор, пока рабочая аристократия, организованная в синдикаты, заключает тарифные договоры, а социалистическая партия защищает в парламенте реформы разделение труда и взаимное невмешательство еще более или менее возможны Но как только в борьбу вовлекается настоящая пролетарская масса и движение принимает действительно революционный характер, принцип невмешательства вырождается в реакционную схоластику. Рабочий класс только в том случае может победить, если во главе его стоит организация, которая представляет собой его живой исторический опыт, теоретически обобщенный и практически направляющий всю его работу. По самому смыслу своей исторической задачи партия может обнимать только наиболее сознательное и активное меньшинство рабочего класса. Профессиональные союзы же стремятся охватить рабочий класс в целом. Кто признает, что пролетариат нуждается в идейном и политическом руководстве своего авангарда, об'единенного в коммунистическую партию, тот тем самым признает, что партия должна стать руководящей силой и внутри синдикатов, т.-е. массовых организаций рабочего класса. Между тем во французской партии имеются товарищи, которые не усвоили элементарной истины и которые, как например Вернье, ведут непримиримую борьбу за «неприкосновенность» синдикатов от влияния партии. Ясно, что такие товарищи только по недоразумению вошли в партию, ибо коммунист, который отрицает задачу и обязательства коммунистической партии по отношению к синдикатам, не есть коммунист.

Само собой разумеется, что это не означает организационного или внешнего подчинения синдикатов партии. Организационно синдикаты независимы. Партия имеет внутри синдикатов то влияние, которое она себе завоевывает своей работой, своем идейным воздействием, своим авторитетом. Но этим самым мы говорим, что партия обязана стремиться к всемерному увеличению своего влияния в синдикатах, она должна ставить перед собой все вопросы, вырастающие из синдикального движения, давать на них ясные ответы и проводить свои взгляды через коммунистов, работающих в профессиональных союзах, нимало не нарушая организационной автономии последних.

Вы знаете, что во Франции внутри профессиональных союзов имело значительное влияние течение так называемого революционного синдикализма. По существу революционный синдикализм, хотя и отрицал партию, сам был ничем иным, как антипарламентской партией рабочего класса. Синдикалистская партия всегда вела энергичную борьбу за свое влияние на синдикаты и никогда не признавала нейтрализма или независимости синдикатов по отношению к теории и практике синдикалистской партии. Если отбросить теоретические ошибки и крайности французского синдикализма, а взять его революционную сущность, то нет никакого сомнения, что сущность эта нашла свое полное развитие именно в коммунизме.

Ядром революционного синдикализма во Франции была группа журнала «Ла-Вие Увриер» (Рабочая Жизнь»). С этой группой я близко сошелся во время войны. В центре группы стояли Монат и Росмер, справа к ней примыкали Мергейм и Дюмулен. Два последних стали затем ренегатами. Росмер совершил естественный переход от революционного синдикализма к коммунизму. Монат до сих пор занимает неопределенную позицию, а после Третьего Конгресса Интернационала и конгресса красных профсоюзов Монат совершил шаг, который внушает мне серьезные опасения. Вместе с секретарем Союза железнодорожников Монмуссо Монат

опубликовал протест против резолюции Коминтерна о профессиональном движении и отказался примкнуть к Красному Международному Об'единению Профсоюзов. Нужно сказать, что самый текст протеста Моната и Монмуссо является лучшим аргументом против их половинчатой позиции. Монат заявляет в своем выходе из амстердамского об'единения профессиональных союзов за его тесную связь со II Интернационалом Совершенно правильно. Но тот факт, что подавляющее большинство профессиональных союзов связано либо со II либо с III Интернационалом и является лучшим доказательством того, что нейтральных, а политических профсоюзов вообще, а тем более в революционную эпоху, нет и быть не может. Кто отрывается от Амстердама и не примыкает к Москве, тот рискует создать профессиональный интернационал в $2^1/_2$.

Я твердо расчитываю, что это печальное недоразумение будет рассеяно и что Монат займет свое место там, где ему по всему прошлому надлежит быть. Во французской коммунистической партии и в Московском Интернационале.

Вполне понятно и правильно то осторожное и мягкое отношение которое проявляет французская коммунистическая партия по отношению к революционным синдикалистам, ища сближения с ними. Но совершенно непонятна та снисходительность, с которой партия терпит противодействие политике Коминтерна, со стороны своих собственных членов подобных Вердье Монат представляет собой традицию революционного синдикализма Вердье представляет только пуганицу.

Но выше этих личных и групповых вопросов стоит вопрос об руководящем влиянии партии на синдикаты. Отнюдь не покушаясь на их автономию, которая определяется целиком потребностями текущей практической работы, партия должна, однако, покончить в этой важнейшей области со всеми спорами и колебаниями и показать французскому рабочему классу на деле, что у него есть, наконец, революционная партия руководящая всеми областями классовой борьбы. В этом отношении решения III-го Конгресса, какие бы временные замешательства и конфликты не вызвали они в ближайшие месяцы, будут иметь огромное и в высшей степени плодотворное влияние на весь дальнейший ход французского рабочего движения. Только на основе этих резолюций будет установлено правильное взаимоотношение партии и рабочего класса, а без этого нет и не может быть победоносной революции пролетариата.

Не поворот направо, а серьезная подготовка к завоеванию власти.

Я не буду говорить о коммунистических партиях других стран, так как в задачу моего доклада вовсе не входит характеристика всех организаций коммунистического Интернационала. Я хотел только представить вам, товарищи, основные линии его политики, как они развернулись и определились на последнем Конгрессе. Поэтому я характеризовал те партии, которые дали наибольший материал для выработки тактической линии Интернационала в ближайшую эпоху.

Незачем и говорить, что Конгресс не предлагал «прекратить»—как неосновательно опасались некоторые товарищи—борьбу с центристами и полуцентристами. Вся борьба Коммунистического Интернационала против капиталистического режима упирается прежде всего в его реформистские соглашательские околы. Их нужно взять прежде всего. С другой стороны, нельзя вести борьбу против второго и двух с половинного Интернационала, не очищая своих собственных ком-

мунистических рядов от центристских тенденций и настроений. Это совершенно бесспорно *).

Но эту борьбу направо, входящую целиком в нашу основную борьбу с буржуазным обществом, мы можем вести успешно только при условии, если преодолеем в кратчайший срок левые заблуждения, вытекающие из неопытности и нетерпения и принимающие подчас форму опасных авантюр. В этом направлении третий Конгресс совершил большую воспитательную работу, которая превратила его, как я сказал, в высшую школу в академию революционной стратегии

По поводу наших резолюций Мартов, Бауер и др. комнатные стратеги мещанства говорят о распаде коммунизма, о крушении III-го Интернационала и пр. и пр. Эти разговоры заслуживают только теоретического презрения Коммунизм не есть и не был догматической календарной программой революции. Коммунизм,—живая. действующая, растущая маневрирующая армия пролетариата, которая в процессе своей работы отдает себе отчет в изменчивых условиях борьбы, проверяет свое собственное оружие, заново оттачивает его, если оно притупилось, и все свои действия подчиняет потребностям подготовки к революционному ниспровержению буржуазного строя.

Тот факт, что мы на III-ем С'езде так внимательно и пристально, так конкретно занялись вопросами тактики, сам по себе является огромнейшим шагом вперед: он свидетельствует что III Интернационал вышел из стадии идейного и организационного самоопределения и стал лицом к лицу, как живая руководящая массовая организапия с вопросами непосредственного революцинного действия.

Если бы кто либо из более молодых и менее опытных товарищей, здесь присутствующих, сделал из моего доклада пессимистический вывод в том смысле, что положение Интернационала неблагополучно и что трудно победить буржуазию при наличности столь ошибочных взглядов и методов в самых коммунистических партиях, тот сделал бы в корне ложное заключение. В эпоху резких изменений в мировой политике, в эпоху глубоких социальных потрясений, словом, в ту революционную эпоху, в какую мы живем, воспитание революционных партий совершается с чрезвычайной быстротой, особенно при условии взаимного обмена опытом, взаимного контроля и общего централизованного руководства, выражением чего и является наш Интернационал. Не забудем, что сильнейшие коммунистические партии в Европе насчитывают—буквально—месяцы существования. В нашу эпоху месяц идет за год, а иной месяц и за десятилетие.

---

*) Из дошедших до меня уже за время печатания этой книги статей товарища Курт-Гайера по поводу III Конгресса я вижу, что этот представитель оппозиции не только скатывается к центризму, но и сам отдает себе в этом отчет. Он исходит из того, что III Конгресс установил новую историческую перспективу и тем сделал тактику менее зависимой от ожидания революции в ближайший период. Отсюда Гайер делает тот вывод, что тактические разногласия между III Интернационалом и центристами... смягчаются. Такой вывод является совершенно чудовищным! 3-й Интернационал есть боевая организация, которая идет к революционной цели через все изменения условий. Интернационал два с половиной не хочет революции. Он построен на соответственном подборе вождей и полувождей, группировок и тенденций, идей и методов.

В то же самое время, как Курт-Гайер констатирует смягчение разногласий между коммунистами и независимыми, независимые—с гораздо большим основанием—констатируют смягчение разногласий между ними и социал-демократами. Если сделать отсюда все выводы, то это дало бы программу восстановления старой социал демократии, какой она была до августа 1914 г. со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если мы отвергаем догматическое приурочивание революции к ближайшим неделям или месяцам—из чего практически вытекают пуччистские тенденции,—то в нашей борьбе с пуччизмом мы остаемся верны нашей основной задаче—формированию революционной действенной, непримиримой коммунистической партии, противостоящей всем реформистским и центристским группировкам в пролетариате. Курт-Гайер догматически отодвигает революцию в неопределенную даль и отсюда делает выводы в смысле сближения с центристами. Есть все основания опасаться, что эта „перспектива“ заведет Гайера и его единомышленников гораздо дальше, чем они сегодня сами полагают.

Хотя я принадлежал на Конгрессе к так называемому «правому» крылу и участвовал в критике мнимо-революционной левизны, которая, как я старался вам показать, очень опасна для действительного развития пролетарской революции, но я вышел с этого Конгресса гораздо более оптимистически настроенным, чем я пришел на Конгрессе. Те впечатления, какие я получил от обмена мнениями с делегациями братских партий Европы и всего мира, я могу резюмировать так: за истекший год Коммунистический Интернационал сделал колоссальный шаг вперед, как в идейном, так и организационном отношении.

Конгресс не дал и не мог дать сигнала к общему наступлению. Он формулировал задачу коммунистических партий, как задачу *подготовки* к наступлению и, прежде всего, как задачу идейного завоевания большинства трудящихся города и деревни. Это вовсе не значит, что революция «откладывается» на определенный долгий ряд лет. Ничего подобного: мы ускоряем революцию, а главное—обеспечиваем ее победу глубокой всесторонней и тщательной подготовкой к ней.

Разумеется, нельзя ни в каком смысле приводить к общему знаменателю революционную политику рабочего класса и военную работу Красной Армии—это мы знаем,—и мне особенно «рискованно» обращаться даже к сравнениям из этой области, в виду почти традиционной опасности быть заподозренным по части «милитарного» уклона мыслей—немецкие Куновы и русские Мартовы давно уже установили, что я стремлюсь политику и экономику рабочего класса заменить «приказом», передаваемым через военный «аппарат»,—тем не менее, прикрыв свой тыл этим предисловием, я иду на риск некоторого милитарного сравнения, которое мне кажется не бесполезным для освещения как революционной политики пролетариата, так и работы Красной Армии.

Когда нам на каком-либо из наших бесчисленных фронтов необходимо бывало подготовиться к решающим операциям, мы отправляли туда прежде всего свежие полки мобилизованных партией коммунистов, запасы амуниции и пр. и пр. Без достаточных материальных средств не могло, разумеется, быть и речи о решающей борьбе с Колчаком, Деникиным, Врангелем и всеми другими.

Но вот материальные условия для решающих действий более или менее на лицо. Выехавши на фронт, мы узнаем, что командование фронта назначило общее наступление, скажем, на 5-ое мая, которое наступает, допустим, через 3 дня. На заседании Революционного Военного Совета фронта, в штабе его, в политотделе мы приступаем к обсуждению условий предстоящих решающих боев. Мы узнаем, что на нашей стороне имеется некоторый перевес в числе штыков, сабель и пушек, что у противника значительный перевес в качестве авиации, но что в общем материальное превосходство на нашей стороне. Солдаты более или менее обуты и одеты, коммуникация обеспечена. С одной стороны, стало быть, дело обстоит достаточно благополучно.—«А как у вас была проведена агитация перед наступлением? В течение какого времени она велась? В каких формах и под какими лозунгами? Сколько коммунистов было брошено в части для руководства агитацией? Покажите ваши прокламации, листовки, статьи ваших фронтовых газет, ваши плакаты и каррикатуры. Знает ли у вас каждый солдат вашей армии, вашего фронта, кто такой Врангель, с кем он связан, кто стоит за его спиной и откуда у него артиллерия и авиация»?—Мы получаем недостаточно определенный ответ. Агитация, конечно велась; относительно Врангеля, разумеется, раз'яснения давались. Но некоторые полки пришли только вчера или третьего дня из центра и с других фронтов и относительно их политического состояния и настроения нет еще точных сведений. «Как прошло распределение мо-

билизованных партией нескольких тысяч коммунистов по дивизиям и полкам? Сообразовались ли с характером и составом каждой отдельной части при распределении коммунистических элементов? Проделали ли предварительную необходимую работу с самими коммунистами? Раз'яснили ли каждой группе, в какую часть она будет включена, каковы особенности этой части и каковы в ней специальные условия политической работы? Наконец, обеспечена ли просто наличность в каждой роте коммунистической ячейки, которая сама готова драться до конца и других способна вести вперед».

Оказывается, что эта работа выполнена лишь в общих чертах, без надлежащего внимания к конкретным условиям и специальным особенностям политической агитации в армии вообще, в каждом полку в особенности. Агитация не имела сосредоточенного, напряженного характера, действительно отвечающего непосредственной подготовке к бою. Это заметно и по статьям газет и по воззваниям. «Наконец, проверили ли комиссарский и командный состав? За время прошлых боев многие комиссары перебиты и на первых порах заменены случайными людьми. Произведено ли надлежащее пополнение комиссарского состава? Как обстоит дело с командирами? Пользуются ли они достаточным доверием? При малом проверенных командирах имеются ли вполне авторитетные и энергичные комиссары? Нет ли, наконец, среди командиров, из числа бывших царских офицеров, таких лиц, семьи которых находятся на территории, занятой Врангелем, или за границей? Совершенно естественно, если такие командиры будут стремиться попасть в плен, что может иметь роковые последствия для исхода отдельных операций. Проверили ли под этим углом зрения командный состав? Обновили ли, укрепили ли? Нет?—Назад! Отменить наступление В материальном отношении момент выгоден, у нас перевес сил, противник не успел закончить сосредоточение. Это бесспорно. Но моральная подготовка имеет не меньшее значение, чем материальная. А между тем, моральная подготовка проведена небрежно и поверхностно. При этих условиях лучше даже сдать противнику часть территории, отступить на два—три десятка верст назад, выгадать время, отсрочить наступление на 2—3 недели и провести подготовительную политическую и организационную кампанию до конца, тогда успех обеспечен.

Кто из вас, товарищи, работал в армии,—а таких здесь много, тот знает, что этот пример не выдуман вною. Стратегические отступления только потому, что армия оказывалась недостаточно подготовлена в морально-политическом отношении к решающим боям, у нас происходили не раз. Между тем армия есть организация принуждения. Каждый, кого она посылает, обязан итти в бой. Против сопротивляющихся применяется суровая военная репрессия. Без этого армии нет и быть не может. Но в революционной армии главной движущей силой является политическое сознание, революционный энтузиазм, понимание большинством армии стоящей перед ней военной задачи и готовность эту задачу разрешить.

Во сколько же раз больше все это относится к решающим революционным боям рабочего класса? Здес не может быть и речи о принуждении к революции. Здесь нет аппарата репрессии. Успех может быть основан только на готовности большинства трудящихся принять прямое или косвенное участие в борьбе, помочь их счастливому исходу*). Третий Конгресс имел такой характер, как если бы коммунистический Интернационал, в лице своих руководящих пред-

*) Один шутник возражал мне на Конгрессе в том смысле, что рабочим классом нельзя командовать' как армией. Вот то-то и оно. А я доказывал, что даже Красной Армией нельзя так командовать, как некоторые политики пытались командовать рабочим классом.

тавителей, выехал на фронт мирового рабочего движения, которое готовится к решающим боям за власть. Конгресс спросил: «Товарищи-коммунисты, немецкие, итальянские, французские и др.! Овладели ли вы большинством рабочего класса? Что вы сделали для того, чтобы каждый рабочий понял, во имя чего идет борьба? Раз'яснили ли вы это простыми, ясными, отчетливыми словами трудящимся массам, вплоть до самых отсталых? Что вы предприняли для проверки того, чтобы эти отсталые поняли вас? Покажите ваши газеты, ваши брошюры, ваши прокламации. Нет, товарищи, этого еще недостаточно. Это еще не тот язык, который свидетельствует о подлинной связи с миллионами трудящихся. Что вы предприняли для правильного распределения коммунистических сил в профессиональных союзах? Имеются ли у вас надежные ячейки во всех важных организациях рабочего класса? Что вами сделано для проверки «командного состава» в профессиональных союзах для фактической очистки рабочих организаций от сомнительных, ненадежных, тем более явно предательских вождей? Организована ли у вас глубокая разведка в стане врага?... Нет, товарищи, ваша подготовка недостаточна, и в некоторых отношениях вы даже еще не поставили перед собой настоящим образом задачи подготовки.

Значит ли это, что решающая борьба откладывается на десятилетия или хотя бы на многие годы? Ничего подобного! В отношении военного наступления подготовку можно иногда провести в течение двух или трех недель и даже менее того. Разрозненные дивизии с колеблющимся настроением, с неустойчивым командным и комиссарским аппаратом, при надлежащей напряженной подготовительной работе могут в 10—15 дней быть превращены в могущественную армию, тесно спаянную единством сознания и воли. Об'единить пролетарские миллионы для решающей борьбы несравненно труднее. Но вся наша эпоха чрезвычайно облегчает эту работу—при условии, если мы не будем шататься направо и спотыкаться налево. Потребуется ли на подготовительную работу лишь несколько месяцев или же год-два и более, об этом было бы не умно гадать. Это зависит от многих условий. Но несомненно, что в нынешней обстановке одним из важнейших условий приближения революции и ее победоносного завершения является наша к ней подготовительная работа. К массам!—говорит Коммунистический Интернационал всем своим партиям—захватывайте их шире и глубже. Установите между собою и ими несокрушимую связь! Распределяйте коммунистов на самые ответственные и опасные посты во всей толще рабочего класса. Пусть они завоевывают доверие масс. Пусть масса вместе с ними изгоняет из своих рядов вождей-оппортунистов, колеблющихся вождей и вождей-карьеристов. Используйте каждую минуту для революционной подготовки. Эпоха работает на нас. Не бойтесь, что революция ускользнет у вас из рук. Организуйтесь, укрепляйтесь,—и тогда вы приблизите час, который станет часом действительной решающей оффензивы, и тогда партия не только скомандует «вперед», но и доведет наступление до победоносного «конца»!

Тактика Коминтерна.

(Резолюция 3-го конгр. Коммун. Интернационала).

I. Разграничение вопросов.

Новое Международное Товарищество рабочих создано для организации сов
местного действия пролетариев разных стран, стремящихся к единой цели: свер
жению капитализма, установлению диктатуры пролетариата и созданию едино
Международной Советской Республики для полного уничтожения классов и осуще
ствления социализма—этой первой ступени коммунистического общества. Это опре
деление, утвержденное уставом Коммунистического Интернационала, ясно очерчи
вает все тактические вопросы, которые должны быть разрешены. Это—тактически
вопросы в нашей борьбе за пролетарскую диктатуру. Они касаются: путей к во
влечению большинства рабочего класса в сферу коммунизма, способов организа
ции наиболее активной части пролетариата для предстоящей борьбы за осущест
вление коммунизма. Они затрагивают вопрос об отношении пролетариата к проле
таризированным мелко-буржуазным группам, и способы скорейшего разложения ор
ганов буржуазной власти, их разрушения и подготовки к последнему решительном
международному бою за диктатуру. Вопрос о самой диктатуре, как единственно
пути к победе, вне спора. Развитие мировой революции ясно доказало, что пр
данной исторической обстановке имеется только одна альтернатива: или диктатур
капитала или диктатура пролетариата. Третий конгресс Коммунистического Интер
национала приступает к новому пересмотру вопросов тактики, при условиях, когд
в целом ряде стран об'ективное положение революционно обострилось, и уже обра
зовался ряд массовых коммунистических партий, нигде, впрочем, не взявших ещ
в свои руки фактического руководства рабочими массами в их действительно
революционной борьбе.

II. Накануне новой борьбы.

Мировая революция, т.-е. разложение капитализма, накопление революционно
энергии пролетариата, организация его в боевую, победоносную силу потребує
длительного периода революционной борьбы. Различная степень обострения прот.во
речий в различных странах, разница в общественной структуре и имеющихся пре
пятствиях, высокая степень организованности буржуазии в капиталистически раз
витых странах Западной Европы и Северной Америки—все это привело к тому
что мировая война не завершилась неизбежной победой мировой революции. По
этому коммунисты были правы, когда еще во время войны указывали что *перио
империализма перейдет в длительную эпоху социальной революци*
т.-е. в длительный ряд гражданских войн внутри отдельных капиталистически
стран, а также в целый ряд войн между капиталистическими государствами с о
ной стороны и пролетарскими государствами и эксплоатируемыми колониями—
с другой. Мировая революция не есть развивающийся по прямой линии процес

периоды хронического разложения капитализма и повседневной, революционной разрушительной работы временами обостряются и превращаются в острые кризисы. Ход мировой революции еще более замедлился вследствие того, что сильные рабочие организации и рабочие партии, а именно—социал-демократическая партия и профсоюзы, которые были созданы пролетариатом для борьбы с буржуазией и которые во время войны превратились в органы контр-революционного влияния, опутывающие пролетариат—продолжали выполнять эту роль и после войны. Это обстоятельство помогло буржуазии справиться с кризисом при демобилизации, оно же дало возможность буржуазии во время мнимого экономического расцвета 1919—1920 г г. возбудить в рабочем классе надежды на улучшение его положения в рамках существующего капиталистического строя, что и явилось причиной поражения выступлений пролетариата в 1919 г. и замедленного темпа революционного движения в 1919—1920 годах. Мировой хозяйственный кризис, который начался в 1920 году и который теперь распространился на весь мир, создавая и увеличивая всюду безработицу, доказал международному пролетариату, что буржуазия не в состоянии вывести мир из состояния разрухи. Обострение всех мировых политических противоречий: грабительский поход Франции против Германии, противоречие интересов между Англией и Америкой, Америкой и Японией и, как следствие этих противоречий, мировое вооружение,—все это показывает, что умирающий капиталистический мир приближается к мировой войне. Даже Лига Наций—этот международный трест стран победительниц, созданный для эксплоатации побежденных конкурентов и колониальных народов, раскололась, вследствие англо-американского соперничества. Рабочий класс начинает освобождаться от иллюзий, будто, отказавшись от завоевания политической власти революционным путем, он сумеет постепенно, мирными средствами, добиться политического и экономического господства,—иллюзий, посредством которых международная социал-демократия и бюрократия профсоюзов удерживали рабочие массы от участия в революционной борьбе. Комедия социализации в Германии, при помощи которой правительство Носке-Шейдемана пыталось, в марте 1919 г., удержать рабочих от восстания, пришла к концу. Болтовня о социализации уступила место реальной «Штиннизации», т.-е. подчинению германской промышленности капиталистическому диктатору и связанной с ним клике. Наступление прусского правительства под руководством социал демократа Сеевринна на средне-немецких рудокопов является прелюдией к всеобщей кампании немецкой буржуазии в пользу понижения заработной платы немецких рабочих. В Англии все проекты национализации канули в воду. Вместо осуществления проектов национализации, предложенных комиссией Санки, правительство поддерживает военной силой локаут английских шахтовладельцев. Французское правительство может отдалить свое хозяйственное банкротство, только расхищая Германию. О планомерном хозяйственном строительстве оно не думает. И даже восстановление разрушенного Севера Франции, поскольку оно производится теперь, служит лишь только частно-капиталистическому обогащению. В Италии буржуазия перешла в наступление против пролетариата, с помощью белых банд фашистов. Повсюду буржуазная демократия вынуждена все более разоблачать себя, как в старых государствах буржуазной демократии, так и в новых, возникших из империалистических развалин. Белогвардейские организации, диктаторские полномочия английского правительства против бастующих углекопов, фашисты и королевская гвардия в Италии, Пинкертоны, исключение социалистических депутатов из парламентов, суды Линча в Соединенных Штатах, белый террор в Юго-Славии и Румынии, в Латвии и Эстляндии, легализация белого террора в Финляндии,

Венгрии и на Балканах, чрезвычайные законы против коммунистов во Франции, Швейцарии и т д.,—повсюду буржуазия пытается взвалить последствия экономической анархии на рабочий класс, путем удлиннения рабочего дня и уменьшения заработной платы. В этом ей помогают вожди социал-демократии и Амстердамского Интернационала профсоюзов, но они могут лишь задержать, а не остановить пробуждение рабочего класса к новой борьбе, приближение новых революционных волн. Мы уже видим, как коммунистическая партия Германии переходит в контр-атаку; как увлекопы Англии, несмотря на измену своих тред-юнионистских вождей, в продолжение долгих недель ведут героическую борьбу против угольного капитала. Мы видим, как в передовых рядах итальянского пролетариата, испытавшего на себе политику колебаний группы Сератти, усиливается воля к борьбе, выразившаяся в образовании итальянской коммунистической партии.

Во Франции мы видим, как после раскола, после отмежевания от социал-патриотов и центристов, социалистическая партия переходит от коммунистической агитации и пропаганды к массовым демонстрациям против империалистического разбоя. Мы пережили в Чехо-Словакии декабрьскую политическую забастовку, в которой принимал участие миллион рабочих, несмотря на полное отсутствие единого руководства, и видели, как затем образовалась чешская коммунистическая революционная массовая партия При данной обстановке приходится ожидать не замедления мировой революции, не спадения ее волн, а, наоборот, обострения социальных противоречий и социальной борьбы, и ее перехода в открытую гражданскую войну.

III. Насущная задача момента.

Завоевание исключительного влияния на большинство рабочего класса, вовлечение наиболее активной части его в непосредственную борьбу является в настоящий момент важнейшей задачей Коммунистического Интернационала, ибо, несмотря на об'ективно-революционное хозяйственно-политическое положение, могущее привести к неожиданному революционному кризису (в форме ли крупной стачки, восстания колоний, новой войны или даже значительного парламентского кризиса),—большинство рабочего класса до сих пор находится вне коммунистического влияния, особенно в таких странах, где на почве могущества финансового капитала существуют обширные слои развращенных империализмом рабочих (напр., в Англии и Америке) и, где действительно революционная массовая пропаганда только еще начинается. С первого дня своего образования Коммунистический Интернационал поставил своей задачей ясно и недвусмысленно не создание небольших Коммунистических сект, которые будут стремиться установить свое влияние на рабочие массы только посредством агитации и пропаганды, *но непосредственное участие в борьбе рабочих масс, коммунистическое руководство этой борьбой и создание в процессе борьбы крупных, революционных, коммунистических массовых партий.*

Уже в первый год своего существования Коммунистический Интернационал отверг сектантские тенденции и требовал от присоединяющихся к нему партий, как бы малочисленны они ни были, чтобы они принимали участие в профсоюзах, с целью осилить изнутри реакционную бюрократию профсоюзов, превратить их в революционные массовые организации пролетариата, в органы пролетарской борьбы. Уже в первый год своего существования Коммунистический Интернационал потре-

бовал от коммунистических партий, чтобы они, не замыкаясь в пропагандистские кружки, использовали, как оружие коммунизма, все те возможности к агитации и организации рабочего класса, которые буржуазное государство вынуждено было им представить, как-то: свободу печати, свободу союзов и все формы буржуазных представительных учреждений, как бы искажены они ни были. На своем втором конгрессе Коммунистический Интернационал открыто отклонил все сектантские тенденции в своих резолюциях о профессиональном движении и об использовании парламентаризма.

Опыт двухлетней борьбы коммунистических партий вполне подтвердил правильность точки зрения Коммунистического Интернационала Коммунистический Интернационал своей политикой привел к *отделению революционных рабочих в целом ряде стран не только от открытых реформистов*, но и от центристов. Центристы, образованием Интернационала $2^1/_2$, который открыто объединяется с Шейдеманами, Жуо и Гендерсонами на позиции Амстердамского Интернационала профсоюзов, лишь уяснит пролетарским массам истинное положение вещей, лишь облегчит будущие бои. Германский коммунизм, благодаря тактике Коммунистического Интернационала (рев. работа в профсоюзах, открытые письма и т. д.), превратился из политического направления, каким он являлся во время январьских и мартовских боев 1919 г., в значительную революционную массовую партию. Он завоевал такое влияние в профсоюзах, что вынудил профессиональную бюрократию взять на себя исключение из профсоюзов из боязни революционного влияния коммунистической революционной деятельности множества коммунистов и взять на себя одиум раскола в профсоюзах. *В Чехо-Славакии* коммунистам удалось привлечь на свою сторону большинство политически организованных рабочих. *В Польше* Коммунистическая Партия, благодаря своей разрушительной работе в профсоюзах, сумела, несмотря на невероятные преследования, которые вынуждают партийную организацию вести совершенно нелегальное существование, не только остаться в связи с массами, но и выступить в качестве вождя в борьбе масс. *Во Франции* коммунисты завоевали большинство в социалистической партии. *В Англии* происходит процесс укрепления коммунистических партий на основе тактических, руководящих тезисов Коммунистического Интернационала, и растущее влияние коммунистов вынуждает социал-предателей пытаться прекратить коммунистов доступ в рабочую партию. Напротив, сектантствующие коммунистические группы (напр., К. Р. П. Г. и др.) не добились ни малейшего успеха. Теория усиления коммунизма путем чистой пропаганды и агитации, путем образования отдельных коммунистических профсоюзов потерпела полное крушение. Этим путем не было образовано ни одной влиятельной коммунистической партии.

IV. Положение в Коммунистическом Интернационале.

На этом пути к организации массовых коммунистических партий Коммунистический Интернационал еще не повсюду достиг успешных результатов. Мало того: во-вторых, принадлежащих к наиболее важным странам, где еще властно господствует капитализм, ему предстоит сделать еще очень многое.

В Соединенных Штатах С. Америки, где по исторически сложившимся условиям и перед войной не было крупного революционного движения, коммунисты и до сих пор стоят перед первыми элементарными задачами создания коммунистического ядра и установления связи между ним и рабочими массами. Для этой работы

настоящий экономический кризис, лишивший работы 5 миллионов рабочих подготовляет удобную почву. Американский капитал, сознавая угрожающую ему опасность революционизирования рабочего движения и возможности влияния на него коммунизма, пытается путем варварских преследований подавить и уничтожить молодое коммунистическое движение, принудить его уйти в подполье, где оно, по его расчетам, потеряв всякую связь с массами, выродится в пропагандистскую секту и само собой отомрет. Коммунистический Интернационал обращает внимание об'единенной коммунистической партии Америки на то, что нелегальное положение партии должно служить только фундаментом к собиранию и воспитанию активных коммунистических сил, но что американские коммунисты обязаны использовать все пути и средства к тому, чтобы из своих подпольных организаций пробраться к широким рабочим массам, находящимся в брожении, и найти все пути и формы к тому, чтобы эти массы политически и открыто об'единить в борьбе против американского капитала.

Также и английской коммунистической партии до сих пор не удалось стать массовой партией, несмотря на об'единение ее сил в единую коммунистическую партию.

Продолжительная дезорганизация экономической жизни Англии, небывалое обострение забастовочного движения, все более нарастающее среди широких народных масс недовольство правительством Ллойд-Джорджа, возможность победы рабочей и либеральной партий на ближайших выборах в парламент—все это открывает новые революционные перспективы в развитии Англии и ставит перед английскими коммунистами вопросы необычайной важности.

Первой из главных задач английской коммунистической партии является задача стать массовой партией. Английские коммунисты должны прочно стать на почву реально существующего и развивающегося массового движения, вникнуть во все его конкретные особенности и сделать единичные и частичные требования рабочих исходным пунктом неутомимой и энергичной агитации и пропаганды.

Мощное забастовочное движение является пробным камнем надежности, устойчивости и добросовестности трэд-юнионистского аппарата и его вождей в глазах сотен тысяч и миллионов рабочих. При таком положении работа коммунистов в профсоюзах приобретает большое значение. Никакая, извне приходящая, партийная критика не в состоянии произвести такого подавляющего влияния на массы, какое производит повседневная упорная работа ком'ячеек профсоюзов, направленная на разоблачение и дискредитирование предателей и филистеров профессионального движения, являющихся в Англии более, чем в какой-либо другой стране, политической пешкой в руках капитала.

Если в других странах задача коммунистических партий, ставших массовыми партиями, состоит в том, чтобы в более значительной мере проявить инициативу к массовым выступлениям, то задача коммунистической партии в Англии состоит прежде всего в том, чтобы, опираясь на фактическое развитие массового действия, на опыте доказать массам, что коммунисты являются подлинными и мужественными выразителями интересов, потребностей и чувств этих масс.

Коммунистические массовые партии Средней и Западной Европы находятся в стадии развития соответствующих методов революционной агитации и пропаганды и организационных методов, наиболее соответствующих их боевому харак-

теру, и в стадии перехода от коммунистической пропаганды и агитации к действию. Этот процесс задерживается тем, что во многих странах революционизирование рабочих и переход их на сторону коммунизма произошел под руководством вождей, которые не победили в себе центристских тенденций и не в состоянии вести настоящую коммунистическую агитацию и пропаганду, или же просто ее боятся, потому что эта агитация приведет партию к революционной борьбе.

Эти центристские тенденции привели в *Италии* к расколу партии. Вожди партии и профессиональных организаций, сгруппировавшиеся вокруг Серрати, вместо того, чтобы использовать стихийное движение рабочего класса, его возрастающую действительность в сознательной борьбе за власть, для которой в Италии вполне созрели условия, предоставили ему бесплотно распылиться. Коммунизм не был для них средством революционной встряски и об'единения рабочих масс для борьбы. А так как они боятся борьбы, то они обесцветили коммунистическую агитацию и пропаганду и направили ее по центристскому руслу Таким образом они усилили, с одной стороны, влияние центристов, как, напр., Турати и Тривеса в партии а с другой в профессиональном движении, как, напр., д'Арагоны. И так как они от центристов не отличаются ни словом, ни делом, то они и незахотели разлучиться с ними. Они предпочли расстаться с коммунистами. Политика a la Серрати, с одной стороны, усилила влияние реформистов, а с другой создало опасность влияния анархистов и синдикалистов и возникновения в самой партии антипарламентских и радикальных на словах тенденций. Раскол в Ливорно, образование коммунистической партии в Италии, об'единение всех истинно коммунистических элементов на почве постановлений II Конгресса Коммунистического Интернационала в единую коммунистическую партию сделает коммунизм в Италии активной массовой силой, если итальянская коммунистическая партия непрестанно и неуклонно будет бороться против оппортунистической политики Серрати, и в то же время поддерживать тесную связь с пролетарскими массами в профсоюзах, при забастовках, в борьбе против контр-революционного движения фашистов, если она об'единит массовые действия рабочего класса и его стихийные вспышки обратит в тщательно подготовляемые бои.

Шовинистический яд «Национальной защиты» и опьянение победой оказались во Франции сильнее, чем в какой-либо другой стране. Соответственно этому в ней медленнее, чем в остальных странах развивалась реакция против войны. Развитие французской социалистической партии в ее большинстве уклонилось благодаря моральному влиянию русской революции, революционной борьбе в капиталистических странах и опыту первого выступления преданного своими вождями французского пролетариата в сторону коммунизма еще до тех пор, когда перед партией ходом событий поставлены решающие вопросы революционных выступлений. Чем решительнее французская коммунистическая партия займется устранением из своей собственной среды, главным же образом из руководящих кругов, еще достаточно сильных остатков национально пацифистской и парламентско реформистской идеологии, тем лучше и полнее она сумеет использовать свое положение. Партия должна подойти ближе к массам не только сравнительно с прежним, но и с настоящим, в особенности к наиболее притесненным слоям города и деревни с тем, чтобы отдать себе ясный и полный отчет в их нуждах и страданиях Партия должна положить в своей парламентской борьбе решительный конец льстивым формальностям и лживой вежливости французского парламентаризма, сознательно поддерживаемого буржуазией в целях гипноза и запугивания рабочих масс. Пред-

ставители коммунистической партии в парламенте должны приложить все усилия, чтобы раскрыть в своих строго контролируемых выступлениях всю ложь националистического демократизма и традиционного революционизма и ставить каждый вопрос, как вопрос классовых интересов и ожесточенной классовой борьбы.

Агитация на практике должна принять более концентрированный и более энергичный характер Она не должна растворяться в полной изменчивых положений и комбинаций текущей политике.

Из всех событий, крупных и мелких, она должна извлекать революционные заключения и запечатлевать их в сознании даже самых отсталых рабочих масс. Только при условии подобного. действительно революционного поведения коммунистическая партия окажется не просто левым крылом радикального проповедуемого Лоуче блока, предлагающего со все нарастающей энергией и увеличивающимся успехом свои услуги на пользу буржуазного общества для защиты его от потрясений надвигающихся во Франции с неотвратимой последовательностью. Дисциплинированная, преисполненная революционных порывов коммунистическая партия может и в настоящую подготовительную эпоху вне зависимости от того, наступят ли решительные события раньше или позже, найти возможность мобилизовать на экономической почве рабочие массы, расширить и просветить их кругозор.

Попытки революционно-нетерпеливых и политически-неопытных масс применить крайние методы решительного революционного восстания пролетариата в отдельных вопросах и задачах (предложение призывным 19 года оказать сопротивление мобилизации) могут в случае их действительного применения надолго погубить настоящую подготовительную работу пролетариата к захвату власти.

На коммунистической партии Франции, равно как и других стран, лежит обязанность отказаться от этих крайне опасных методов; эта обязанность, однако, ни в коем случае не должна явиться поводом бездейственного состояния партии. Наоборот.

Более близкое соприкосновение с массами означает прежде всего более тесную связь с профсоюзами. Задача партия вовсе не заключается в механическом внешнем подчинении себе профсоюзов, но в том, чтобы истинно революционные, об'единенные и руководимые партией элементы дали всей деятельности внутри профсоюзов направление, соответствующее всеобщим интересам ведущего борьбу за достижение власти пролетариата. Принимая во внимание все приведенные обстоятельства, коммунистическая партия Франции обязана выступить с мягкой, но вместе с тем решительной и точной критикой против анархо-синдикалистских тенденций, совершенно отбрасывающих пролетарскую диктатуру и отрицающих необходимость присоединения своего передового отряда к централизующей, руководящей организации, т.-е. к коммунистической партии. В той же мере партия должна подвергнуть критике скрывающиеся, за выработанной 8 лет тому назад, Амьенской Хартией синдикалистские переходные тенденции, отказывающиеся от точного и прямого ответа на все основные вопросы новой, следующей за войной, эпохи.

Проявляющаяся во французском синдикализме ненависть к политиканству есть в первую очередь вполне справедливый гнев против традиционных «социалистических» парламентариев.

Чисто революционный характер коммунистической партии создаст возможность ясно доказать всем революционным элементам необходимость политических группировок в целях достижения власти рабочим классом

Слияние революционно-синдикалистской и коммунистической организации в одно целое есть необходимое условие сколько нибудь серьезной борьбы французского пролетариата

Как преодоление и устранение тенденции к преждевременным выступлениям, так и обуздание принципиальной бесформенности и организаторского сепаратизма революционных синдикалистов, будут и должны быть достигнуты только при условии, что партия, как замечено уже выше, превратится в мощный притягательный центр всего рабочего класса Франции путем истинно-революционного отношения к каждому вопросу повседневной жизни и борьбы.

В *Чехо-Словакии* рабочие массы за $2^1/_2$ года в значительной мере освободились от реформистских и националистических иллюзий. В сентябре прошлого года, большинство социал-демократических рабочих покинуло своих реформистских вождей. В декабре около одного миллиона из $3^1/_2$ промышленных рабочих Чехо-Словакии, вело уже масовую революционную борьбу против чехо-словацкого капиталистического правительства. В мае текущего года в чехо-словакии образовалась коммунистическая партия с 350 тыс. членов, наряду с уже ранее образовавшейся немецко-богемской коммунистической партией, насчитывающей 60.000 членов Таким образом коммунисты составляют не только значительную часть пролетариата Чехо-Словакии, но также, значительную часть всего ее населения. Перед чехо-словацкой партией стоит теперь задача путем подлинно-коммунистической агитации привлечь в партию еще большие массы рабочих, воспитать эти массы посредством четкой и решительной коммунистической пропаганды; затем, об'единяя рабочих всех национальностей Чехо-Словакии, создать сомкнутый фронт пролетариата против национализма,—этого главного оружия буржуазии в Чехо-Словакии, и созданную таким образом пролетарскую мощь усилить до непобедимости для предстоящих боев против порабощающих тенденций капитализма и против правительства. Коммунистическая партия Чехо-Словакии тем быстрее выполнит эту задачу, чем яснее и решительнее она отбросит все центристские традиции и колебания, чем больше она будет стараться революционизировать и об'единять широчайшие пролетарские массы и подготовить их к победоносной борьбе Конгресс постановляет, чтобы к указанному Исполкомом сроку организации чехо-словацкой и немецко-богемской партии слились в одну единую организацию.

Об'единенная Коммунистическая партия Германии, которая возникла из соединения союза «Спартак» и лево независимых рабочих масс, стоит теперь (хотя она и сейчас уже является массовой партией) перед великой задачей—увеличить свое влияние на широкие массы, усилить пролетарские массовые организации, завоевать профессиональные союзы, сломить влияние социал-демократических партий и бюрократии профессиональных союзов и стать во главе массового движения пролетариата в грядущей борьбе. Эта главная задача партии требует такой постановки всей агитационно-организационной работы, при которой партия завоевала бы симпатии большинства рабочего класса, без чего в Германии, при могуществе немецкого капитала невозможна победа коммунизма. С этой задачей партия еще не справилась, ни в смысле широкого распространения агитации, ни в смысле ее содержания. Также еще не сумела она последовательно итти по тому пути, на который она встала своим «Открытым письмом»,—на путь противопоставления практических интересов пролетариата изменнической

политики социал-демократических партий и бюрократии профессиональных союзов. Ее пресса и ее организации все еще носят печать мирного союза, а не боевого органа, не боевой организации. Выражаемые в них до сих пор центристские тенденции ведут с одной стороны, к тому, что партия, поставленная перед необходимостью борьбы, вступает в нее без достаточной подготовки; во-вторых, к тому, что не существует необходимого духовного единения с некоммунистическими массами. Активное выступление, перед необходимостью которого ОКПГ скоро будет поставлена благодаря процессу разрушения немецкого народного хозяйства и угрозе капитала самому существованию рабочих масс только тогда может быть выполнена, когда партия не будет ограничивать своих задач агитацией и организацией, направленными на подготовку выступления—но будет поддерживать постоянный революционно боевой дух партии и сделает свою агитацию близкой народу, а свои организации построит так, чтобы они, находясь в тесном контакте с массами, были способны строго взвесить боевую ситуацию и тщательно подготовить борьбу.

Партии Коммунистического Интернационала тогда только станут революционными массовыми партиями, когда они окончательно победят в своих рядах оппортунизм со всеми его малейшими остатками и традициями, путем теснейшей связи с борющимися рабочими массами; только тогда, когда они будут черпать свои задачи из практических боев пролетариата, когда они отклонят в этих боях оппортунистическую политику самообмана, затушевания непреодолимых противоречий и в то же время откажутся от всякой революционной фразы. Коммунистические партии возникли благодаря расколу старых социал-демократических партий. Этот раскол был результатом того факта, что эти партии изменили во время войны интересам пролетариата, а после войны продолжали изменять им путем коалиции с буржуазией или путем трусливой, избегающей всякой борьбы политики. Основные положения и принципы коммунистических партий образуют ту единственную почву, на которой рабочие массы снова могут об'единиться; потому что они выражают все потребности пролетарской борьбы. Поэтому теперь все социал-демократические и центристские партии и направления являются факторами раздробления пролетариата и разложения его на атомы, в то время как коммунистические партии представляют собою элемент об'единения. Так, в Германии центристы откололись от большинства своей партии, когда она стала на путь коммунизма. Из боязни влияния коммунизма социал-демократы и независимые социал-демократы в Германии так же, как социал-демократическая бюрократия профессиональных союзов, отклонили предложение коммунистов выступать с ними совместно на защиту повседневных интересов пролетариата. В Чехо-Словакии социал-демократы первые раскололи старую партию, когда они увидали победу коммунистов. Во Франции лонгетисты отделились от большинства французских социалистических рабочих, в то время как коммунистическая партия стремится к об'единению социалистических и синдикалистских рабочих. В Англии реформисты и центристы вытеснили коммунистов, опасаясь их влияния, из «Рабочей Партии» и постоянно саботируют об'единение рабочих для борьбы против капиталистов. Таким образом, коммунистические партии стали носителями процесса об'единения пролетариата на почве борьбы за свои интересы, и в сознании этой своей роли они почерпнут новые силы.

V. Частичная борьба и частичные требования.

Коммунистические партии могут развиваться только в борьбе. Даже самые незначительные партии не могут ограничиваться пропагандой и агитацией. Они должны образовывать во всех массовых организациях авангарды, которые путем формулировки практических боевых задач и побуждения к борьбе за удовлетворение насущных нужд пролетариата сумеют указать отсталым, колеблющимся массам путь к революции и, таким образом, разоблачат предательский характер всех некоммунистических партий. Только став во главе практической борьбы пролетариата, только поощряя эту борьбу, коммунисты действительно могут завоевать широкие массы пролетариата для борьбы за диктатуру.

Вся агитация и пропаганда, вся работа коммунистических партий должна вестись в сознании того, что при капитализме невозможно никакое длительное улучшение положения пролетариата, что только свержение буржуазии, разрушение капиталистических государств дает возможность приступить к улучшению положения рабочего класса и к восстановлению народного хозяйства, разрушенного капитализмом. *Но это не значит, что пролетариату нужно отказаться от борьбы за свои насущные, неотложные жизненные потребности до того времени, пока он не завоюет диктатуру.*

Социал-демократия, выставляющая теперь, в период падения и развала капитализма, когда последний не в состоянии обеспечить рабочим даже жизнь сытых рабов, старую социал-демократическую программу *мирных реформ*, которые должны быть проведены на основе и в рамках обанкротившегося капитализма, тем самым сознательно обманывает рабочие массы. Мало того, что разлагающийся капитализм не способен обеспечить рабочим сколько-нибудь сносное человеческое существование, социал-демократы и реформисты всех стран дают нам ежедневно доказательства своего нежелания и неспособности вести какую бы то ни было борьбу за самые скромные требования собственной же программы. Таким же обманом народных масс является выставляемое центристскими партиями требование *социализации и национализации* важнейших отраслей промышленности, без победы над буржуазией. Они стремятся отклонить рабочих от действительной живой борьбы за их ближайшие цели, в надежде на постепенный захват одного промышленного предприятия за другими, после чего начнется «планомерное» экономическое строительство. Таким образом, социал-демократы возвращаются к *социал-демократической программе*-минимум, которая превратилась в явный контр-революционный обман.

Поскольку, при выставлении программы национализации (напр. угольной промышленности)—у одной части центристов играет роль лассалевская идея, сосредоточить всю энергию пролетариата на одном единственном требовании, дабы сделать из него рычаг революционного действия, которое в своем развитии приведет к борьбе за власть,—постольку мы имеем здесь дело с безжизненной теорией. Во всех капиталистических странах рабочий класс страдает от столь многочисленных и ужасных бичей, что является невозможным в борьбе против всех этих удручающих тягот и градом сыплющихся ударов сосредоточить все внимание на доктринерски измышленном предмете. Напротив, следует каждое требование масс брать за исходный пункт революционных выступлений, которые постепенно сольются в могучий поток социальной революции.

В этой борьбе коммунистические партии не выставляют программы-минимум, которая в рамках капитализма должна укрепить и улучшить его шатающееся здание. Разрушение этого здания остается основной задачей коммунистов. Но чтобы выполнить эту задачу, коммунистические партии должны выставить такие требования, которые удовлетворяют неотложным запросам рабочего класса. Коммунисты должны массовой борьбой добиваться этих требований, независимо от того, совместимы ли они с сохранением капиталистического строя или нет. Не жизнеспособность и способность к конкуренции капиталистической промышленности и не прочность капиталистического финансового хозяйства должны приниматься во внимание коммунистическими партиями. Коммунистические партии должны обратить внимание на нужду пролетариата, которую последний больше не может и не должен переносить. Если эти требования будут соответствовать насущным потребностям широких пролетарских масс, если массы проникнуты сознанием, что они не могут существовать без осуществления этих требований, то борьба за них становится исходным пунктом борьбы за власть. Вместо программы-минимум центристов и реформистов, Коммунистический Интернационал выставляет борьбу за конкретные требования пролетариата, которые в своей совокупности разлагают власть буржуазии, организуют пролетариат и являются этапами в борьбе пролетариата за диктатуру. Каждая из этих мер, сама по себе, соответствует потребностям широких масс, если даже последние не стоят еще сознательно на почве пролетарской диктатуры. По мере того, как борьба за эти требования будет охватывать все более широкие массы, по мере того, как она будет противопоставлять жизненные потребности масс жизненным потребностям капиталистического общества, рабочий класс придет к сознанию—что, если он хочет жить, капитализм должен умереть. Это сознание служит основой воли в борьбе за диктатуру. Задачей коммунистических партий является расширение, углубление и об'единение этой борьбы за конкретные требования.

Каждое частичное выступление, предпринимаемое рабочими массами в целях достижения частичных требований, каждая серьезная экономическая забастовка мобилизует в то же время буржуазию, которая немедленно же в качестве целого класса становится на сторону подвергающихся угрозе предпринимателей, с тем, чтобы предотвратить самую возможность каждой, хотя бы частичной, победы пролетариата (техническая помощь, буржуазные штрейкбрехеры в английской железнодорожной забастовке, фашисты). Буржуазия мобилизует для борьбы против рабочих также весь свой правительственный аппарат (милитаризация рабочих в Польше и Франции, чрезвычайное положение во время забастовки горнорабочих в Англии). Рабочие, ведущие борьбу за удовлетворение выставленных ими частичных требований, автоматически принуждаются к борьбе со всей буржуазией и правительственным аппаратом. По мере того, как борьба за частичные требования и частичная борьба отдельных рабочих групп разрастается в общую борьбу рабочего класса против капитализма, коммунистическая партия тоже должна *углублять свои лозунги*, об'единяя их под единым лозунгом низвержения противника.

При выставлении своих частичных требований коммунистические партии должны обращать внимание на то, чтобы эти требования, соответствующие потребностям широких масс, не только вели массы к борьбе, но, по своему существу, являлись бы организующим началом. Все конкретные лозунги, вытекающие из экономических нужд рабочих масс, должны быть введены в русло борьбы за

контроль над производством не по плану бюрократической организации народного хозяйства, при капиталистическом режиме, а через посредство фабрично-заводских комитетов и революционных профсоюзов. Только через создание таких организаций, только через их об'единение по отраслям промышленности и промышленным центрам может быть организационно об'единена борьба рабочих масс. Только при таких условиях можно бороться с расколом масс, вносимым социал-демократией и вождями профсоюзов. Фабрично-заводские комитеты только тогда выполнят свою задачу, если они будут возникать в процессе борьбы за экономические интересы, общие широким рабочим массам, только если они создадут связь между всеми революционными частями пролетариата, а именно: коммунистической партией, революционными рабочими и профсоюзами, находящимися в процессе революционного развития. Каждое возражение против выставления таких частичных требований, каждое обвинение реформиза по поводу частичной борьбы, является следствием неспособности охватить жизненные потребности революционного действия, как они выразились в возражении отдельных коммунистических групп против участия в профсоюзах и использования парламентаризма. Дело не в том, чтобы призвать пролетариат к достижению конечных целей, а в том чтобы практическую борьбу пролетариата, которая одна только в состоянии привести пролетариат к борьбе за конечные цели. Насколько необоснованы и чужды потребностями революционной жизни возражения против частичных требований, доказывает лучше всего тот факт, что даже маленькие организации, созданные, так называемыми, левыми коммунистами, как убежище чистой теории, были вынуждены выставить частичные требования, раз они хотят вовлечь в борьбу более широкие массы, нежели те, которые вокруг них группируются в настоящее время. Революционная сущность настоящей эпохи состоит именно в том, что самые скромные жизненные требования рабочих масс несовместимы с существованием капиталистического общества и что, таким образом, борьба за эти требования вырастает в борьбу за коммунизм.

В то время, как капиталисты использовывают все возрастающую армию безработных для давления на организованных рабочих, путем понижения заработной платы, социал-демократы, независимые и официальные руководители профессиональных союзов из трусости держатся вдали от безработных и рассматривают их лишь, как об'ект государственной и профессиональной благотворительности, а политически расценивает их, как „люмпен-пролетариат". Коммунисты должны ясно отдать себе отчет в том, что при настоящем положении вещей армия безработных является революционным фактором колоссального значения. Руководство этой армией коммунисты должны взять на себя. Коммунисты должны ускорить освобождение профессиональных союзов от их предательских вождей, путем давления на них со стороны безработных. Коммунистическая партия, об'единяя безработных с передовым отрядом пролетариата в борьбе за социалистический переворот, удерживая наиболее революционные и нетерпеливые элементы безработных от отдельных проявлений отчаяния, при благоприятных условиях сделает всю эту массу способной оказать поддержку восстанию того или иного отряда пролетариата, и выйдя за рамки данного конфликта, превратить этот конфликт в исходный пункт решительного наступления, одним словом превратить всю массу безработных из резервной армии промышленности в активную армию революции.

Коммунистические партии, вступаясь с величайшей энергией за этот слой рабочего класса, спускаясь в самые глубины пролетариата, представляют не ин-

тересы одного слоя рабочих в противовес другим, но общие интересы рабочего класса в целом, которые продаются контр-революционными вождями во имя временных интересов рабочей аристократии. Чем шире слой полных и частичных безработных и т. д., тем более и интересы рабочей аристократии. Позиция, опирающаяся на интересы рабочей аристократии и противопоставляющая их интересам безработных или оставляющая и без внимания, разрывает единство рабочего класса и является по своим последствиям контр революционной. Коммунистическая партия, как представительница общих интересов рабочего класса в целом, не может ограничиться одним признанием и пропагандированием этих общих интересов. Она может представлять их действительно только в том случае, если при известных обстоятельствах она поведет в бой массы наиболее угнетенного и обнищавшаго пролетариата, не считаясь с противодействием рабочей аристократии.

VI. Подготовка наступления.

Характер переходной эпохи вменяет в обязанность всем коммунистическим партиям повысить до крайних пределов свою боевую готовность. Каждая отдельная стычка может превратиться в борьбу за власть. Боевая готовность партии может быть выработана только при условии, если партии придают всей своей агитации страстный характер натиска на капиталистическое общество, если она сумеет в этой агитации связаться с широчайшими слоями народа и говорить с ними таким языком, чтобы они убедились, что они находятся под предводительством действительно борющегося за власть авангарда. Органы печати и воззвания коммунистической партии должны быть не органами, теоретически доказывающими правильность коммунизма, а глашатаями пролетарской революции. Деятельность коммунистов в парламентах должна заключаться не в прениях с противником с целью убедить его, но в беспощадном разоблачении агентов буржуазии, пробуждении воли к борьбе рабочих масс и привлечении полупролетарских и мелкобуржуазных слоев народа на сторону пролетариата. Наша организационная работа в профсоюзах и партийных организациях не должна служить задачам механического строительства, задачам чисто количественного увеличения наших рядов, она должна быть преисполнена сознанием грядущих боев. Только тогда, когда партия во всех организационных формах явится воплощением воли к борьбе,— она будет в состоянии выполнять свою задачу в те моменты, когда налицо окажутся условия для крупных боевых выступлений.

Там, где коммунистическая партия представляет массовую силу, где она распространяет свое внимание за рамки своей партийной организации на широкие массы рабочих, там она обязана делом пробуждать рабочие массы к борьбе. Крупные массовые партии не могут ограничиться критикой других партий и противопоставлением их требований коммунистическим. На них, как на массовые партии, ложится идейная ответственность за развитие революции. Там, где положение рабочей массы становится все более невыносимым, коммунистические партии должны испробовать все, чтобы повести рабочие массы в борьбу за свои интересы. Принимая во внимание, что в Западной Европе и Америке, где рабочие массы организованы в профсоюзы и политические партии и где, поэтому, можно лишь в очень редких случаях рассчитывать на непосредственно возникающие движения, коммунистические партии обязаны стремиться путем утверждения своего влияния в профсоюзах, путем усиления давления на другие партии, опирающиеся на про-

летариат, начинать совместную борьбу за ближайшие интересы пролетариата. При чем, в случае, если в эту борьбу будут втянуты некоммунистические партии, задача коммунистов будет состоять в том, чтобы заранее подготовить рабочие массы к возможности предательства со стороны некоммунистических партий в любой момент борьбы. Коммунисты должны по возможности обострять положение и довести дело до того, чтобы, в случае необходимости, быть способными самостоятельно продолжать ее (ср. открытое письмо О. К. П. Г., являющееся образцовым изложением данной тактики). Если давление коммунистической партии в печати и в профсоюзах окажется недостаточным, чтобы повести пролетариат единым фронтом в бой, то коммунистическая партия обязана самостоятельно вести в бой значительные массы пролетариата. Она обязана нарушить пассивность масс путем организации боевого пролетарского меньшинства.

Эта самостоятельная политика защиты жизненных интересов пролетариата, его активнейшей, наиболее сознательной части, лишь тогда увенчается успехом, лишь в том случае приведет к пробуждению отсталых масс, если цели борьбы вырастают из конкретной обстановки, если они понятны широким массам, если широкие массы в этих целях видят свои цели, хотя они и неспособны еще самостоятельно за них бороться.

Но коммунистическая партия не должна ограничиваться защитой пролетариата от угрожающих ему опасностей, защитой от ударов, сыплющихся на рабочие массы. Коммунистическая партия в период мировой революции по своему существу является партией наступления, натиска на капиталистическое общество: она обязана превращать всякую оборонительную борьбу, растущую вширь и вглубь, *в натиск на капиталистическое общество*. Она обязана сделать все, чтобы прямо повести рабочие массы в это наступление, везде, где для этого имеются соответствующие условия. Все, отвергающие в принципе политику наступления против капиталистического общества, этим самым отступают от основных положений коммунизма.

Эти условия для наступления состоят, во-первых, *в обострении борьбы в лагере самой буржуазии в национальном и международном масштабе*. Когда борьба в лагере буржуазии принимает размеры, открывающие перспективу на то, что рабочий класс будет иметь дело с разрозненными силами противника, тогда партия должна взять инициативу в свои руки, чтобы после тщательной политической и, по возможности, организационной подготовки повести массы в бой.

Вторым условием для наступления широким фронтом является наличность сильного брожения среди важнейших категорий рабочего класса, которое позволило бы надеяться, что рабочий класс в целом будет готов единым фронтом выступить против капиталистического правительства. В то время, как при росте движения необходимо расширить боевые лозунги, если движение примет обратный ход, обязанностью коммунистической партии является вывести борющиеся массы из боя, по возможности, в порядке и сомкнутым строем. От конкретных обстоятельств будет зависеть, вести ли коммунистической партии оборонительную или наступательную борьбу. Самое важное заключается в том, чтобы коммунистическая партия была преисполнена боевой готовностью и духом наступления, и чтобы она сумела преодолеть в передовых рядах рабочей массы всей своей агитационной и организационной работой и своей борьбой центристское настроение пассивного ожидания. Эта посто-

янная готовность к борьбе, воля к наступлению должна быть отличительным признаком коммунистических массовых партий не только потому, что на них, как на массовые партии, ложится обязанность вести борьбу, но и потому, что все современное положение представляет разложение капитализма и растущее обнищание масс. Необходимо *сократить период разложения,* иначе будут разрушены все материальные основы коммунизма, и энергия рабочих масс будет подавлена.

VII. Уроки мартовского выступления.

Мартовское выступление было навязано об'единенной коммунистической партии Германии нападением правительства на Средне-Германский пролетариат.

Мужественно выступив на защиту рабочих Средней Германии, об'единенная коммунистическая партия Германии доказала, что она является партией немецкого революционного пролетариата.

В этой первой, со дня своего основания, крупной битве партия допустила целый ряд ошибок, из которых важнейшая заключалась в том, что оборонительный характер борьбы не был достаточно ясно подчеркнут, и что призыв к наступлению дал повод бессовестным врагам пролетариата, буржуазии, социал-демократической партии и независимым обвинить пред лицом пролетариата об'единенную коммунистическую партию Германии в подстрекательстве к «путчу». Эта ошибка была еще усугублена по вине целого ряда партийных товарищей, развивавших ту мысль, что при настоящем положении наступление является для партии главным методом борьбы. С опровержением этой ошибки уже выступили официальные органы партии в лице, напр., ее председателя тов. Брандлера.

III. Конгресс Коммунистического Интернационала считает мартовское выступление шагом вперед. Мартовские выступления были геройской борьбой сотен тысяч пролетариев против буржуазии. О. К. П. Г., взяв смело на себя руководство защиты рабочих средней Германии, доказало, что она является партией революционного пролетариата Германии. Конгресс полагает, что об'единенная коммунистическая партия в Германии будет в состоянии тем успешнее проводить массовые выступления, чем лучше она будет приспособлять свои боевые лозунги к действительному положению вещей, чем тщательнее она будет изучать это положение и чем более согласованы будут эти выступления.

В интересах тщательного взвешивания всех шансов борьбы об'единенная коммунистическая партия Германии должна внимательно прислушиваться к фактам и мыслям, указывающим на трудность выступления, и старательно проверять основательность их доводов.

Но с того момента, как определенное выступление решено партийными органами, все товарищи должны подчиняться партийным постановлениям и активно проводить это выступление. Критика выступлений должна применяться лишь после их окончания, она должна происходить лишь в партийных органах, и должна считаться с положением, в котором находится партия по отношению к ее классовым врагам.

VIII. Формы и средства прямой борьбы.

Формы и средства борьба, ее размеры и точно так же, как и вопросы наступления или обороны, связаны с определенными условиями, которые не могут быть произвольно созданы. Прошедший опыт революции показывает нам различные формы частичных выступлений:

1. Частные выступления отдельных слоев рабочего класа (выступление углекопов, железнодорожников и т. д.—в Германии, в Англии, выступления сельскохозяйственных рабочих и т. д.).

2. Частичные выступления всего рабочего класса в борьбе за ограниченные цели (выступление в Капповские дни, выступления английских углекопов против военного вмешательства английского правительства в русско-польскую войну).

Территориально эти частные бои охватывают отдельные области, целые страны или целый ряд стран в одно и то же время.

В каждой стране все эти формы чередуются в форме революции. Коммунистическая партия, конечно, не может отказаться от территориально ограниченных частичных выступлений, но она должна стремиться к превращению каждого, значительного, местного выступления рабочего класса во всеобщий бой. Подобно тому, как она обязана стремиться поднять весь рабочий класс на защиту рабочих одной отрасли промышленности, точно так же для защиты рабочих, борющихся в местном масштабе, она должна стремиться поставить на ноги пролетариат других промышленных центров. Опыт революции показывает, что чем шире поле битвы, тем больше надежды на победу. Буржуазия в своей борьбе против развивающейся мировой революции опирается, с одной стороны, на белогвардейские организации, с другой—на распыленность рабочего класса, на медленность образования единого пролетарского фронта. Чем большие массы вовлечены в борьбу, чем шире поле битвы, тем более врагу приходится дробить свои силы. Даже в тех случаях, когда двигающиеся на помощь осажденной части пролетариата, другие отряды рабочего класса временно не могут предоставить в его распоряжение все свои силы, одно их выступление заставляет капиталистов дробить свои военные силы, так как они не могут знать как далеко простирается участие в борьбе другой части пролетариата, и поскольку ее вмешательство обострит борьбу.

В течение прошедшего года, в котором наступление капитала принимало все более бесстыдный характер, можно было наблюдать во всех странах, что буржуазия, неудовлетворенная обычной работой своих государственных органов, создавала разные легальные и полулегальные белогвардейские организации, находившиеся под защитой государства Эти организации играли решающую роль во всех крупных экономических столкновениях.

В Германии такой организацией является Оргеш, об'единяющая, при поддержке правительства, партии всех оттенков, начиная с Штиннеса и кончая Шейдеманом.

В Италии это — фашисты, разбойничьи подвиги которых вызвали полную перемену в настроении буржуазии, и видимость коренного изменения в соотношении сил.

В Англии правительство Ллойд-Джорджа, стоя пред лицом забастовочной опасности, обратилось к добровольцам, задачей которых является защищать соб-

ственность, «свободу труда» путем замещения бастующих и разрушения их организаций.

Во Франции полуофициальная руководящая газета «Тан», явно инспирируемая кликой Мильерана, ведет пропаганду в интересах дальнейшего развития уже существующих «гражданских лиг» и перенесения метода фашизма на французскую почву.

Организации штрейкбрехеров и убийц, представлявшие и ранее необходимое дополнение к режиму американской свободы, приобрели руководящий орган в лице навербованного из отбросов войны американского легиона.

Буржуазия, хвастающаяся своей силой и твердостью, прекрасно знает, в лице своих руководящих правительств, что она лишь получила короткую передышку, и что при существующих обстоятельствах каждая массовая забастовка имеет тенденцию превратиться в гражданскую войну и в прямую борьбу пролетариата за власть.

В борьбе пролетариата против наступления капитала обязанностью коммунистов является не только быть в первых рядах и возводить борющихся к пониманию основных революционных задач, но они также обязаны опираться на лучшие, активные элементы предприятий и профсоюзов, создавать собственные боевые организации и рабочие отряды, которые могли бы оказывать сопротивление фашистам и отучили бы буржуазную золотую молодежь от травли и нападений на бастующих.

Принимая во внимание чрезвычайное значение контр-революционных ударных отрядов, коммунистическая партия, а в особенности ячейки в профсоюзах, должны посвятить особое внимание этому вопросу, организовать хорошую разведку и службу связи, иметь под постоянным наблюдением боевые органы и силы белогвардейцев, их штабы, склады оружия, связь этих штабов с полицией, с прессой и политическими партиями, и заранее выработать все необходимые подробности обороны и контр-атаки.

Коммунистическая партия должна словом и делом настойчиво внушать широчайшим слоям пролетариата понимание того, что каждый экономический или политический конфликт — при соответствующей комбинации условий — может вылиться в гражданскую войну, в которой задачей пролетариата явится овладение государственной властью.

Коммунистическая партия, принимая во внимание белый террор, бесчинства позорной белой юстиции, должна поддерживать в пролетариате мысль, что в период восстания нельзя дать себя обмануть призывами противника, к милосердию; необходимо покончить с мучителями пролетариата актами организованного народного суда и пролетарской справедливости. Но в те моменты, когда пролетариат только готовится к борьбе, когда речь идет о том, чтобы при помощи агитации, политических кампаний, стачек, — мобилизовать пролетариат, пользование оружием и акты саботажа имеют смысл лишь тогда, когда должны воспрепятствовать переброске войск, направленных против борющихся пролетарских масс, или если они должны лишить неприятеля весьма важных позиций.

Отдельные террористические акты, сколько бы они ни свидетельствовали о революционном восстании, как бы мы их ни оправдывали, как против суда Линча,

применяемого буржуазией и ее с.-д. лакеями,—ни в коем случае неспособны повысить организованность и боеспособность пролетариата, ибо возбуждают в массах иллюзию, что геройские подвиги отдельных личностей способны заменить революционную борьбу пролетариата.

IX. Отношение к пролетарским средним слоям.

В Западной Европе нет другого значительного класса, который наряду с пролетариатом мог бы стать фактором мировой революции, как это имело место в России, где крестьянство, вследствие войны и земельного голода, наряду с рабочим классом стало решающим фактором революционной борьбы. Но и в Западной Европе часть крестьянства, значительня часть *городской мелкой буржуазии, ровно как широкие слои, так называемого среднего сословия*, служащие и т. д., становится во все более невыносимые жизненные условия. Под гнетом дороговизны, жилищной нужды, полной неуверенности в завтрашнем дне, эти массы охвачены брожением, которое вывело их из политического равнодушия и втянуло в борьбу между революцией и контр-революцией. Банкротство империализма в побежденных странах, банкротство пацифизма и социал-реформистских течений в странах победительницах, толкает эти средние слои частью в лагерь открытой контр-революции, частью в лагерь революции. Коммунистическая партия обязана непрерывно обращать внимание на эти слои населения. Завоевание мелкого крестьянства для идей коммунизма, наряду с завоеванием и организацией сельско-хозяйственных рабочих, является одной из важнейших предпосылок победы пролетарской диктатуры, так как последняя дает возможность перенести революцию из промышленных центров в деревню и создать, важнейшие опорные пункты для разрешения продовольственного вопроса, жизненного вопроса революции. Привлечение широких кругов технических сотрудников, приказчиков, средних и низших чиновников и интеллигенции могло бы облегчить пролетарской диктатуре, в период перехода от капитализма к коммунизму, разрешение вопросов государственного и хозяйственного управления. В то же самое время такое привлечение принесло бы разложение в ряды врагов и пробило бы брешь в изолированном положении пролетариата в глазах общественного мнения. Коммунистические партии должны самым внимательным образом следить за брожением в мелко буржуазных слоях, надлежащим образом их использовать, даже тогда, когда это брожение не свободно от буржуазных иллюзий. Коммунистические партии должны привлечь к пролетарскому фронту те части интеллигенции и служащих, которые освободились от этих иллюзий, и использовать их в целях привлечения мелкобуржуазных масс, находящихся в состоянии брожения.

Экономическое разложение и вытекающее отсюда расстройство государственных финансов вынуждает буржуазию обречь самую опору ее собственного государственного аппарата, низшее и среднее чиновничество, на все растущую нищету. Экономическое движение этих слоев непосредственно затрагивает все здание буржуазного государства, и несмотря на то, что такого рода конфликты временно улаживаются, для буржуазного государства становится все более и более невозможным сохранить эту свою организованную базу так же, как капитал становится неспособным обеспечить физическое существование наемных рабочих при существовании системы эксплоатации. Беря под свою защиту интересы низшего и среднего чиновничества, не считаясь с положением государственных финансов,

коммунистические партии совершают очень важную предварительную работу для разрушения буржуазных государственных учреждений и подготовляют элементы пролетарского государственного строительства.

X. Международная координация действия.

В целях прорыва фронта международной контр-революции, в целях использования всех сил коммунистическаго интернационала, в целях ускорения победы революции необходимо со всей энергией добиваться единого международного руководства революционной борьбой.

Коммунистический Интернационал обязывает все коммунистические партии в период борьбы оказывать друг другу самую энергичную поддержку. Развертывающиеся экономические бои требуют, по возможности, немедленного вмешательства пролетариата других стран. Коммунисты должны влиять в профсоюзах на то чтобы последние не только всеми средствами противились вывозу штрейхбрехеров, но и не допустили вообще вывоза в те страны, в которых значительная часть пролетариата находится в периоде борьбы. В тех случаях, когда капиталистическое правительство одной страны прибегает к насилиям против другой с целью грабежа и покорения, коммунистические партии обязаны не ограничиваться одними протестами, но принять все меры к предотвращению грабительского похода их правительства. III Конгрес Коммунистическаго Интернационала приветствует демонстрацию французских коммунистов, как начало повышения их активности в борьбе против контр-революционной эксплоататорской роли французского капитала. Конгресс напоминает французским товарищам об их обязанности внушить всеми средствами французским солдатам в оккупированных областях, что их роль сводится к роли слуг французского капитала и что они должны отказаться от возложенных на них позорных обязанностей. Задачей французской коммунистической партии является уяснение французскому народу, что допуская организацию и пропитывание французской оккупационной армии националистическим духом, он сам вскармливает скорпионов против себя. В оккупированных областях муштруются войска, которые впоследствии будут готовы потопить в крови революционное движение французского рабочего класса. Особые задачи налагают на французскую коммунистическую партию пребывание черных войск на территории Франции и оккупированных провинций. Это дает возможность французской партии притти этим колониальным рабам и раз'яснить им, что они служат своим собственным мучителям и эксплоататорам, призвать их к борьбе против режима связаться с населением французских колоний.

Германская Коммунистическая партия должна в своих выступлениях раз'яснить германскому пролетариату, что борьба против эксплоатации Антантовским капиталом невозможна без свержения германскаго капиталистического правительства, которое несмотря на все крики против Антанты стало надсмотрщиком и посредником капиталистов Антанты. Только тогда, когда ОКПГ упорной и беспощадной борьбой против германского правительства докажет, что она не ищет выхода для обанкротившегося германского империализма, а напротив, старается от него освободиться, чтобы совместно с французскими и бельгийскими рабочими массами бороться за восстановление Европы на коммунистической основе, только тогда она будет в состоянии усилить в пролетарских массах Франции волю к борьбе против французского империализма. Коммунистический Интернационал

об'являя пред лицом международного пролетариата, что требование возмещения со стороны капиталистов Согласия означает разбойничий поход против трудящихся масс побежденных стран, и клеймя, как трусливую капитуляцию пред биржей Антанты, попытки лонгегстов и независимых найти такую форму этого грабежа, которая явилась бы наименее болезненной для рабочих масс, указывает французскому и немецкому пролетариату единственный путь к восстановлению разрушенных областей, к облегчению положения вдов и сирот, призывая пролетариат обоих стран к совместной борьбе с их эксплоататорами. Германский рабочий класс только тогда в состоянии будет помочь русскому пролетариату в его тяжелой борьбе, когда он ускорит своими победоносными боями об'единение сельско-хозяйственной России и промышленной Германии. Обязанностью коммунистических партий всех стран, войска которых принимают участие в порабощении и разграблении Турции, является работа по революционизированию этих войск всеми возможными средствами. На обязанности коммунистических партий Балканских стран лежит напряжение всех их сил для оказания наибольшего сопротивления национализму, путем создания Коммунистической Балканской Федерации и для приближения победы. Победа коммунистических партии Болгарии, Сербии, которая приведет к падению позорного режима Хорти и к ликвидации румынского боярства, расширила бы в большинстве развитых соседних стран сельско-хозяйственную базу для итальянской революции и освободит Италию от опасности блокады со стороны Англии Безоговорочная поддержка Советской России была и есть первейшая обязанность коммунистов всех стран. Они должны не только самым энергичным образом противиться нападению на Советскую Россию, но и всеми мерами бороться за устранение препятствий, которые ставятся капиталистическими государствами к общению Советской России с мировым рынком и другими народами. Только когда Советской России удастся восстановить свое хозяйство и устранить невероятную нужду, вызванную трехлетней империалистической и трехлетней гражданской войнами, только тогда Советской России удастся поднять работоспособность ее народных масс, она будет в состоянии помочь победоносным пролетарским государствам Запада и в будущем, как продовольствием и сырьем, и защитить их от удушения американским капиталом.

Мировой политической задачей Коммунистического Интернационала является не демонстрация по поводу выдающихся событий, а постоянное укрепление международной связи коммунистов в их беспрерывной общей борьбе сомкнутым фронтом. Нельзя сказать вперед, в какой части фронта пролетариату удастся сделать прорыв, в капиталистической ли Германии с ее находящимся под тяжелым гнетом немецкой и антантовской буржуазии пролетариатом, в Германии, стоящей пред альтернативой—умереть или победить,—или же в аграрных юго восточных странах, или в Италии, где разложение буржуазии зашло уже так далеко. Поэтому обязанностью Коммунистического Интернационала является довести до крайней степени напряжение усилий пролетариата во всех частях мирового фронта. Обязанностью Коммунистических партий является сделать все, чтобы поддержать решительные бои каждой отдельной секции Коммунистического Интернационала. Это можно достигнуть, прежде всего, тем что, при возникновении крупных конфликтов в одной стране, коммунистические партии в других странах обостряют все свои внутренние конфликты и доводят их до открытой борьбы.

XI. Распад II Интернационала и Интернационала $2^1/_2$.

В течение третьего года своего существования Коммунистический Интернационал стал свидетелем дальнейшего политического *падения с.-д. партий и реформитских вождей профессионального движения,* и их разоблачения.

В то же самое время этот год был годом попыток с их стороны к организационному об'единению и переходу в наступление против Коммунистического Интернационала. В *Англии* вожди рабочей партии и профсоюз в доказали во время забастовки углекопов, что их задача состоит ни в чем другом, как в сознательном разрушении образующегося пролетарского фронта, сознательной защите капиталистов против рабочих. Распад тройственного союза доказывает, что реформистские вожди профсоюзов не желают бороться за улучшение положения рабочего класса в рамках капиталистического строя. В Германии с.-д. партия после выхода из состава правительства доказала, что она неспособна даже к агитационной оппозиции, каковую проводила старая социал-демократия до войны. При всяком оппозиционном жесте она, прежде всего старалась не допустить боев рабочего класса. Несмотря на то, что в общегосударственном масштабе Германская социал-демократия будто бы принадлежала к оппозиционным партиям, она организовала в Пруссии поход белогвардейцев против горнорабочих Средней Германии, чтобы сознательно провоцировать последних на открытую вооруженную борьбу еще до того момента, как коммунисты успели организовать свои боевые ряды. Несмотря на капитуляцию немецкой буржуазии перед Антантой, несмотря на тот достоверный факт, что немецкая буржуазия в состоянии исполнить продиктованные ей Антантой требования только при том условии, если она поставит немецкий пролетариат в ужаснейшее положение, немецкая социал-демократия опять вступает в состав правительства, чтобы облегчить буржуазии превращение германских пролетариев в илотов.

В *Чехо-Словакии* социал-демократия мобилизует войска и полицию, чтобы лишить рабочих коммунистов их домов и организаций. *Польская* с.-демократическая партия помогает Пилсудскому своей лживой тактикой организовать грабительский поход на Советскую Россию. Она помогает своему правительству заключить тысячи коммунистов в тюрьмы, выбрасывает коммунистов из профсоюзов, где они, несмотря на все преследования, собирают вокруг себя все большие массы. *Бельгийские* социал-демократы остаются в составе правительства, принимающего участие в полном порабощении немецкого народа. И центристские партии и группы Интернационала $2^1/_2$ ведут себя столь же позорно, как и партии контр-революции. Немецкие независимые резко отвергают призыв германской коммунистической партии к образованию общего фронта для борьбы против ухудшения положения рабочего класса, несмотря на существующие принципиальные разногласия. Во время мартовских боев независимые решительно стали на сторону белогвардейского правительства, против рабочих Средней Германии, чтобы потом, после того, как они помогли белому террору победить, после того, как они заклеймили авангард пролетариата перед лицом буржуазного общественного мнения разбойниками-грабителями и лумпенпролетариями, лицемерно жаловаться на ужасы белого террора. Несмотря на то, что они еще на с'езде в Галле обязались поддерживать Советскую Россию, они в своей печати ведут клеветнический поход против Русской Советской Республики. Они об'единяются со всей русской контр-революцией, с Врангелем-Милю-

ковым и Бурцевым, поддерживая Кронштадтское восстание против Советской Республики, восстание которое представляет собою начало новой тактики международной контр-революции против Советской России; тактика эта заключается в том, чтобы свергнуть русскую коммунистическую партию,—эту душу, сердце, скелет и нервную систему Советской Республики, затем легко разделаться с ее бездушным трупом. Наравне с немецкими независимыми *французские лонгэтисты* присоединились к этому походу против Советской России и таким образом открыто стали на стороне французской контр революции, которая, как показывают факты, явилась защитницей новой тактики против России. В *Италии* политика центристских групп Серрати и Д рагана, политика отступления перед каждой борьбой, наполнила буржуазию новым мужеством и дала ей возможность господствовать над всей жизнью Италии при помощи белых банд фашистов.

Несмотря на то, что центристские партии и социал-демократия отличаются друг от друга только фразами, об'единение этих групп в один Интернационал до сих пор не состоялось. Больше того, центристские партии в феврале текущего года об'единились в особую международную организацию со своей политической платформой и уставом. Этот Интернационал $2^1/_2$ качается, как маятник, между лозунгами демократии и пролетарской диктатуры на бумаге. Практически Интернационал $2^1/_2$ не только помогает капиталистическому классу в каждой отдельной стране, развивая дух обособленности внутри самого рабочего класса, но и не взирая на полное разрушение мирового хозяйства буржуазуей, на порабощение одной части мира победоносными капиталистическими государствами Антанты, преподносит буржуазии планы как провести в жизнь ее программу эксплоатации, не развязывая революционных сил народных масс. Интернационал $2^1/_2$ отличается от 2 Интернационала только тем, что со страхом перед властью капитала, свойственным одинаково и реформистам и центристам, он соединяет еще страх перед ясной формулировкой своей точки зрения, чтобы не потерять окончательно влияния на невполне сознательные, но революционно настроенные массы. Коренное политическое сходство реформистов и центристов находит свое выражение в их общей защите Амстердамского Интернационала профсоюзов, этого последнего оплота мировой буржуазии. Об единяясь с реформистами и профсоюзной бюрократией в борьбе против коммунистов в тех профсоюзах, где они еще обладают влиянием, отвечая на попытку коммунистов революционизировать профсоюзы исключением их из последних, центристы доказывают, что они наравне с социал демократами являются решительными противниками пролетарской борьбы и авангардом контр-революции.

Коммунистический Интернационал должен и впредь вести решительную борьбу не только против II Интернационала, против Амстердамского Интернационала профсоюзов, но и против Интернационала $2^1/_2$. Только при помощи этой беспощадной борьбы, изо в день доказывающей массам, что социал-демократы и центристы не только не желают бороться за свержение капитализма, но—за самые элементарные неотложные нужды рабочего класса. Коммунистический Интернационал может вырвать у этих агентов буржуазии влияние на рабочий класс. Эта борьба может быть доведена до победного конца только *полнейшим подавлением всяких центристских уклонов в своих собственных рядах*. Коммунистический Интернационал в своей *повседневной практике* доказывает, что он является Интернационалом *Коммунистического действия*, а не только коммунистической фразы и теории. Коммунистический

Интернационал является единственной организацией международного пролетариата, которая, основываясь на своих принципах, способна руководить борьбою против капитализма. Необходимо так усилить его внутреннюю сплоченность, его международную руководящую роль и его деятельность, чтобы он действительно мог осуществить те цели, которые зафиксированы в его уставе. «Организация общих выступлений пролетариев различных стран, стремящихся к одной цели: **свержению капитализма, установлению диктатуры пролетариата и Международной Советской Республики.**»

Тактика Профинтерна.

(Резолюция I Конгресса Красных Профсоюзов).

Резолюция по вопросу о взаимоотношениях с Коминтерном.

Принимая во внимание, что борьба между трудом и капиталом во всех капиталистических странах приобрела в результате мировой войны и мирового кризиса исключительно резкий, беспощадный и решительный характер,—что в процессе этой борьбы перед широкими рабочими массами с каждым днем все отчетливее встает сознание необходимости устранения буржуазии от управления производством, а, стало быть, и от политической власти,—что такой результат может быть достигнут только путем установления пролетарской диктатуры и коммунистического строя,—что в борьбе за сохранение буржуазной диктатуры все капиталистические слои уже достигли значительной концентрации и об'единения своих национальных и международных организаций, как политических, так и экономических, и противопоставляют натиску пролетариата сплоченную силу буржуазии, как при обороне, так и при наступлении,—что логика современной классовой борьбы требует сильнейшего об'единения пролетарских сил в их революционной борьбе, определяя тем самым необходимость тесного контакта и органической связи различных форм рабочего революционного движения и в первую очередь III Коминтерна и Красного Межсовпрофа и коммунистических партий и красных профсоюзов, причем является в высшей мере желательным, чтобы было сделано все возможное к установлению в национальных рамках аналогичных связей между местными коммунистическими партиями и красными профсоюзами—принимая все вышеизложенное во внимание, Конгресс постановляет:

1. Принять все меры к самому тесному сплочению революционных профсоюзов в единую боевую организацию, с единым руководящим международным центром—Красным Интернационалом Профсоюзов.

2. Установить возможно более тесные связи с III Коммунистическим Интернационалом, авангардом революционного рабочего движения во всем мире, на основе взаимного представительства в исполнительных органах того и другого Интернационала, совместных совещаний и т. п.

3. Придать этой связи органический и деловой характер, проявляя ее в совместной подготовке и в проведении революционных действий как в национальном, так и в международном масштабе.

4. Конгресс также настоятельно указывает на необходимость стремиться к установлению действительного и тесного революционного единства революционных проф-организаций и установлению связей между красными профсоюзами и коммунистической партией в осуществление директив обоих конгрессов.

Резолюция по вопросу о тактике.

I. Обстановка борьбы.

1. Задачи и тактика профсоюзов определяются состоянием и напряженностью борьбы классов в международном и национальном масштабе. Исходным пунктом является тот несомненный факт, что современное общество вступило в период распада и разрыва старых капиталистических отношений и связей. Признаками этого распада являются колоссально выросшая задолженность, временный расцвет отдельных отраслей промышленности и следующий за ними быстрый и глубокий кризис, продолжающаяся борьба на многих фронтах, экономическая неустойчивость в наиболее старых капиталистических странах Европы, жестокий кризис, охвативший все страны мира, рост безработицы, упадок земледелия, неизбежность новых войн для извлечения из своих соседей непосредственных выгод, понижение заработной платы и ухудшение условий труда и, наконец, абсолютная невозможность нормальными методами капиталистической эксплоатации восстановить экономическое политическое и социальное равновесие.

2. На фоне растущего экономического кризиса и неслыханных опустошений, вызванных многолетней войной, социальная борьба заостряется во всех странах, принимая невиданное до настоящего времени ожесточение. Стачки небывалых размеров охватывают страну за страной пролетариат стремится путем стачек сохранить завоеванные позиции против которых выступает капитал. Но пролетариат ведет борьбу по частям, вразброд, подвергая этим свои лучшие организованные отряды опасности разгрома и поражения.

3. Борьба рабочего класса и его организация осложняется тем, что буржуазия хорошо учла опыт войны и революции и интенсивно создает и укрепляет свои организации для материального разгрома революционного движения Нет ни одной буржуазной страны, которая, помимо обычных нормальных органов репрессии (армий, полиции, юстиции и т. д.), не создавала бы новых организаций вольных об'единений из представителей господствующих классов для подавления вооруженной рукой и предупреждения восстания трудящихся.

4. В этой борьбе растущего недовольства масс буржуазия выступает единым фронтом, бросая в бой все свои экономические организации, отлично понимая, что только максимальное единство и концентрация сил, централизованная организация моральная и материальная поддержка своего государственного аппарата и создание специальных боевых организаций может, если и не спасти, то отдалить надвигающуюся социальную революцию. Буржуазия никогда не отделяет политики от экономики.

5. Задачи союзов в период мирного органического развития капиталистического общества заключались в том, чтобы путем организации масс повышать материальное благосостояние рабочих, улучшать условия труда и, опираясь на завоевания, итти в дальнейшем к созданию социалистического строя. Реформистские союзы считали возможным медленный и постепенный переход от капитализма к социализму путем превращения демократии буржуазной в демократию социалистическую. Союзы революционные считали, что без насильственного низвержения капитализма рабочий класс не может покончить с системой наемного рабства.

6. Революционные союзы ставили всегда перед собой, как основную задачу, сплочение, дисциплинирование и воспитание масс для насильственного низвержения

капитализма. Эти задачи в настоящий период развала капиталистического общества являются исключительно важными. Профсоюз—школа-мастерская коммунизма. Его задача подготовить массы к низвержению капиталистического строя. Весь вопрос сводится к тому: на чем на какой повседневной работе произойдет это сплочение и подготовка масс, какие вопросы ставить перед рабочим классом, как организовать эту повседневную борьбу и как связать ее с общими задачами рабочего класса, приближая его к окончательной схватке с его классовым врагом? Обстановка борьбы в настоящее время значительно осложнилась, отношения социальных сил совершенно другие, чем были до войны и во время войны, и поэтому задача союзов сейчас другая и другими должны быть также методы и способы борьбы.

II. Профсоюзы до войны.

7. На протяжении XIX и первых десятилетий XX века сложились в общем и целом три основных формы профессионального движения, три основных группировки: англо-саксонская (тред-юнионизм), германо-австрийская (социал-демократический реформизм) и французско-испанская (революционный синдикализм). Эти три основных группировки в мировом профессиональном движении отличались между собою как по содержанию работы, так и по методам. В них выражались три разных идеологии, три разных программы действия.

8. Основной чертой англо-саксонского профдвижения был узкий корпоратизм, политичность, нейтрализм по отношению к социалистическим партиям и сосредоточение всего внимания на непосредственных, конкретных задачах дня. Тред-юнионизм рассматривал социальную борьбу с точки зрения своей корпорации и под этим углом зрения подходил к разрешению всех социально-экономических вопросов. Он об'единяет по преимуществу высшие слои рабочего класса, и идеология его является философией рабочей аристократии. Капитал и труд рассматривались теоретиками и практиками тред-юнионизма, не как два смертельных классовых врага, а как два взаимно дополняющие друг друга фактора человеческого общества, развитие которого заключается в гармонии между трудом и капиталом и в справедливом распределении между ними суммы социальных общественных благ.

9. Германо-австрийское профессиональное движение, появившееся позже англо-саксонского и складывающееся в другой обстановке, было с самого начала проникнуто социалистическими идеями. У колыбели профессионального движения Германии и Австрии стояла социал-демократия, и поэтому вся идеология его была проникнута социал-демократическим духом. Но социал-демократическая программа и тактика, преломившись в профессиональном движении, получили характер реформистского социализма. Профессиональные союзы Германии были колыбелью реформизма, существо которого сводится как известно, к следующему: мирное постепенное развитие через демократию к социализму притупление классовых интересов, боязнь революции и классового террора и надежда на то, что развитие демократических форм приведет автоматически к социализму без потрясений и без революций, в области чисто профессиональной—стремление держать профессиональные союзы подальше от политической революционной борьбы, проповедь нейтрализма по отношению к революционному социализму и кровная связь с реформистским социализмом, наконец, крайняя переоценка коллективных договоров и идея создания паритетного права, т.-е., создание таких социальных отношений, при которых будет

установлено в политической и экономической области равноправие рабочих с предпринимателями при сохранении системы эксплоатации.

10. Революционный синдикализм, возникший, как реакция против оппортунизма французской социалистической партии, имел в основе своей революционные черты. Он выдвинул идею прямого действия, непосредственной борьбы масс, проповедывал всеобщую стачку, был за насильственное низвержение капитализма, вел антимилитаристическую агитацию и пропаганду и создал антигосударственную теорию, а также теорию о том, что профессиональные союзы являются единственными организациями, которые совершат социальную революцию и сами построят социалистическое общество. Теоретики этого движения претендовали на то, что революционный синдикализм есть синтез прудонизма и марксизма.

11. Революционный синдикализм выдвинул ряд идей — и в этом его заслуга — которые ставили его значительно выше других форм профессионального движения и сближали его с революционным социализмом. Такие идеи, как прямое действие, революционное давление масс на капитал и государство, низвержение капитализма, проповедь социальной революции, являются заслугой революционных синдикалистов и положительной стороной всего революционного синдикализма. С другой стороны, мы имеем в синдикализме идею независимости, нейтрализма по отношению ко всем политическим партиям и в том числе к политической партии пролетариата, отрицание даже и пролетарского государства, переоценку всеобщей стачки и неправильное отношение к частичным требованиям рабочих. Экономика и политика для революционных синдикалистов — две разные вещи, в то время, как известно, что политика есть «сконцентрированная экономика». Эти последние идеи, несмотря на их кажущуюся революционность, используются фактически буржуазией, которая сама в своей борьбе никогда не отделяла экономику от политики.

12. Профессиональное движение развилось и складывалось главным образом в период мирного, органического развития капиталистического общества и поэтому носило в себе черты, давшие возможность буржуазии, особенно в период войны, использовать его в своих классовых целях. Эти своеобразные черты, узкий корпоратизм, замкнутость союзов, борьба части союзов против женского труда, национальная ограниченность, глубокая привязанность к своему отечеству и к своей национальной индустрии, нашли свое максимальное выражение в период войны, когда интересы классовые столкнулись с интересами национальными.

III. Профсоюзы во время войны

13. Мировая война, являвшаяся следствием антагонизма национальных капитализмов, выявила всю степень влияния буржуазного общества на рабочий класс и его организации. Профессиональные союзы в большинстве крупнейших европейских государств с объявлением войны перестали существовать, как боевые классовые организации, а сразу превратились в военно-империалистические организации, задачи которых сводились к оказанию помощи правительству и буржуазии чтобы соединенными силами во что бы то ни стало разбить конкурента на мировом рынке. Старые группировки в профессиональном движении исчезли. Руководители профессиональных союзов всех стран за небольшими исключениями, несмотря на то, что они боролись по разным сторонам линии огня, заговорили одним языком с своей отечественной буржуазией, интересы национальной буржуазии были поставлены выше интересов классовых.

14. Период мировой войны является периодом морального разложения профсоюзов во всех капиталистических странах. Громадное большинство руководителей профессионального движения является агентами правительства; они берут на себя функцию удушения всяких попыток революционного протеста, они неоднократно санкционируют ухудшение условий труда, они дают согласие на прикрепление рабочих к фабрикам в угоду капиталистам, на отмену завоеваний, добытых в течение долгой борьбы, одним словом, исполняют беспрекословно все, что приказывают господствующие классы.

15. Недовольство войной и растущие на этой почве уже во время войны выступления душатся в самом корне по преимуществу самими же руководителями старого профессионального движения. Боязнь революции, которая заставляла в течение многих лет господствующие классы воздерживаться от военных действий и авантюр, исчезла ибо против революции была не только буржуазия, но и организованные в профессиональные союзы рабочие. Это превращение руководителей профессионального движения в цепных собак капитализма является величайшей моральной победой господствующих классов и, вместе с тем, величайшим поражением рабочего класса в период мировой войны.

16. Националистическая работа руководителей профессионального движения сеяла глубокий разлад среди масс. Вместо проповеди классовой борьбы и классовой ненависти в течение нескольких лет из уст представителей рабочего класса лились только призывы к напряжению всех сил против национального врага, к защите отечества и к священному единению классов. Эта предательская работа, проводимая при поддержке буржуазной прессы и при денежной помощи правительства, была основной причиной затягивавшейся войны и неисчислимых жертв, которые рабочий класс понес в результате международной бойни.

Война была проявлением величайшего, неслыханного банкротства всех трех форм профессионального движения. Руководители трэд-юнионов Англии и Америки, профсоюзов Германии и Австрии и революционных синдикатов Франции объединились на платформе предательства интересов рабочего класса.

IV. Профсоюзы после войны.

17. Послевоенная политика руководителей профессиональных союзов разных стран характеризуется теми же основными чертами, как и их политика во время войны. Она состоит в том, чтобы продолжить заключенное во время войны священное единение классов, подчинить интересы рабочих масс интересам восстановления капиталистического хозяйства.

18. Во Франции эта политика приняла наиболее отвратительный характер, ибо носителями ее являются вчерашние революционные синдикалисты—антигосударственники и антимилитаристы. Всеобщая Конфедерация Труда в лице своих руководителей добивается чести работать в комиссиях при выработке Версальского договора, берет на себя инициативу в деле принуждения немецких рабочих к возмещению Франции убытков, причиненных войной, срывает революционно-стачечное движение вместе с правительством и со всей буржуазией борется против самой идеи социальной революции, провозглашает принцип реконструкции капитализма на основе сотрудничества всех «живых сил» современного общества, т. е. рабочих, предпринимателей и представителей правительства. Эта тактика внутри страны

приводит к обнаглению буржуазии, к развращению пролетарского сознания и к разочарованию масс в революционных лозунгах и революционных призывах. Чем больше Всеобщая Конфедерация Труда фактически подчинена и зависима от буржуазии, тем больше она кричит о независимости и автономии профессионального движения по отношению к коммунизму, ссылаясь при этом на Амьенскую резолюцию.

19. На почве этого неслыханного предательства и бесстыдного нарушения элементарных революционных и классовых принципов, во Франции выросло и создалось большое движение протеста, нашедшее свое организационное выражение в Центральном Комитете революционных синдикалистов. Революционная оппозиция об'единяет уже около половины членов Всеобщей Конфедерации Труда, но, не могя на свой количественный рост, она слаба вследствие недостаточного внутреннего единства. Вся оппозиция об'единена в борьбе против явного и тайного предательства интересов рабочего класса, но, ведя эту борьбу и даже одерживая в этой борьбе победы благодаря единому фронту, оппозиция сама еще недостаточно точно определила свои конкретные задачи свою программу и боевые лозунги. Оппозиция, состоящая из анархистов, революционных синдикалистов и коммунистов, провозглашает лозунг: «назад к Амьенской Хартии!» Лозунг этот уже по одному тому недостаточен, что и большинство Всеобщей Конфедерации Труда ссылается также на «Амьенскую Хартию».

20. „Амьенская Хартия", явившаяся результатом протеста рабочих масс против оппортунизма социалистических партий, не может служить основой деятельности не только потому, что она была написана 15 лет тому назад, еще до войны и революции, но, главным образом, потому, что она даже в свое время не давала ответа на все вопросы, стоящие перед рабочим классом. Мировая война, распад капитализма, революция, все это вместе повелительно диктует меньшинству Всеобщей Конфедерации Труда Франции не замыкаться в рамках устаревшей «Амьенской Хартии», а выработать новую программу в соответствии с новым положением вещей.

21. Руководители германских профессиональных союзов после войны сыграли по существу роль спасителя германской буржуазии и военной германской клики. Революция 1918 г. настолько напугала германскую буржуазию, что она сама обратилась к германским профессиональным союзам в целях защиты от превращения революции буржуазной в революцию социалистическую. Руководители профессиональных союзов заключили с германской буржуазией договор о паритетных трудовых об'единениях, который лег в основу всей послевоенной деятельности германского профдвижения. Паритетность в разговорах о социальных реформах легла в основу этого договора. Господство буржуазии в области политической и экономической — таков результат этой паритетной философии. Активная помощь профессиональных союзов при подавлении революционного движения масс явилась следствием этого соглашения. Руководители германских профсоюзов с самопожертвованием занялись восстановлением капитализма, не останавливаясь перед поддержкой кровавых репрессий против рабочего класса.

22 Эта контр-революционная роль профессиональной бюрократии, ставшей к тому же, благодаря бедствиям войны, во главе многомиллионной рабочей массы, вызвала глубокий протест среди рабочих. Протест внутри профессионального движения начал оформляться в виде создания внутри их оппозиционных ячеек коммунистических групп, которые, раскидываясь широкой сетью по всей Германии,

приняли характер массового явления. Безнадежный взгляд на профсоюзы нашел свое выражение в лозунге: «разрушение союзов», в лозунге, который противоречит интересам рабочего класса и интересам социальной революции. Помимо оппозиции внутри старых союзов имеется еще несколько внесоюзных группировок (Свободный Рабочий Союз Гелзенкирхена, Всеобщ. Рабоч. Союз, Синдик. Союз), из которых каждая живет самостоятельной жизнью и которые не ведут согласованной борьбы против капиталистов и их пособников из профессиональных союзов. К этим существующим группировкам присоединяются исключенные союзы, ибо профессиональная бюрократия, напуганная ростом коммунистических ячеек и оппозиции внутри старого профессионального движения, приступила к исключению из централизованных союзов как отдельных лиц, так и районных и местных отделений в полном составе.

23. В Англии профессиональные союзы непосредственно после войны начинают вести упорную борьбу за улучшение условий труда и сохранение завоеванных позиций. Грандиозные стачки углекопов и других категорий труда показывают силу и упорство английского пролетариата в борьбе. Послевоенный период показал всю ту степень связи, которая существует между частью руководителей профессионального движения Англии и буржуазией. Каждая стачка, каждый крупный конфликт прежде всего наталкивались на противодействие внутри организаций и со стороны других профессиональных союзов. Эти особенности английского профессионального движения при несомненном росте революционных, хотя и с утопически понимаемых идей, являются наиболее характерной чертой английского профессионального движения, которое по сравнению с довоенным периодом сделало, несомненно, громадный шаг вперед.

24. Возникшие во время войны фабрично-заводские комитеты, имевшие сравнительно большое влияние в 1917 и 1918 годах потеряли прошлое влияние, хотя революционные идеи и неизбежность революционной борьбы в значительной степени возросли в среде английского пролетариата. Слабость оппозиционных элементов Англии объясняется тем, что они не координировали свою работу в массах. Объединение всех этих революционных элементов может быть совершено расширением и углублением деятельности рабочих комитетов. Задача заключается не в том, чтобы вырывать отдельных выдающихся работников из самой гущи рабочей массы — из союзов, для того, чтобы устроить те или другие внесоюзные организации, а в том, чтобы все наиболее сознательные, революционно активные элементы органически работали в самой гуще рабочих масс: на фабриках, предприятиях, в низших ячейках союзов стремясь занять снизу доверху ответственные, руководящие посты в профессиональном движении. Только такой путь систематической упорной работы может дать действительные и постоянные результаты в стране с гигантским профессиональным движением, столь проникнутым старыми традициями и консерватизмом каким является английское профессиональное движение.

25. В Америке, как нигде профессиональные союзы и их руководящее ядро играют роль прямых агентов капитала. Для Гомперса и его клики, стоящей во главе Американской Федерации Труда, даже Амстердамский Интернационал является слишком революционным, и они не считают возможным принять в нем участие в виду этой чрезвычайной его революционности. Американская Федерация Труда возлагает все свои надежды на справедливость буржуазии и ничего слышать не хочет о возможности борьбы за новый строй. Это классический, наиболее типич-

ный пример сращивания верхушки рабочего класса с буржуазным государством. Эта зависимость от буржуазии и американских миллиардов является основной причиной, почему всякие Гомперсы так много кричат об автономии, независимости профессионального движения. Американская Федерация является лучшим пособником буржуазии в подавлении революционного движения, но и она втягивается в борьбу, ибо буржуазии недостаточно этой преданности—она хочет извлечь из нее еще большие выгоды, чем извлекала до сих пор. И если Американская Федерация Труда сама еще не вступает в борьбу, то отдельные отряды ее, местные организации, все больше и больше сталкиваются с государственным аппаратом и капиталом. Если не организационно, то идейно они все больше и больше отходят от основных принципов, на которых построена Американская Федерация Труда.

26. Существующая в Америке самостоятельная организация «Индустриальных Рабочих Мира» представляет собой до настоящего времени слишком малую силу, чтобы заменить старые профсоюзы. Индустриальные Рабочие Мира" имеют чисто анархическое предубеждение против политики и политической борьбы, делясь на сторонников и противников такого кардинального вопроса, как диктатура пролетариата. Существующие рядом с этими двумя организациями независимые союзы, формально независимые во многих отношениях от Американской Федерации Труда, идейно зависят от всей идеологии и практики ее контр-революционных руководителей. Задача создания революционных ячеек и групп внутри Американской Федерации Труда и независимых союзов стоит во всей остроте. Другого способа завоевать рабочие массы в Америке, как вести систематическую борьбу внутри старых союзов, нет.

27. В Италии положение крайне своеобразно. Громадное большинство итальянского пролетариата стоит на точке зрения революционной борьбы и диктатуры пролетариата. Руководящее ядро Всеобщей Конфедерации Труда питает большое недоверие к революционным методам борьбы и гораздо ближе по своей теории и практике к реформистскому социализму, чем к социализму революционному. Рядом с Всеобщей Конфедерацией Труда существует Синдикалистский Союз и независимые союзы, которые в отличие от независимых союзов Америки проникнуты глубоким революционно-коммунистическим духом. Они практически в своей деятельности стоят на точке зрения III Коммунистического Интернационала и Красного Интернационала Профсоюзов.

28. В остальных странах Европы и Америки профессиональное движение пережило глубокий сдвиг. Внутри старых союзов многих стран оформилось серьезное оппозиционное меньшинство (Чехо-Словакия, Польша и т. д.); в других странах (Болгария, Юго-Славия, Норвегия и т. д.) большинство принадлежит к сторонникам социальной революции и диктатуры пролетариата. Это своеобразное состояние профессионального движения всех стран показывает всю глубину того переворота, который произошел в широких рабочих массах. Уроки войны и русской революции не пропали для широких масс даром. Революционизирование союзов есть результат об'ективного хода вещей. Задача руководителей Красных Профсоюзов заключается в облегчении процесса оформления этого сознания и введения стихийного революционного движения в русло решительной борьбы с буржуазией за рабочую диктатуру.

V. Нейтрализм, независимость и социализм.

29. Социализм вышел из рамок отвлеченных рассуждений и встал перед рабочим классом, как практическая задача дня, и поэтому каждая рабочая организация должна занять определенную по инию по этому вопросу Попытка не дать ответа на повелительные классовые требования превращ ет рабочую организацию в лучшем случае в пассивного зрителя происходящей борьбы, т.-е. в пособника враждебного нам класса. Каждый с юз должен определить, с кем он должен итти: с реформистским социализмом. или с революционным социализмом, т.-е. коммунизмом. Отсюда вытекает вся ложность идеи нейтрализма и независимости.

30. Цель революционных союзов—низвержение капитализма и установление социалистического строя. Эта же цель стоит и перед революционной партией пролетариата, перед партией коммунистической. так как цель и основные методы борьбы одни и те же, политические и экономические организации пр летариата не могут существовать, как параллельные, не ветречающиеся в своей борьбе организации. Их повседневная борьба переплетается Без взаимной, постоянно в зрастающей связи и поддержки невозможно провести ни одну кампанию. Изолированные выступления заранее осуждены на неудачу и поражение.

31. Революционные профессиональные союзы поэтому всегда относились враждебно к идее нейтрализма и независимости профсоюзов от революционной партии пролетариата, зная, что под флагом нейтрализма и независимости по отношению к революционному социализму скрывалась чисто буржуазная реформистская идея разрыва экономической и политическ й борьбы пролетариата в целях ослабления и развращения рабочих масс. Нейтрализм и независимость профсоюзов от революционного социализма были и по настоящее время остаются лозунгами отсталой части профдвижения всех стран. Во всех странах руководители профсоюзов на протяжении последних лет с большей резкостью выступают за независимость профсоюзов от Коммунистического Интернационала, чем теснее эти руководители связаны с Лигой Наций и чем больше они зависят от буржуазии своих стран. Идея независимости профдвижения от коммунизма должна быть потому резко и категорически отвергнута.

32. Задача союзов заключается в том, чтобы вести борьбу против идеологии нейтрализма, которая вносит разлад и разложение в рабочие ряды и рабочие организации. В той мере, в какой союз вмешивается в ход социальной борьбы, борется против капитализма и его господства, в этой мере он теряет свои нейтралистские и независимые, по отношению к коммунизму, предрассудки. Единство действий революционных союзов и коммунистической партии на почве борьбы за социальную революцию и диктатуру пролетариата является повелительной задачей переживаемого времени, а единство действий является лучшим практическим опровержением всей старой, никогда фактически не проводившейся в жизнь, чистой теории нейтрализма.

33. Всякая экономическая борьба неизбежно превращается в политическую. Самая борьба при таких условиях, какие бы небольшие слои рабочих она в данной стране ни охватывала, может быть действительно революционной и приводить к максимальной пользе для рабочего класса в целом только в том случае, когда

революционные профсоюзы будут итти рука об руку и находиться в самом тесном сотрудничестве и единении с коммунистической партией данной страны. Теория и практика разделения борьбы рабочего класса на две самостоятельные половины крайне вредна, особенно в настоящий революционный момент. Каждое выступление требует максимальной концентрации сил, что мыслимо только лишь при условии величайшего напряжения всей революционной энергии рабочего класса, т.-е. всех его коммунистических революционных элементов. Раздельные выступления коммунистической партии и революционно-классовых красных союзов осуждены заранее на неудачу и разгром. Вот почему, единство действий, органическая связь коммунистических партий с профсоюзами является предварительным условием успеха в борьбе против капитализма.

VI. Амстердамский интернационал.

34. Анти-классовая военная политика профсоюзов воюющих стран послужила причиной развала всех существующих до сего времени международных связей, как Международного Секретариата, во главе которого стоял Легин, так и всех отдельных международных об'единений (текстильщиков, металлистов и т. д.), которые разбились—в зависимости от их местонахождения—на сторонников Антанты и сторонников Центральных Империй.

35. Порожденные войной бедствия, усиление классовых контрастов, необеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне, рост безработицы и глубокое разочарование результатами войны послужили могучим толчком к наплыву широких масс в профсоюзы. Война подняла новые пласты рабочих, она пробудила в них тревогу посеяла в них недоверие к своим собственным индивидуальным силам и заставила самого отсталого рабочего задуматься над причинами и последствиями переживаемой человечеством катастрофы. Поэтому в разорванных войной на национальные части рабочих массах всех стран проснулось с новой силой подавленное за годы войны чувство международной солидарности и инстинктивная потребность восстановить интернациональные связи, необходимость которых чувствуется даже наиболее отсталыми слоями рабочего класса.

36. Отсюда стремление обанкротившихся вождей профдвижения взять на себя инициативу воссоздания Интернационала и стать во главе его. Попытавшись создать союзнический Профессиональный Интернационал (Лидс, 1916 г.), руководители профессионального движения стран Антанты непосредственно по окончании войны начали свое дело «восстановления» интернациональных связей с участия в работах некоторых комиссий по выработке дополнительных статей Версальского договора, чем закрепили в международном масштабе ту предательскую работу, которую они вели в пределах буржуазного отечества.

37. Победа «демократии» в международной бойне была ознаменована созданием при Лиге Наций международного Бюро Труда, которое является наиболее отчетливым выявлением идеи мирного развития и сотрудничества классов. Это Бюро, состоящее из 6 рабочих лидеров, шести предпринимателей и двенадцати представителей буржуазных правительств, имеет целью не только изучать социальную борьбу, но и вводить ее в русло мирного развития и полюбовного разрешения конфликтов между трудом и капиталом.

38. В Берне (февраль 1919 год) и в Амстердаме (июль 1919 г.) формально был восстановлен Интернационал Профсоюзов, который является продолжением национальной политики в международном масштабе. Новый Интернационал начал свою деятельность с того, что высказался за международное Бюро Труда и неразрывно связал своих руководителей с мировым империализмом. Его программа: мирное развитие, сотрудничество классов, постепенное врастание в социализм и смертельная боязнь и ненависть к революционному движению масс.

39. Такое международное предательство тех, кто на протяжении долгих лет предавал оптом и в розницу рабочих своих стран было совершенно естественно и логично; но оно шло в разрез с глубокими интересами обескровленного пролетариата, и мы видим, как одновременно с созданием этого международного оплота буржуазии во всех странах растет и ширится протест против военно-империалистической линии. Этот протест, обостряемый растущей социалистической борьбой, не имел первое время, своего международного организационного центра. Такой центр был создан по инициативе ВЦСПС в июле 1920 года в лице Временного Международного Совета Профсоюзов. Возникновение этого центра революционного профдвижения является исходным пунктом ожесточенной борьбы внутри мирового профдвижения под лозунгом: «Москва или Амстердам?» Расслоение внутри старых организаций идет тем быстрее, чем более нарастает экономический кризис и чем безысходнее становятся для пролетариата виды на мирное развитие.

40. Самый факт появления Красного Интернационала Профсоюзов дал громадный толчок непрерывному росту сторонников Красного Интернационала. Этот факт,—складывающиеся в мировом профдвижении группировки, с одной стороны, и неуклонный упадок Амстердамского об'единения—с другой, ставит перед революционными союзами всех стран вопрос о дальнейших методах и способах об'единения их собственных сил и о формах наступления на международный капитал и желтых вождей, стоящих во главе Амстердамского об'единения профсоюзов.

VII. Методы и способы борьбы

41. Выбить старых вождей из их позиций революционные союзы смогут только в том случае, если революционные и наиболее сознательные элементы ни на одну минуту не будут отрываться от массы и ее повседневных нужд и чаяний. Работу надо вести на почве данных, глубоко волнующих массы конфликтов. Презрительное и высокомерное отношение к повседневной борьбе, к материальным интересам членов союза может привести к отрыву от масс, к пропасти между авангардом и густыми колоннами пролетарской армии. Поэтому чуткость в повседневной борьбе, умение использовать ее под углом зрения конечной цели, связывая ее с общепрофессиональной борьбой за пролетарскую диктатуру, являются важнейшими вопросами союзной тактики.

42. Основой для расширения нашего влияния должна служить экономическая борьба. Вопросы заработной платы, тарифа, обеспечения жертв войны, социальное страхование, безработица, работа женщин и детей, санитарные условия в предприятиях, дороговизна, жилищный вопрос и т. д., налоговая политика, мобилизация, колониальные авантюры, финансовые комбинации—все это должно служить повседневным материалом для организации и боевого социалистического воспитания. Сторонники Красного Интернационала Профсоюзов не должны ни в коем

случае оставаться вне рамок организаций и действовать *извне* на рабочих. Задача заключается в том, чтобы действовать упорно и систематически *изнутри* профсоюзов, давая широкой рабочей массе практические уроки революционности, самоотверженности и коммунизма. Необходимо вести на фабриках, заводах и предприятиях упорную и систематическую пропаганду среди рабочих, привлекая их к Красному Интернационалу Профсоюзов. Этот же вопрос—за или против Москвы—должен ставиться также и в реформистских синдикатах, для чего сторонники Красного Интернационала Профсоюзов должны использовать все союзные собрания, с'езды и конференции, противопоставляя в практической работе и борьбе революционный социализм реформизму и сотрудничеству классов.

43. Завоевать массы, а стало быть и профсоюзы, мы сумеем при том условии, что и в борьбе и в сопротивлении мы будем во главе, в первых рядах рабочих масс. Это, однако, ни в коем случае не значит, что нужно всегда призывать к наступлению, исходя из той точки зрения, что наступление при всяких условиях при всяких обстоятельствах благо. Сторонник Красного Интернационала Профсоюзов должен быть не только образцом революционности, но и образцом выдержки и хладнокровия. Вся суть успеха заключается в систематической, планомерной и упорной подготовке каждого действия, каждого выступления. Быстрота и непримиримость действия должна сочетаться с крайне детальным изучением обстановки и обстоятельства, а равно и степени организованности враждебных сил. В борьбе классов, как в боях на фронте, нужно уметь не только наступать, но и в порядке, сплоченно отступать. В нападении и обороне нужно всегда иметь в виду одно: иметь за собой сочувствие широких пролетарских масс и всю социально-политическую обстановку, в которой протекает борьба.

VIII. Программа действий.

44. Исходя из всех вышеизложенных принципов, из состояния международного профессионального движения, экономического кризиса, обостренной классовой борьбы, растущих социальных конфликтов и повелительной необходимости готовить союзы к социальной революции и диктатуре пролетариата. 1-й Международный Конгресс Красных Профсоюзов принимает следующую программу действий.

45. Основой тактики профессиональных союзов является прямое действие революционных масс и их организаций против капитала. Все завоевания рабочих прямо пропорциональны степени революционного давления масс Под прямым действием разумеются все виды непосредственного давления рабочих на предпринимателей и государство: бойкот, стачки, уличные выступления, демонстрации, захват предприятий насильственное противодействие вывозу готовых фабрикатов из предприятий и другие революционные действия, ведущие рабочий класс к низвержению капитализма, сплачивающие рабочий класс для борьбы за социализм Задача революционно-классовых профессиональных союзов заключается, поэтому, в том, чтобы все формы борьбы превратить в орудие воспитания и боевой подготовки рабочих масс к социальной революции и установлению диктатуры пролетариата.

46. Последние годы борьбы показали с особой наглядностью всю слабость узко-профессиональных об'единений. Принадлежность рабочих одного предприятия к нескольким союзам ослабляет их в борьбе. Надо перейти, и это должно стать исходным пунктом предстоящей неослабной борьбы — от строительства на основе

чисто-профессионального признака к организации союзов по производствам. Все рабочие одного предприятия должны принадлежать к одному союзу. Таков боевой лозунг в области организационного строительства. К слиянию смежных союзов в один союз нужно итти революционным путем, ставя этот вопрос непосредственно перед членами союза на фабриках и предприятиях и восходя в дальнейшем к районным и областным конференциям и национальным с'ездам.

47. Каждая фабрика и каждый завод должны стать крепостью революции. Старая форма связи между рядовыми членами союза и самим союзом (сборщики денег, представители, доверенные лица) недостаточна, надо стремиться построить союз на базисе фабрично-заводских комитетов. Фабрично-заводские комитеты должны выбираться всеми рабочими данного предприятия, независимо от того, какие политические убеждения он исповедует. Задача сторонников Красного Интернационала Профсоюзов заключается в том, чтобы все рабочие данного предприятия были вовлечены в выборы своего представительного органа. Попытки выбрать фабрично-заводские комитеты исключительно из своих единомышленников отбрасывают тем самым широкую беспартийную массу. Посему такие попытки должны быть категорически осуждены Это будет ячейка, а не фабрично-заводской комитет. Революционная часть рабочих должна через ячейку, комитеты действия и своих рядовых членов воздействовать и влиять как на общее собрание, так и на выборный фабрично-заводской комитет.

48 Первый вопрос, который нужно ставить перед рабочими и фабрично-заводскими комитетами—это содержание увольняемых из-за безработицы рабочих за счет предпринимателей данной отрасли промышленности. Нельзя ни в коем случае допустить, чтобы рабочие выбрасывались на улицу и предприятие ничем не участвовало в обеспечении дальнейшего существования уволенных рабочих. Предприниматель должен своим безработным платить полную заработную плату. Вот вокруг чего нужно организовать не только безработных, но, главным образом, работающих в предприятиях, об'ясняя им одновременно, что вопрос о безработице не может быть разрешен в рамках капиталистических отношений, что лучшее средство против безработицы,—это социальная революция и диктатура пролетариата.

49. Закрытие предприятий, а также сокращение числа рабочих дней в неделю является в настоящее время важнейшим орудием, с помощью которого буржуазия вынуждает рабочих соглашаться на понижение заработной платы, увеличение рабочего дня, отмену коллективного договора. Локаут принимает все более отчетливые формы „прямого действия» со стороны объединенных предпринимателей против организованных рабочих масс. Поэтому союзы должны вести работу против закрытия предприятий и за право расследования со стороны рабочих причин такого закрытия. С этой целью должны создаваться специальные контрольные комиссии по сырью, по топливу по заказам для фактической проверки наличного количества сырья, необходимых для производства материалов, а также для проверки денежных рессурсов предприятия, находящихся в банках. Специально выбранные контрольные комисси должны самым тщательным образом расследовать финансовые отношения между данным предприятием и другими предприятиями, для чего необходимо поставить перед рабочими, как практическую задачу дня, уничтожение коммерческой тайны.

50. Одной из серьезных форм борьбы может быть занятие рабочими фабрик, заводов и продолжение производства вопреки воле предпринимателя При наличном товарном голоде такое продолжение является особенно важным и поэтому союзы не должны допускать намеренного закрытия фабрик и заводов. В зависимости от местных условий, условий производства, политической обстановки, напряженности социальной борьбы, захват предприятий может и должен сопровождаться и другими методами воздействия на капитал.

При захвате предприятия управление им должно находиться в руках фабрично-заводских комитетов и специально поставленного для этого представителя союза.

51. Экономическая борьба должна итти под лозунгом повышения заработной платы и улучшения условий труда и защиты жизненных интересов рабочих. Истощение рабочего класса за период войны должно сейчас получить компенсацию в виде повышения заработной платы и улучшений условий труда Ссылки капиталистов на иностранную конкуренцию ни в коем случае не должны быть приняты во внимание; революционно-классовые профсоюзы должны к вопросам заработной платы и условий труда подходить не с точки зрения конкуренции между хищниками разных наций, а с точки зрения сохранения и защиты живой рабочей силы.

52. В послевоенное время предприматели пользуются всеми возможными средствами для создания раскола в среде рабочего класса. Они использовали в полной мере женскую рабочую силу во время войны и теперь стремятся к дальнейшему использованию этой дешевой рабочей силы, для того, чтобы уменьшить заработную плату, в среднем получаемую мужчинами. Вместо того, чтобы бороться против предпринимателя, рабочие в некоторых странах настаивают на принципе удаления женщин из промышленности и их исключения из профсоюзов. Такая линия поведения должна встретить решительный отпор со стороны Красных Профсоюзов. Революционные профсоюзы должны бороться за равенство условий работы для женщин и мужчин и за равную оплату одинакового труда.

53. В случае понижательной тактики со стороны капиталистов и экономического кризиса в стране, задача революционных союзов сводится к тому, чтобы не дать понизить заработную плату по очереди в каждом производстве, т.-е. не дать себя разбить по частям. Надо сразу вовлечь в борьбу рабочих всех общественно-полезных предприятий (углекопы, железнодорожники, электрические рабочие, газовые рабочие и пр.) для того, чтобы борьба против наступления капитала затронула основные нервные узлы хозяйственно-экономического организма. Здесь необходимы и целесобразны все виды сопротивления от частичной, перемежающейся стачки до всеобщей стачки, охватывающей какое-либо основное производство в национальном масштабе. Подобные планомерные выступления являются могущественным орудием против реакционных поползновений буржуазии всех стран. Профессиональные союзы должны внимательно следить за мировой конъюнктурой, выбирая наиболее удачный момент для своего экономического наступления, ни на одну минуту не забывая, что какое бы то ни было международное выступление возможно будет только в том случае, если будут созданы действительно революционно-классовые международные профсоюзы, ничего общего не имеющие с желтым Амстердамским Интернационалом.

54 Вера, распространяемая в массах оппортунистами всех стран в абсолютную ценность коллективных договоров, должна встретить резкий и решительный от-

пор со стороны революционного профессионального движения. Коллективный договор не более, как перемирие. Предприниматели всегда нарушают коллективные договоры, как только имеется для этого малейшая возможность. Религиозное отношение к коллективным договорам свидетельствует о том, что буржуазная идеология глубоко проникла в головы рабочего класса. Революционные профсоюзы, не отказываясь от коллективного договора, должна понижать их относительную ценность и должны ясно поставить перед собой вопрос о методах разрыва этих договоров, когда это выгодно рабочему классу.

55. Борьба рабочих организаций против индивидуального и коллективного предпринимателя должна, применяясь к национальным и местным условиям, использовать весь опыт освободительной борьбы рабочего класса. Вот почему крупная стачка со стороны рабочих не только должна быть хорошо подготовлена, но одновременно с возникновением стачки рабочие должны создавать специальные кадры для борьбы с штрейкбрехерством и для противодействия провокационному выступлению со стороны всевозможных белогвардейских организаций, поощряемых буржуазными государствами. Фашисты в Италии, полиция „безопасности" из бывших военных (Sipo) в Германии, гражданские белогвардейские организации из бывших офицеров и унтер-офицеров во Франции и Англии—все эти аналогичные по своим задачам, различные по форме организации имеют целью дезорганизовать, разбить всякое выступление рабочих, причем разбить их, не только заменяя бастующих, но разгромив материально их организации и перебив руководителей массового рабочего движения. Организация при таких условиях специальных стачечных дружин, специальных отрядов самозащиты является вопросом жизни и смерти для рабочего класса.

56. Созданные рабочими организации должны во время стачек не только бороться против предпринимательских штрейкбрехеровских организаций, но взять на себя инициативу задержки всех грузов и товаров, идущих на данный завод из других предприятий, и воспрепятствование вывозу заказов на другие заводы и другие предприятия. В этом отношении союзы транспортных рабочих должны играть особенно выдающуюся роль; на них лежит обязанность задержки перевозимых грузов, что без труда выполнимо при единодушной поддержке всех рабочих данной местности.

57. Вся экономическая борьба рабочего класса в ближайший период должна складываться вокруг лозунга контроля над производством, причем этот контроль нужно осуществлять, не ожидая, пока правительство и господствующие классы выдумают суррогат контроля. Нужно вести ожесточенную борьбу против всяких попыток господствующих классов и реформистов, создавать паритетные трудовые объединения, паритетные контрольные комиссии, причем контроль над производством нужно проводить явочным порядком. Только тогда он даст определенные результаты. Революционные профсоюзы должны выступать со всей решительностью против этого социализаторского шантажа и жульничества, которым занимаются руководители старых союзов при содействии господствующих классов. Все разговоры этих господ о мирной социализации имеют единственной целью отвлечь рабочих от революционных действий и социальной революции.

58. Чтобы отвлечь внимание рабочих от их непосредственных задач и пробудить в них мелко-буржуазные стремления, предпринимателями выдвигается идея участия рабочих в прибылях, т. е. возвращения рабочим незначительной части

созданной ими прибавочной стоимости. Этот способ развращения рабочих должен встретить суровую и беспощадную критику. «Не участие в прибылях, а уничтожение капиталистической прибыли» —вот лозунг революционно-классовых профсоюзов.

59. С целью парализовать и сломить боевую силу рабочего класса буржуазные государства под предлогом защиты жизненных интересов наций милитаризуют отдельные предприятия и даже целые отрасли промышленности. Под видом предупреждения, по мере возможности, экономических кризисов, они для защиты капитала ввели обязательные третейские суды или примирительные камеры (комиссии для улаженая конфликтов). В интересах капитала же был введен в некоторых странах прямой налог на заработную плату, с целью свалить тяжести войны полностью на рабочий класс, причем сборщиками налога являются сами предприниматели. Против этих государственных мероприятий, служащих исключительно интересам капиталистического класса, профессиональные союзы должны повести ожесточенную борьбу.

60 Ведя борьбу за улучшение условий труда, за поднятие жизненного уровня масс и за установление рабочего контроля, нужно иметь все время в виду, что в пределах капиталистических отношений разрешить все эти проблемы невозможно и что поэтому революционные профессиональные союзы, вырывая шаг за шагом у господствующих классов уступки, заставляя их проводить социальное законодательство должны ставить перед рабочими массами со всей ясностью основной вопрос о том, что только низвержение капитализма и установление диктатуры пролетариата может разрешить социальный вопрос Поэтому ни одно выступление, ни одна частичная забастовка, ни один маленький конфликт не должны с этой точки зрения пройти бесследно Революционные профсоюзы обязаны обобщать эти конфликты, поднимая все время рядовых рабочих до сознания необходимости и неизбежности социальной революции и диктатуры пролетариата.

2p 50x

The Observer Subscription Servic
35 Perrymount Road
Haywards Heath
Sussex RH16 3DH
England

Keeping in touch with
the world.